

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

**2 (34)
2018**

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 2(34)
2018**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, доцент, научный сотрудник сектора социальной психологии науки Института истории и естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»
Матульник Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе

Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Российской Академии Наук, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Нарыков Н.В.	Краснодар, Россия	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»
Тахмазов Р.Ф.	Баку, Азербайджан	доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета

Человек. Общество. Инклюзия

№ 2(34) 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
	кандидат педагогических наук, доцент	Е.А. Хованская
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, профессор	Э.К. Наберушкина
	кандидат философских наук, доцент	Д.С. Райдугин
Филологические науки 10.00.00	доктор филологических наук, доцент	К. Коч
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oglu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S. I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Tahmazov R.F. — Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University

Human. Society. Inclusion

Issue 2(34) 2018

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor	
Pyzankova E.N.	Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Pedagogics, Professor	
Scientific Research Areas:		
13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Doctor of Sociology, Professor
	Sydorgin O.A.	Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Pyzankova E.N.	Candidate of Pedagogics, Professor
	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
	Hovanskaya E.A.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
	Raydugin D.S.	Candidate of Philosophy, Associate Professor
10.00.00 Philology	Koch K.	Doctor of Philology, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N.	Candidate of Economics, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economics, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Э.К. Наберушкина

Исследование инвалидности в контексте урбанистики 12

Д.С. Райдугин, Е.В. Воеводина

Концептуализация понятия урбанистического благополучия
в проблемном поле социологии инвалидности 23

Л.В. Рожкова, С.А. Влазнева, О.В. Сальникова

Образование в структуре социального потенциала молодежи Поволжья 29

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А.А. Антипов

Культурно-философские основания цифровой культуры 37

Е.А. Воронцов

«Законы» Платона: проект реализации наилучшего государственного
строения 45

К.С. Арутюнян

Возникновение и эволюция понятия управления в истории философской
мысли 60

И.Р. Камалиева

Пациент в условиях сциентизации медицины и медиализации культуры .. 66

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.З. Шахмарданов, С.А. Шахмарданова, И.Л. Руденко

Значение современных информационных технологий в образовательном
процессе 73

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.Б. Шнейдер, А.А. Якимович

Личностно-профессиональные предпочтения и намерения обучающихся
на этапе завершения бакалавриата 78

Т.Н. Березина

Жизненный путь личности как фактор индивидуальной
продолжительности жизни 95

Е.А. Володарская, А.А. Шустова

Психологические особенности взаимосвязи гендерной идентичности
и полоролевых стереотипов у старших подростков 104

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Э.Р. Хасанов

Правовое регулирование по обеспечению инвалидов техническими
средствами реабилитации в деятельности учреждений медико-социальной
экспертизы: теория и практика 118

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В.П. Агафонова

Условия формирования профессиональной карьеры сотрудников органов
внутренних дел 126

Г.А. Юнгус

Социально-философский аспект образа Льва Толстого как мирового
посредника в историческом контексте 135

К сведению авторов 143

Contents

SOCIAL SCIENCE

Naberushkina E.K.

Disability studies in the context of urbanistics 12

Raydugin D.S., Voevodina E.V.

Conceptualization of the notion of urban welfare in the problematic field
of sociology of disability 23

Rozhkova L.V., Vlazneva S.A., Salnikova O.V.

Education in the social structure of youth in the Volga region 29

PHILOSOPHY

Antipov A.A.

Philosophical foundations of digital culture 37

Vorontsov E.A.

Plato's «Laws»: implemetation project of the best form of political
governance 45

Arutiunian K.S.

Evolution of management in the history philosophical thought 60

Kamalieva I.

Patient in conditions of medicine scientization and culture medicalization 66

PEDAGOGY

Shachmardanov A.Z., Shachmardanova S.A., Rudenko I.L.

The Importance of modern information technologies in the educational
process 73

PSYCHOLOGY

Shneider L.B., Yakimovich A.

Personal and professional preferences and intentions of students
in their final year of bachelor's studies 78

Berezina T.N.

Life path of the person as a factor of the human's lifespan 95

Volodarskaya E.A., Shustova A.A.

Psychological characteristics of correlation between gender identity
and gender stereotypes among senior adolescents 104

LEGAL SCIENCE

Khasanov E.R.

Legal regulation on technical means of rehabilitation for the handicapped
in the activities of institutions for medical and social examination: theory
and practice 118

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Agafonova V.P.

Conditions of professional career of employees of internal affairs 126

Yungus G.A.

The socio-philosophical aspect of the image of Leo Tolstoy as a conciliator
in a historical context 135

For the Attention of Authors 143

Э.К. Наберушкина

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УРБАНИСТИКИ¹

DISABILITY STUDIES IN THE CONTEXT OF URBANISTICS

НАБЕРУШКИНА Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и философии МГГЭУ (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

NABERUSHKINA Elmira Kamalovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Sociology and Philosophy Department of MGGEU (e-mail: naberuskinaek@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена исследованию городского контекста инвалидности. Исследовательская методология выстроена путем расширения междисциплинарной области «disability studies» путем вовлечения урбанистики. Результаты исследования, проведенного с помощью качественной методологии, позволили обнаружить, как и в каких городских условиях, в присутствии каких групп горожан, вещей, процедур, городских потоков производится реальность инвалидности.

Ключевые слова: люди с инвалидностью, урбанизм, стигматизация, инфантилизация, благополучие в условиях городской среды, архитектоника.

Abstract. The article about the study of the urban context of disability. The research methodology is built by expanding the interdisciplinary field of disability studies by including urbanistics. The results of the research allowed to see how and in what urban context, in the presence of which groups of citizens, things, procedures, urban flows, the reality of disability is produced.

Key words: people with disabilities, urban studies, stigmatization, infantilization, well-being in the urban environment, architectonics.

В академической науке в конце семидесятых годов двадцатого столетия началось формирование нового исследовательского направления — *disability studies*. Пытаясь увести проблематику инвалидности из поля медицины и физиологии, ученые направили усилия на анализ правовых, социокультурных, социально-антропологических, гендерных и иных аспектов инвалидности. Сегодня *disability studies* — это междисциплинарное исследовательское направление со сложившейся собственной терминологией, методологией и объяснительными теориями. Дэн Гудли [2, с. 11] характеризует *disability studies* как «матрицу теорий, педагогик и практик», которая может потенциально задействовать многие

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности»).

парадигмы и сломать дисциплинарные барьеры изучения проблематики инвалидности. В то же время, анализ научных публикаций по вопросам инвалидности показывает, что междисциплинарность *disability studies* чаще всего обеспечена соприкосновением социологии, психологии, социальной работы, социальной антропологии, политологии, медицины и права. Перечисленные научные направления сегодня стали традиционными для изучения инвалидности и инвалидизации, но иначе обстоит дело с урбанистикой, которая лишь начинает вовлекаться в междисциплинарный ансамбль *disability studies*.

Современный город представляет собой мозаику миров и жизненных стилей, а различия в авторитете, образовательных и карьерных траекториях, возможностях досуга и мобильности обычного человека («нормата») и человека с инвалидностью во многом определены материальным устройством города, ожиданиями и отношением окружающих. Стандартный дизайн домов и квартир, лестниц и проходов, транспорта и магазинов, терминалов и светофоров не позволяет «вписаться» в него не только людям с инвалидностью, но и всем тем, чьи тела и поведение не учтены в схемах градостроителей. Так, пожилые люди не успевают перейти дорогу за то время, пока горит зеленый сигнал светофора, люди с близорукостью просят других покупателей прочесть для них цены на продукты в магазине, передвигающиеся на коляске испытывают трудности из-за отсутствия пандусов. Организация города, рассчитанная на идеал одного единственного усредненного пользователя, в большей или меньшей степени исключает всех остальных горожан, чей возраст, скорость перемещения или другие параметры не соответствуют стандарту. Городская архитектура и инфраструктура, публичные пространства и сервисы, по сути, сконструированы по принципу *one size*, но этот размер не подходит ни для кого из горожан идеально.

Еще один важный методологический принцип в рамках изучения инвалидности был сформулирован в конце прошлого столетия в контексте социальной модели инвалидности, критикующей нормативистский (медикалистский) формат. Социологи, социальные антропологи, социальные работники стали выделять два подхода к исследованию и описанию жизненных практик людей с инвалидностью. Во-первых, это дискурс, в рамках которого инвалидность рассматривается в контексте условий «включающих» или активирующих статус инвалидности, а проблематика в целом анализируется преимущественно в физическом измерении (например, в контексте повседневных городских реалий). Во-вторых, это исследовательский формат, когда описание инвалидности учитывает нозологию, но в основном строится вокруг оценки реакций типичного большинства на болезнь и нетипичность внешности человека. Нидерландский антрополог Аннмари Мол в своей работе «Множественное тело» [1] исследует, как, в каких условиях, в присутствии каких людей, вещей, процедур и других внешних структур производится реальность атеросклероза. Этот подход представляет интерес, поскольку позволяет рассмотреть вне-клинические множественные повседневные контексты, в которых «включается» инвалидность (иными словами, происходит инвалидизация). Строя свои рассуждения в рамках обозначенного формата, мы понимаем инвалидизацию прежде всего как невозможность какого-то типичного для человека действия в предложенных условиях. Это состояние возникает первоначально в социальном плане, в «драме» отношений с городом, и только затем становится объективно переживаемым личностью. Различные ситуации повседневной городской реальности, связан-

ные с покупками в магазине, поездками в транспорте, нахождением в публичных местах, взаимодействием с другими людьми в городе могут либо активировать статус инвалидности, заставив человека чувствовать себя недееспособным, неполноценным, либо напротив, нивелировать и компенсировать имеющиеся нарушения здоровья.

Расширяя поле междисциплинарного анализа инвалидности путем включения урбанистического дискурса, мы будем строить рассуждения в русле обозначенных подходов, показывая, как те или иные города определяют повседневность человека с ОВЗ, заставляя его забывать или напротив, вновь и вновь переживать свою инвалидность. Как город с его архитектурикой в различных проявлениях и практиках повседневности «включает» инвалидность, то есть буквально заставляет человека вспомнить о том, что он не такой как все? Как этому способствуют коммуникативные стратегии типичных горожан в различных ситуациях встречи с инвалидами и как агентность (реальное физическое погружение инвалида во все процессы и общественные коммуникации) меняет социальные и инфраструктурные порядки в городе? Дискурс болезни нами используется для оценки того, как окружающие горожане в больших и малых городах реагируют на инвалидность и видимые анатомические особенности человека.

Для анализа урбанистической реальности нетипичных горожан и выяснения специфики благополучия/неблагополучия людей с инвалидностью в контекстах малых провинциальных городов и столичного мегаполиса нами было предпринято исследование среди студентов университета, реализующего инклюзивную образовательную стратегию.

Программа исследования

Методом фокус-группы в мае 2018 г. проведено исследование среди студентов инклюзивного московского вуза. В целях социологического анализа из числа студентов с инвалидностью, приехавших учиться в Москву из провинциальных городов, было отобрано одиннадцать участников¹. Использование метода фокус-групп позволило выяснить, как выглядят процессы активации инвалидности. Как и при каких внешних обстоятельствах происходит так называемое «включение» инвалидности, как возникает не-возможность городского гражданства людей с инвалидностью в зависимости от специфики ситуации,

¹ Участник 1 — девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло (отсутствие ног, недоразвитие левой руки), 25 лет.

Участник 2 — юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло (отсутствие ног), 22 года.

Участник 3 — юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года.

Участник 4 — юноша, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 26 лет.

Участник 5 — юноша, инвалид II группы, ДЦП, 21 год.

Участник 6 — юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло (травма позвоночника), 19 лет.

Участник 7 — девушка, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 19 лет.

Участник 8 — девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло (атрофия мышц), 22 года.

Участник 9 — юноша, инвалид II группы, ДЦП, использует канадские костыли, 22 года.

Участник 10 — юноша, инвалид II группы, ДЦП, 22 года.

Участник 11 — девушка, инвалид II группы, использует инвалидное кресло (травма позвоночника), 25 лет.

в которую они попадают. Применение данного метода позволило обнаружить особенности восприятия давления стигмы, городские повседневные модели воспроизводства стигмы и определить существующие различия между городами по этому параметру. При обработке данных на первом этапе осуществлялось транскрибирование, далее вычленялась главная идея. На втором этапе выстраивалась ось ключевых категорий, осуществлялся поиск тем, которые проясняли основную исследовательскую логику (типы восприятия инвалидности, отношение к инвалидам в столице и провинции, дискриминирующие и нетипичные проявления горожан в ситуации столкновения с инвалидами). Особое внимание в ходе исследования уделялось самоощущению молодых людей с инвалидностью в зависимости от нахождения в том или ином городе, в тех или иных городских пространствах.

Результаты исследования

Полученные данные позволили утверждать, что городская драма малых провинциальных городов уводит рассуждения об инвалидности и жизни людей с ОВЗ в клинический или амбулоцентристский контекст (инвалидность как результат повреждения тела). Ситуация крупного мегаполиса (Москва) с развитой доступной инфраструктурой в большей степени нормализует жизнь человека с инвалидностью, позволяет говорить о развитии условий для равного городского гражданства инвалидов в формате междисциплинарной модели *disability studies*.

Дэвид Митчелл и Шэрон Снайдер [3] предложили логику «ненормативного позитивизма», согласно которой инвалидность понимается как взаимодействие индивидуальных и структурных характеристик, а опыт человека с инвалидностью — как результат взаимоотношений внутренних индивидуальных факторов и внешних ситуаций, производных от широкого контекста, в котором индивид находится. В этом ключе мегаполис с активно формируемой доступной средой и разнообразием сервисов позволяет анализировать реалии «инвалидности вне тела».

«Я обожаю парк Сокольники, потому что там все приспособлено — и туалеты приспособлены, и мероприятия проводят такие, что и на коляске можно проехать, и присесть где угодно. Я там чувствую себя свободно. Вот там недавно мы были, гуляли. Мы почти весь объехали парк, и не было такого, чтобы мы куда-то не смогли заехать, посмотреть. Повсюду там пандусы, даже в павильоны заходишь, все есть» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года.).

«Мне нравится аэропорт, потому что я чувствую себя вообще свободно. Я люблю путешествовать везде. В аэропорту возникает чувство свободы, что я могу путешествовать и передвигаться абсолютно свободно. Я очень люблю “Домодедово”, потому что он действительно приспособлен. А “Шереметьево” очень огромный (девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, недоразвитие левой руки, 25 лет).

«В “Шереметьево” ты можешь свободно гулять, где ты хочешь» (юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, 22 года)

«История в аэропорту: во “Внуково” я заказывала помощь для людей с ограниченными возможностями, чтобы помогли подняться по трапу. Об-

ращение со мной было на “Вы» именно в Москве. И когда, буквально, я уже оказалась у себя дома, то сразу же почувствовала, что ко мне стали уже обращаться на “Ты”. И дело в том, что тут меня уже стали воспринимать за ребенка. Это странно было. В принципе, уже не скажешь по лицу, что я ребенок. Но по прилету в маленький город из Москвы я ощутила, что люди грубеют, хватают вещи и обращаются со мной уничижительно» (девушка, инвалид II группы с синдромом мезомелической карликовости, 19 лет).

Если принять за основу точку зрения Л.С. Выготского, который считал, что действие дефекта не является непосредственным, оно вторично, а затруднения, с которыми сталкиваются люди с нетипичной внешностью, реализуются в первую очередь как снижение социальной позиции, то опыт наших информантов говорит о том, что провинциальные, малые и средние города порой мгновенно заставляют человека включиться или вовлечься в инвалидность, превратиться из взрослого и самостоятельного в маленького и неполноценного, вспомнить какой он и чего не может делать. Ограниченные возможности здоровья или нетипичная внешность — это условие жизнедеятельности человека, но городские пространства в разной степени чувствительны к этим условиям и потребностям. Вынося инвалидность за скобки, мы выходим на стратификационный анализ городских реалий, специфики и ментальности урбанизма.

«Я живу в городе, где родился: он, во-первых, чистый, что плюс. Недоступный — это огромный минус. И там порой много неадекватных людей» (юноша, инвалид II группы, ДЦП, использует канадские костыли, 22 года).

«Мы приехали в клуб отдыхать, нам сказали: “Мы вас не пустим”. И они нам толком не могли объяснить, почему они нас не пускают. Нам всем больше 18 лет, у нас у всех паспорта были с собой. Но мы сразу поняли, что это дискриминация: якобы будем народ пугать... А нам потом, кстати, сказали, типа вы пугаете там некоторых личностей, которые там тоже отдыхают. В Москве, кстати, такого не происходит. В Пензе было, в Рязани тоже было» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

Стигматизирующие практики воспроизводятся и в повседневности столичного мегаполиса. Истории наших информантов о столкновении с явной дискриминацией позволяют сделать вывод, что по степени проявления уважительного или грубого отношения к инвалидам существенных различий между столицей и провинцией нет. Однако можно предположить разницу причин, запускающих негативное отношение к инвалидам. Если в случае провинциального города наши участники больше говорили о грубости и невоспитанности горожан, об инфантилизации инвалидов в таких городах, то в контексте столицы чаще упоминали ритм города, торопливость толпы и стереотипное восприятие инвалидов как просящих деньги.

«Может быть, ритм жизни. В Москве он быстрее, чем у нас, в провинциальном городе. И еще зависит от... ну, у каждого свое настроение...»

(юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, травма позвоночника, 19 лет).

«Здесь чисто заработать. Здесь не хотят ждать. Потому что медленно, должно всё быстро, один автобус приехал, следующий проехал, следующий, ну, не успел — на следующий сядешь. Здесь чисто деньги» (юноша, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 26 лет).

«Человеческий фактор в Москве порой просто отключается» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

Наиболее показательны случаи, когда участники фокус-группы рассказывали о том, как они пытались попросить о помощи подняться или спуститься по лестнице, а на них машинально реагировали как на попрошаек.

«Были случаи в Москве. Вроде Москва большой город. Сколько раз мы просили людей, чтобы помогли в метро подняться по эскалатору ну или даже по лестнице, когда выход на улицу, нам всегда отказывали, потому что говорили: извините, мы денег не даем и т.д. Мы просто просили, чтобы помогли... мы говорили, ну блин... мы не просим у вас денег, мы просим реально помочь, чтобы подняться» (юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, 22 года).

«В Москве иногда боишься так подойти, спросить, потому что опять начнут говорить: мы тебе денег не дадим, мы денег не даём и т.д.» (девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, недоразвитие левой руки, 25 лет).

Инфраструктурная доступность, вариативность и многолюдность столицы дает существенные преимущества мобильности, занятости, роста социального благополучия, возможностей коммуникации, однако негативное отношение, как и чуткое эмпатийное, присутствует во всех городах.

«У себя в городе (г. Чайковский) я активно езжу на велосипеде и однажды пришел в сервисный центр для замены тормозной системы. И когда этот ремонт был сделан, и буквально настало время расплачиваться за него, мне продавец сказал: ничего не надо, иди катайся. Всё. Похожая ситуация произошла здесь, в Москве, но немного в другом контексте: мы поехали с другом чинить его инвалидную коляску. Когда настало время расплачиваться, продавец тоже сказал: идите ребята, я на ком-нибудь другом заработаю». (юноша, инвалид II группы, ДЦП, 22 года).

Среди участников фокус-группы эти истории вызвали двоякую реакцию. Одна часть сочла это проявлением жалости к инвалидам.

«Я хочу сказать, сколько мы вот с Ильей ездили, где мы меняли колеса и то, что он рассказал... Это чувство жалости, то, что человек с ограниченными возможностями не в состоянии за себя заплатить, да. Это как

бы я считаю, немного принижение» (юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, 22 года).

Другая, немного превышающая первую по численности часть группы сочла это проявлением доброты, а не унижением. Многие говорили о том, что люди с инвалидностью должны уметь принимать помощь с благодарностью.

«Мне кажется, они просто хотят сделать добро и все. Это не из-за того, что ты там на коляске» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

«Если вот реально в твоей жизни встречаются такие люди, человек если умеет принимать добро, то он будет принимать и не акцентировать внимание» (девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, атрофия мышц, 22 года).

«Вот, ведь девушкам красивым тоже уступают место в автобусе (смеются)» (юноша, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 26 лет).

Джон Митчелл и Шэрон Снайдер в рамках своей методологии обосновали, что люди с инвалидностью (их физическое и внешнее состояние) обладают агентностью в материальном пространстве общества. То есть, если это тело из общества исключено, то оно работает на сохранение существующих норм и порядков, а если это тело включено или требует включения в материальную среду общества, то оно участвует в смене культурных, инфраструктурных и политических порядков.

Все участники нашего исследования согласились с тем, что в наших городах в метро, в электричках, у церкви, на дорогах, инвалиды видны в роли просящих милостыню, то есть агентность инвалидов преимущественно обретает такие формы. Исходя из этого, большинство обычных горожан конструируют стереотипы восприятия инвалидности, которые затем приобретают форму клише и распространяются абсолютно на всех людей с видимыми нарушениями здоровья.

«Ну, потому что здесь, наверно, сложилось мнение, что инвалиды постоянно стоят около церкви или еще где-то там, и собирают деньги. И все думают, что мы тоже собираем деньги, хотя одеты нормально, то есть не похожи на каких то бездомных» (девушка, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, недоразвитие левой руки, 25 лет).

«Такое, кстати, очень часто встречается. Мы с другом так же ехали. С одной стороны поток людей большой был, а мы где то в сторонке стояли. Мы просто вылавливали людей и просили: помогите нам спуститься в метро. Многие говорили: “Ребята, мы вам не дадим деньги”. И пока вот иностранцы (жители ближнего зарубежья) не подошли к нам: ребята, чем помочь?» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

Стигматизация не имеет абсолютной корреляции со степенью доступности среды, однако инфраструктура, позволяющая человеку обходиться без посторонней помощи, помогает ему избежать столкновения со стигматизирующим отношением. Все участники нашего исследования говорили об ощущениях особенных и позитивных о чувстве свободы, которое возникает у них в местах с доступной средой. Здесь статус инвалидности уходит на периферийный план. Напротив, негативные ощущения, страхи и обиды сопряжены с местами недоступными, местами, где присутствует «оскорбляющая» пространственная организация.

«Метро... меня раздражает оно. Потому что там стойки высокие, когда оплатить нужно. И дырка очень маленькая, когда своими ручками надо билет забрать, деньги нужно забрать. Очень неудобно. А люди еще, кассиры, на тебя орут: “Давайте быстрее!”. Вот это очень сильно раздражает» (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

Физические неудобства, дискомфорт, ограничения самостоятельного действия провоцируют негативные чувства и, напротив, безбарьерность инфраструктуры обеспечивает психологический комфорт и чувство полной свободы, активности и производительности. Доступность непосредственно влияет на мироощущение и настроение индивида. Но не только инфраструктурная доступность городов вызвала активные дискуссии среди участников фокус-группы, но и типы реагирования горожан («норматов») на нетипичность. Обязательным условием достойного городского гражданства участники нашего исследования считают отсутствие к ним повышенного внимания. Все высказывались о неприятных ощущениях, возникающих в связи с гипервниманием окружающих. *«Пристальные взгляды очень раздражают»* (юноша, инвалид II группы, нарушение функций верхних конечностей, 23 года).

«Мы пришли в кафе в маленьком городе с населением 98 тыс. человек. Танцевала в коляске. После танца начали подходить люди, которые говорили: “Молодец, что ты активная, что не стесняешься и пришла сюда”; “Я знаю, ты встанешь”; “Я хочу для тебя что-то сделать, но у меня ничего нет, я угощаю мороженым”; “Желаю скорейшего выздоровления”; “Ты такая красивая, знай об этом”; “Можно тебя просто обнять?” (девушка, инвалид II группы, использует инвалидное кресло, травма позвоночника, 25 лет).

А также в связи с инфантилизацией инвалидов: *«Говорят порой “ути-пути” какой маленький...»* (юноша, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 26 лет).

«Мы сидели с моей девушкой в парке на лавочке, она тоже инвалид. У нас было свидание, мало того, что прохожие нас пристально разглядывали, но потом подошла одна женщина и начала нас конфетами угощать, будто мы маленькие дети» (юноша, инвалид II группы, ДЦП, использует канадские костыли, 22 года).

Исходя из наличия такого типа реакций, столичный мегаполис кажется молодым людям с инвалидностью более комфортным, хотя порой они и высказываются о равнодушии прохожих. Малые города — это всегда повышенное внимание, от безобидной одобрительной опеки до реакций непонятных или травмирующих.

«Один раз у нас сломался электрический чайник, и мы пошли с девочками выбирать новый, стоим, выбираем и тут подходит какая то тетка. Она видит, что одна девочка на палочках. И она начинает навязчиво, прямо приставать: не покупайте, давайте я вам свой отдам (смеются). В принципе, было понятно из-за чего это. Мы отвечаем ей, что не надо. Мы в итоге потом уже отошли от нее, далеко даже, она нас нашла и еще раз спросила и буквально чуть ли не договорилась на следующий день нам его отдать. Хотя мы говорим, что не надо, что мы пришли покупать новый Я не скажу, что были какие то неприятные или негативные ощущения, но просто хотелось отстраниться от этого человека, потому что... не знаю... Я даже не знаю, что вызвало такие действия» (девушка, инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 19 лет).

Встречаются и очень жесткие формы взаимодействия с инвалидами.

«Когда я пришел в региональный фитнес-центр записаться в бассейн, администратор сказала, что их бассейн не для таких, как я. На вопрос: “Почему?”, она ответила: «Люди с вашим заболеванием должны лежать дома, кушать 3 раза в день, и ни о чем больше не волноваться» (юноша, инвалид II группы, ДЦП, 22 года).

«Моя подруга с ребенком-инвалидом пришла в поликлинику записаться на процедуры. Медсестра не разрешила ей проходить в процедурный кабинет, когда там находятся другие дети, аргументируя это тем, что вид ребенка с инвалидностью травмирует психику других детей и они станут заиками» (инвалид II группы с синдромом «мезомелической карликовости», 19 лет).

«Приятельница со своим ребенком, имеющим инвалидность, пришла в центр развлечений. Ей пришлось долго уговаривать администратора разрешить ребенку попрыгать на батуте, так как тот считал, что этот ребенок может навредить другим детям. В конечном итоге, пустили на игровую площадку, но администратор не отходил ни на шаг и через некоторое время намекнул, что пора уходить, обосновав скорым началом детского праздника в этом центре. Также добавил, что семья может посетить центр, когда будет меньше посетителей. Когда женщина попыталась вернуться обратно, то их не пустили, потому что другие родители “были против”. Ребенок очень сильно хотел поиграть и побыть с другими детьми. Деньги за билеты вернули через неделю (из рассказа студентки, участницы фокус-группы).

Мы попросили участников исследования дать ассоциации к словосочетанию «инвалид в городе» и получили следующие ответы: «коляска»; «барьер какой то»; «работники в метро, работники служб»; «человек, просто человек»; «пан-

дусы»; «бомжи»; «активная жизнь»; «деньги»; «сила духа». Сочетание «благополучие инвалида в городе» вызвало следующие мысли: «возможность безбарьерно передвигаться»; «полноценная жизнь»; «не ощущать себя другим»; «доступные пандусы»; «равноправие»; «это когда оценивают по профессиональным навыкам», а не по инвалидности; «доброта окружающих людей»; «высокая пенсия 50 тыс. рублей»; «когда всё бесплатно»; «новая коляска»; «машину водить»; «сытые, одетые».

Участники исследования высказались об изменениях, произошедших за последние пять лет в сфере отношения к инвалидам.

«Людам дали возможность взаимодействовать с нами и нам дали с ними взаимодействовать. Потому что, как правило, раньше все эти детские дома такого типа были все закрыты, приезжали, я не знаю, раз в год какие-то там шефы, дарили подарки, уезжали и всё. Прятали нас, понимаете. А сейчас люди просто стали не замечать вот эти какие-то физиологические особенности у людей. Больше, наверное, стало общения, межличностного. Нужно чуть-чуть еще времени чтобы... Это нормой становится...» (юноша, инвалид I группы, использует инвалидное кресло, отсутствие ног, 22 года).

Для всех участников фокус-группы переезд в Москву существенно улучшил их качество жизни, они стали чаще посещать различные мероприятия, гулять, больше общаться, знакомиться, у нас выросла самооценка, они стали более уверенными в себе, общительными и более открытыми. По десятибалльной шкале студенты оценили комфортность столицы на десять баллов, комфортность своих малых городов в основном на 1–2, реже оценки достигали пяти баллов.

Заключение

Исследования инвалидности (*disability studies*) сегодня преимущественно ведутся в междисциплинарных полях, однако если социология, медицина, право, социальная работа и социальная антропология стали традиционными для аналитики инвалидности, то урбанистика лишь начинает вовлекаться в спектр дисциплин для изучения показателей качества и образа жизни людей с инвалидностью. Добавление урбанистики в исследовательское поле позволяет рассмотреть, как и в каких городских условиях, в присутствии каких групп горожан, вещей, процедур, городских потоков производится реальность инвалидности. Такой подход позволяет рассмотреть вне-клинические повседневные контексты урбанизма, в которых «включается» инвалидность, разыгрывается «драма» отношений нетипичного человека с городом.

Городские пространства в разной степени чувствительны к условиям ограниченности возможностей и к потребностям людей с инвалидностью. В дихотомическом поле «столица — провинция» обнаруживаются как сходства, так и различия в отношении реагирования на инвалидность. Были выявлены отличия в причинах, запускающих негативное отношение к людям с ограниченными возможностями. В провинциальном городе — это грубость и невоспитанность горожан, инфантилизация людей с инвалидностью. Столичная архитектура наполнена чертами базированности, торопливости, стереотипного реагирования.

Результаты исследования позволяют утверждать, что стигматизация не имеет абсолютной корреляции со степенью доступности городской инфраструктуры, однако именно безбарьерная среда помогает человеку с инвалидностью избежать столкновения со стигматами. Помимо дискриминации и стигматизации было выявлено две стратегии реагирования прохожих (преимущественно в провинциальных городах), противоречащие этике инклюзии: гипервнимание и инфантилизация инвалидов. В этом контексте и в плане инфраструктурной архитектоники столичный мегаполис больше устраивает молодых людей с инвалидностью, которые отметили повышение уровня своего субъективного ощущения благополучия и оценили комфортность столицы на максимальные десять баллов. При этом оценка комфортности своих малых городов редко достигала пяти баллов. Положительная динамика урбанистического контекста во многом зависит от агентности инвалидов (от их реального присутствия в городе), что нормализует урбанистический контекст, а горожане, соприкасаясь с инвалидами в повседневных потоках, обучаются правильно и адекватно взаимодействовать, изживают стереотипные установки и формируют новые представления о ситуациях, связанных с нетипичностью.

Список литературы

1. Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике. — Пермь: Гиле Пресс, 2017. — 254 с.
2. Goodley D. Disability Studies. An Interdisciplinary Introduction (2nd ed.). — London: Sage Publications Ltd, 2017.
3. Mitchell D.T., Snyder S.L. The Biopolitics of Disability: Neoliberalism, Ablenationalism, and Peripheral Embodiment. — University of Michigan Press, 2015.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ ИНВАЛИДНОСТИ¹

CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION OF URBAN WELFARE IN THE PROBLEMATIC FIELD OF SOCIOLOGY OF DISABILITY

РАЙДУГИН Дмитрий Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии МГГЭУ (e-mail: raydmis@mail.ru)

ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru)

RAYDUGIN Dmitry Sergeevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy, MGGEU (e-mail: raydmis@mail.ru)

VOEVODINA Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, History and Philosophy, Federal State Educational Establishment of Finance University under the Government of the Russian Federation (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru)

Аннотация. В статье осуществляется концептуализация понятия урбанистического благополучия инвалидности в методологическом поле социальной феноменологии. Выявляются существенные свойства феномена урбанистического благополучия в его взаимосвязи с категорией счастья, а также с понятиями инвалидности и городской среды. Работа высвечивает интегральные характеристики благополучия, заключающиеся в удовлетворенности человеком обстоятельствами своего жизненного мира в условиях современного городского пространства.

Ключевые слова: инвалидность, городское пространство, счастье, благополучие, жизненный мир, социальная феноменология.

Abstract. The conceptualization of the concept of the urban welfare of disability in the methodological field of social phenomenology is presented in the given paper. The essential properties of the phenomenon of urban well-being are revealed in its interrelation with the category of happiness, as well as with the concepts of disability and the urban environment. The article highlights the integral characteristics of well-being, consisting in the person's satisfaction with the circumstances of his life in the modern urban environment.

Key words: disability, urban space, happiness, prosperity, life world, social phenomenology.

Каждый человек хотя бы раз в жизни задавался вопросом о том, насколько его повседневность соответствует его же собственным ожиданиям. И едва

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности»).

ли хоть кто-то смог ответить на него однозначно утвердительно, то есть констатировать, что в каждой из существенных для него сфер повседневное существование отвечает всем без исключения желаниям от «комфортных бытовых условий» до наличия в социальном окружении исключительно «приятных» ему людей. Всегда, даже при самом благоприятном общем фоне, есть какие-нибудь «нюансы», которые не дают покоя: не хватает денег на покупку чего-нибудь значимого, на работе что-то не складывается, в семье возникает недопонимание и так далее до бесконечности. Бывает даже, что «вроде, все хорошо, но вот чего-то не хватает — не пойму, чего...». Согласитесь, ситуация довольно типичная и даже не нужно проводить масштабных социальных или психологических исследований, чтобы констатировать, что безусловно и всемерно счастливых людей не слишком много. Достаточно, что называется, «заглянуть в себя».

Если же представить, что повседневность включает ряд затрудняющих ее условий, обусловленных наличием инвалидности, то в дополнение к типичным проблемам актуализируются вопросы, связанные с окружающей средой.

Существует множество средовых факторов, от которых зависит счастье каждого из нас. В настоящей работе будет исследовано одно из наиболее существенных для человека, имеющего инвалидность, условие: доступность городского пространства. Пространство не следует понимать в узком ключе, то есть как совокупность зданий, сооружений, дорог и прочих материальных условий, в которых человек оказывается, покидая стены дома. Мы трактуем городское пространство с многообразными архитектурными, властными и социальными способами дифференциации и дистанцирования как форму, отражающую социальные взаимодействия в обществе. Пространственные формы возникают из социальных форм, городская архитектура формируется социальными настроениями, физические барьеры города, «обездвиживающие» инвалидов, отражают социальные интеракции между инвалидами и не инвалидами [2, стр. 27]. Э.К. Наберушкина, описывая проблему адаптированности современного российского городского пространства, отмечает косность и стагнацию отечественного градостроения, в которых отражается институционализация и воспроизведение с помощью архитектуры социального неравенства и несправедливости, в то время как доступная для людей с инвалидностью архитектурная среда должна коннотировать уважение к различиям, инклюзивную культуру и демократическую ауру общества [2, стр. 31–32].

Другими словами, в совокупности с фактором инвалидности, недостаточная адаптированность городского пространства не только способствует укреплению физических барьеров, но стимулирует возникновение новых обстоятельств, препятствующих благополучному существованию людей с инвалидностью. В связи с изложенным, проблема урбанистического благополучия инвалидности представляется нам исключительно актуальной, а само понятие урбанистического благополучия, ранее не исследованное в отечественной социальной практике, требует концептуализации для своей дальнейшей операциональной обработки.

В ходе рассуждений мы намеренно будем избегать термина «инвалид» и связанных с ним оборотов, чтобы не отягощать работу неуместными коннотациями и выдержать ее в духе инклюзии. Ни здесь, ни в дальнейшем исследовании, частью которого является настоящая статья, инструментального разделения людей на «инвалидов» и «не-инвалидов» осуществляться не будет в

силу того, что и счастье, и благополучие как его социальное проявление, имеют одну и ту же природу для всех без исключения, вне зависимости от состояния здоровья, пола, возраста, вероисповедания и прочих факторов социальной дифференциации. Инвалидность является не группообразующим признаком, а обстоятельством жизненного мира. Соответственно, в дальнейших исследованиях феномен урбанистического благополучия инвалидности будет раскрываться в описании идеального типа (рационализированной конструкции) человека с инвалидностью, существующего в условиях города.

Тесно связанная с благополучием категория счастья не обделена вниманием представителей социальных и гуманитарных наук, главным образом философии, социологии и психологии. В современном социогуманитарном комплексе сложилось множество различных прочтений категории счастья и подчиненного ей понятия благополучия.

Имея философские корни, категория счастья определяется как «субъективно переживаемое состояние единства сущности и существования личности, воспринимаемое в индивидуальной системе отсчета как аксиологически-эмоциональный позитивный максимум» [3]. Из этого определения следует ряд заключений, некоторые из которых могут показаться тривиальными, но, тем не менее, мы должны их разъяснить в контексте настоящей работы:

- во-первых, счастье — субъективное состояние. Понимание этого важно для того, чтобы разделить внешние по отношению к переживаемому субъекту условия и его восприятие этих условий. Иными словами, если какому-нибудь человеку предоставить все условия, которые традиционно считаются необходимыми и даже достаточными для счастья (например, материальное благосостояние, относительное здоровье, карьерный рост и наличие семьи со стабильными институционально предопределенными взаимоотношениями), то это вовсе не означает, что он будет счастлив. Другой же человек, не имеющий типичных оснований для счастья, может чувствовать себя вполне счастливым;
- вторым атрибутом счастья выступает единство сущности и существования, что означает, вкупе с вышеизложенным первым признаком, переживание гармонии между тем, что человек считает существенным (сущность) и тем, что у него есть в наличии (существование). Исследователю здесь важно понимать, что и категория сущности, и категория существования отражают субъективность — обе входят в структуру жизненного мира как осознанные реакции на сущее с позиции должного;
- третье существенное свойство счастья — его аксиологическая природа. В действительности, именно ценностное содержание жизненного мира человека определяет его сущность применительно к категории счастья. Каждый отдельный индивид обладает уникальной системой ценностей, интегрированной в его жизненный мир. Переходя в исследовательский ракурс, мы должны осознавать, что эта система ценностей (жизненных ориентиров) выступает эталоном для счастья. Человек тем более счастлив, чем более его наличное бытие (существование) соответствует его системе ценностей (сущности), и наоборот. Важнейшая идея, связанная с третьим свойством, высвеченным в дефиниции счастья, заключается в том, что ценности полностью индивидуализированы и субъект сам определяет, что для него ценно (существенно), а что — нет;

- четвертый атрибут счастья — его эмоциональный аспект. Счастье представляет собой сложную систему эмоций, возникающих по поводу соответствия/несоответствия актуального содержания существования человека сформированному им ценностному эталону. Эта система складывается в процессе переживания жизненных событий и сопоставления их с тем, что и каким образом хотелось бы пережить. Другими словами, механизм формирования эмоциональной составляющей счастья представляет собой последовательность этапов: переживание события — сопоставление максимы (аксиологической квинтэссенции) события ценностному образцу — осознание соответствия/несоответствия — эмоциональная реакция принятия/непринятия. Разумеется, спектр эмоций, как по поводу принятия, так и в связи с неприятием события может быть достаточно богатым, но оставим этот срез психологам, располагающим разработанным методологическим аппаратом для изучения этого аспекта;
- наконец, высеченный в приведенном определении пятый из существенных атрибутов счастья заключается в том, что оно представляет собой позитивный максимум, то есть идеальную конструкцию — совершенное эмоциональное состояние субъекта. В этом свойстве отражается специфика философского исследовательского подхода, который имеет важнейшее методологическое значение для частных наук, но в аутентичном виде его концептуализация невозможна, потому что в реальном мире счастье, понимаемое как позитивный максимум, едва ли встречается. Социологов и психологов всегда будут интересовать количественные показатели измеряемого качества и категория счастья, рассматриваемая в философском ключе, может выступать как гносеологический эталон, который по определению недостижим.

Итак, категория счастья, несмотря на достаточно частое использование в психологии и социологии, требует значительных концептуальных уточнений ее философского образца для дальнейшей операционализации и использования ее в исследовательской практике частных наук. Мы же примем ее аутентично как гносеологический эталон и путем ограничения высветим ее социально-феноменологические характеристики.

В социальном срезе категория счастья при ее ограничении может быть трансформирована в понятие благополучия, которое уже не несет в себе такой абсолютизирующей нагрузки и вполне может быть операционализировано для дальнейшего изучения с применением методов сбора и обработки эмпирических данных. Такой подход позволит выявлять количественные характеристики феномена благополучия как отражения сущности счастья в том значении, которое было принято нами ранее. Иначе говоря, в настоящей работе благополучие мыслится как социальное отражение счастья. Основанием для ограничения служит добавление такого свойства, как социальная обусловленность счастья, переводящего последнее из категориальной плоскости в понятийную и, как следствие, из дисциплинарных рамок философии — в социологическое исследовательское поле.

Подтверждение правомерности такого подхода можно найти во многих публикациях, от общепризнанных словарей до научных статей. Так, в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона эти два понятия отождествляются: «Благополучие (греч. ευ'δαιμονία) — то же, что счастье, всегда

субъективно понимаемое под достижением всех благ, к которым стремится человек» [6]. Это характерно и для ряда других энциклопедических источников. Что касается научной литературы, то понятие благополучия, как уже было отмечено, нашло свое отражение во множестве публикаций, наиболее методологически референтные из которых мы возьмем за основу.

С.В. Яремчук определяет благополучие как «удовлетворенность человека основными жизненными сферами и жизнью в целом» [5]. В проведенном ею исследовании выявляются показатели благополучности по шести основным «модулям», ранее предложенным Р.М. Шамионовым [4]: 1) материальное положение; 2) личностное самоопределение (оценка степени самореализации); 3) социальное самоопределение; 4) личностное благополучие (оценка собственного характера и индивидуальных особенностей); 5) профессиональное самоопределение и 6) физическое и психологическое здоровье. Зарубежные коллеги Том Рас (*Tom Rath*) и Джим Хартер (*Jim Harter*) выделяют пять основных сфер благополучия: 1) профессиональное благополучие; 2) физическое благополучие; 3) социальное благополучие; 4) финансовое благополучие и 5) благополучие в среде проживания [7], отмечая при этом, что для достижения счастья успех должен быть достигнут во всех пяти областях, и неудача хотя бы в какой-либо одной из сфер не может быть компенсирована благополучием в других. Другая группа зарубежных авторов во главе с И. Джованини (*E. Giovanini*) выделяет шесть факторов благополучия: 1) физическое и психическое здоровье; 2) свобода и самоопределение; 3) хорошая работа; 4) удовлетворительные межличностные отношения; 5) материальное благополучие; 6) знание и понимание мира [цит. по: 1].

Если обобщить приведенные концепции благополучия, становится очевидным, что все исследователи сходятся в четырех пунктах: во-первых, неотъемлемым атрибутом благополучия все авторы считают удовлетворенность здоровьем; второй атрибут благополучия — профессиональная удовлетворенность; третий элемент — коммуникативная удовлетворенность (в более традиционной объективистской постановке — удовлетворенность социальным окружением); наконец, четвертый из общих атрибутов благополучия — экономическая удовлетворенность. Помимо этих четырех общих критериев благополучия, авторы предлагают следующие: Р.М. Шамионов — удовлетворенность личностной самореализацией и собственным характером; Том Рас и Джим Хартер предлагают учитывать удовлетворенность средой проживания, что особенно важно при исследовании феномена инвалидности, потому что в данном случае речь идет о пространственной мобильности; И. Джованини — удовлетворенность степенью свободы, а также собственными знаниями и пониманием мира. Здесь следует оговориться, что мы не задавались целью изучить всю существующую психологическую литературу, посвященную проблематике благополучия, но те источники, которые попали в фокус нашего внимания, в разной интерпретации сводятся к вышеописанным критериям.

Так или иначе, концептуализация благополучия предполагает выделение двух существенных признаков этого понятия: во-первых, благополучие представляет собой удовлетворенность жизненными обстоятельствами; во-вторых, — и здесь мы встречаем у коллег-психологов значительные разночтения — жизненные обстоятельства группируются в различные сферы/модусы/аспекты разных конфигураций. В любом случае эталонным ориентиром может выступать категория счастья в том значении, которое было ранее сформулировано.

При исследовании урбанистического благополучия инвалидности следует выявлять влияние городского пространства на совокупную удовлетворенность человека с инвалидностью своим здоровьем, характером, пониманием происходящего вокруг, самореализацией, материальным положением, профессией, степенью свободы, социальным окружением и пространственной мобильностью. На дальнейших этапах исследования этот список может расширяться за счет добавления иных существенных обстоятельств, выявленных в ходе сбора данных.

Список литературы

1. *Галиахметова Л.И.* Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20. — № 3. — с. 1115.
2. *Наберушкина Э.К.* Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. — 344 с.
3. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Интерперссервис; Книжный Дом. 2001. — с. 1012.
4. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
5. *Яремчук С.В.* Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Психологический журнал. — 2013. — Т. 34. — № 5. — с. 89.
6. Благополучие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона [Электронный ресурс] // Академик. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/13583 (дата обращения: 19.03.2018 г.).
7. *Rath T., Harter J.* Wellbeing: The Five Essential Elements. — New York: GALLUP PRESS, 2010. — 232 p.

ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ ПОВОЛЖЬЯ¹

EDUCATION IN THE SOCIAL STRUCTURE OF YOUTH IN THE VOLGA REGION

РОЖКОВА Лилия Валерьевна — доктор социологических наук, доцент, ведущий кафедрой «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета (e-mail: mamaeva_lv@mail.ru)

ВЛАЗНЕВА Светлана Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета (e-mail: vlaznevas@mail.ru)

САЛЬНИКОВА Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета (e-mail: sova_newm@mail.ru)

ROZHKOVA Lilia Valeryevna — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Department «Economic Theory and International Relations», «Penza State University» (e-mail: mamaeva_lv@mail.ru)

VLAZNEVA Svetlana Alekseevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department «Economic Theory and International Relations», «Penza State University» (e-mail: vlaznevas@mail.ru)

SALNIKOVA Olga Vladimirovna — Senior Lecturer of Department «Economic Theory and International Relations», «Penza State University» (e-mail: sova_newm@mail.ru)

Аннотация. Происходящие в российском обществе трансформации охватывают все сферы жизнедеятельности, в том числе и образование. Институциональные изменения в образовательной сфере, повышение требований работодателей к качеству образования, трансформация ценностной системы молодежи, в том числе ценностей образования и обучения определяют потребность в исследовании современного состояния, динамики формирования, развития и реализации молодежного потенциала в сфере образования. На основе материалов социологических исследований среди молодежи Поволжья и вторичного анализа данных других исследований рассматриваются социокультурные особенности образовательного потенциала разных групп молодежи: ценности образования, образовательные стратегии, анализируется влияние современной социально-экономической ситуации на ценностные ориентиры в сфере образования и обучения молодежи.

Ключевые слова: социальный потенциал, образовательный потенциал, образование, ценности, кризис, нестабильность, молодежь, регионы Поволжья.

Summary. The transformations taking place in the Russian society cover all spheres of life, including education. Institutional changes in the educational sphere, increas-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МД-328.2018.6 по научному исследованию «Социокультурные особенности формирования социального потенциала молодежи в условиях кризиса и трансформации российского общества».

ing the requirements of employers for the quality of education, the transformation of the youth's value system, including the values of education and training, determine the need for studying the current state, the dynamics of the formation, development and realization of youth potential in education. Taking into account the materials of sociological research among the Volga region youth and secondary analysis of data from other studies, the sociocultural features of the educational potential of different groups of youth are examined: the values of education and educational strategies, as well as the influence of the current social and economic situation on value orientations in the field of education and training of young people is analyzed.

Keywords: social potential, educational potential, education, values, crisis, instability, youth, the Volga region.

Формирование, развитие и реализация образовательного потенциала индивида представляет собой актуальную область исследования в связи с поиском путей развития образовательного потенциала нации, его рационального использования в социально-экономических и инновационных проектах, реализуемых в интересах поступательного развития общества. Образовательный потенциал можно определить следующим образом: *совокупность свойств, способностей, ориентаций, мотиваций индивида, а также существующих для их использования возможностей, условий и социальных ресурсов*. Образовательный потенциал многокомпонентен: это индивидуально-психологические и физические особенности личности; потребности, ценностные ориентации, мотивы; социальные ресурсы; социальные факторы, в том числе условия и возможности для развития способностей индивида [5, с. 98]. Ключевую роль в процессе формирования и реализации образовательного потенциала молодежи играют ценностно-нормативные установки, которые лежат в основе формирования отношения к образованию и оказывают определяющее влияние на социальное поведение. Ценность образования выражается в формировании отношения к нему и реализуется посредством образовательного знания и образовательной деятельности. Она отлична у разных социально-профессиональных групп и имеет ключевое значение для молодежи [3, с. 15–16].

В рамках реализации гранта Президента РФ в 2018 г. было проведено исследование: «Социокультурные особенности социального потенциала молодежи». Целью этого научного исследования являлась разработка социологического механизма оценки социального потенциала молодежи, изучение его состояния, особенностей развития в условиях кризиса и трансформаций, обоснование способов его повышения в различных социокультурных средах. Одной из задач исследования было получение эмпирических данных о состоянии и социокультурных особенностях социального потенциала молодежи регионов Поволжья, в том числе ее образовательного потенциала. Для исследования были отобраны Пензенская и Саратовская области, а также республика Мордовия, которые имеют сходные природные и социально-экономические условия. Выборка квотная (пол, возраст). Число опрошенных — 754. В рамках исследования изучались особенности образовательного потенциала современной молодежи: место образования в структуре ценностей, отношение к образованию, основные условия получения хорошего образования, качество полученного образования, установки на самообразование, образовательные планы молодых людей. Особое внимание уделялось анализу взаимосвязи образовательных стратегий молодежи и современной социально-экономической ситуации в стране.

Ценность образования и отношение к образованию. Материалы исследования 2018 г. показали, что в качестве основных ценностей молодежи выступают семья (65,34%), здоровье (43,97%) и материальный достаток (36,21%). Образование занимает лишь пятое место в ряду базовых ценностей молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Базовые ценности молодежи Поволжья

Что для вас лично наиболее важно в жизни? (многовариантные ответы)	Исследование 2018 г., молодежь Поволжья, n = 754	Исследование 2018 г., студенты вузов Поволжья, n = 299	Исследование 2010 г., студенты вузов Поволжья, n = 1254
Получить, иметь хорошее образование	30,52%	34,36%	29%
Получить, иметь интересную работу	32,76%	39%	34%
Получить, иметь престижную работу	28,79%	31,27%	26%
Достичь материального достатка	36,21%	30,50%	42%
Иметь хорошее здоровье	43,97%	41,31%	50%
Моя семья	65,34%	72,59%	70%
Получать от жизни удовольствие	26,90%	30,50%	26%
Другое	4,48%	6,18%	4%

Полученные в ходе исследования 2018 г. данные, касающиеся молодежи Поволжья (в частности, студенчества) сравнимы с результатами массовых опросов студенческой молодежи регионов Поволжья (Пензенская, Саратовская области, республика Мордовия и Татарстан), проведенных в 2010 г. (вопросы анкеты, касающиеся базовых ценностей молодежи, были сопоставимы). В отличие от

исследования студентов 2010 г. отмечается возрастание ценности хорошего образования в молодежной среде (табл. 1).

Исследования показали, что ценность высшего образования как гаранта жизненного успеха разделяют только 39,83% респондентов (рис. 1).

Полученные данные свидетельствуют, что современная молодежь стала меньше верить в ценность высшего образования. Это подтверждают и материалы других исследований. Так, согласно опросу портала Superjob только 52% россиян считают высшее образование гарантом высокооплачиваемой работы. Треть респондентов придерживаются обратной позиции. Доля тех, для кого высшее образование представляет большую ценность, превалирует в старшей возраст-

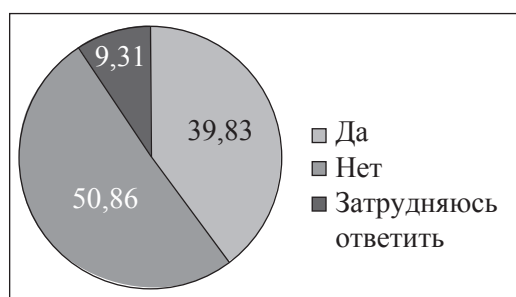

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, является ли сегодня образование гарантией жизненного успеха?» (% , n=754).

Полученные данные свидетельствуют, что современная молодежь стала меньше верить в ценность высшего образования. Это подтверждают и материалы других исследований. Так, согласно опросу портала Superjob только 52% россиян считают высшее образование гарантом высокооплачиваемой работы. Треть респондентов придерживаются обратной позиции. Доля тех, для кого высшее образование представляет большую ценность, превалирует в старшей возраст-

ной группе (около 60%). При этом доля молодых людей до 25 лет, считающих, что высшее образование не гарантирует жизненный успех, составляет 45% [4]. Сходные данные представлены и ВЦИОМ. При сравнении данных 2018 г. с результатами первого исследования в сфере образования, проведенного ВЦИОМ в 2008 г., за прошедшие 10 лет доля молодых респондентов, считающих высшее образование фактором успешной карьеры, снизилось с 76 до 63%. Сегодня 56% молодых людей считают преувеличенной ценность вузовских дипломов, объясняя это тем, что найти хорошую работу можно и не заканчивая вуза [2].

По результатам исследования молодежи Поволжья 2018 г., получение высшего образования представляется основным источником социального капитала, обеспечивающим в дальнейшем социальное благополучие — в профессии, работе, коммуникациях [1, с. 39]. Высшее образование выступает гарантом жизненного успеха в большей степени для молодежи старше 26 лет, представителей мордовской национальности с высоким и очень высоким материальным благосостоянием.

Очевидно, что ценность образования более значима для учащихся вузов и ссузов и менее значима для безработных; при этом среди групп работающей молодежи именно для предпринимателей она обретает особую значимость. Несмотря на это, как выяснилось при оценке альтернативных суждений о знаниях, 60,86% респондентов считают, что знания — главное достояние человека, в то время как 39,14% разделяют позицию, выраженную фразой: «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги».

Основные условия получения хорошего образования. По данным исследования 2018 г. базовыми факторами хорошего образования, по мнению молодых людей, являются: собственные усилия (71,21%), хорошие способности (42,24%), нужные связи (36,55%). При этом собственные усилия и хорошие способности в большей степени значимы для молодежи младшей возраста (в их число вошли обучающиеся), а важность полезных связей чаще отмечали респонденты более старшего возраста. Девушки больше склонны среди условий хорошего образования выделять собственные усилия и хорошие способности, юноши — материальную обеспеченность семьи и нужные знакомства (табл. 2). Фактор

Таблица 2

**Основные условия получения «хорошего образования»
(в зависимости от возраста, пола, региона проживания)**

Каковы основные условия получения хорошего образования? (многовариантные ответы)	Возраст			Пол		Регион проживания		
	16-20 лет, n = 371	21-25 лет, n = 198	26-30 лет, n = 185	Мужской, n = 371	Женский, n = 383	Пензенская область, n = 344	Саратовская область, n = 206	Республика Мордовия, n = 204
Упорство в получении знаний, собственные усилия	78,82%	70,18%	74,03%	70,47%	74,27%	67,49%	79,02%	78,57%
Наличие хороших способностей	48,60%	33,92%	33,77%	34,23%	50,16%	42,72%	53,85%	31,43%

Каковы основные условия получения хорошего образования? (многовариантные ответы)	Возраст			Пол		Регион проживания		
	16-20 лет, n = 371	21-25 лет, n = 198	26-30 лет, n = 185	Мужской, n = 371	Женский, n = 383	Пензенская область, n = 344	Саратовская область, n = 206	Республика Мордовия, n = 204
Материальная обеспеченность семьи	30,84%	27,49%	44,16%	33,22%	31,60%	31,58%	35,66%	30,71%
Наличие хороших связей, нужных знакомств	35,20%	37,43%	44,16%	37,58%	35,18%	38,08%	38,46%	34,29%
Затрудняюсь ответить	10,28%	9,36%	10,39%	11,41%	8,47%	7,74%	7,69%	15,71%
Другое	3,43%	5,26%	6,49%	4,36%	3,91%	2,79%	5,59%	4,29%

«упорство в получении знаний» чаще выбирали учащиеся (81,08% студентов), «хорошие способности» — предприниматели (52,17), «хорошие связи и нужные знакомства» — работники частных и государственных предприятий (45,26 и 41,18% соответственно). «Материальная обеспеченность семьи» как условие хорошего образования чаще выбирали обучающиеся ссузов (40,28%) и молодые госслужащие (37,84%). Отличны и условия получения хорошего образования у молодежи, проживающей в разных регионах.

По данным исследования 2018 г. среди молодежи Поволжья, условия получения хорошего образования незначительно связаны с оценками влияния кризиса на образовательные планы молодежи. Так, те, кто считает, что кризис повлиял на их образовательные стратегии, выделяют в качестве основных условий получения хорошего образования преимущественно упорство в получении знаний, а также полезные связи и знакомства. Чем хуже респонденты оценивают современную социально-экономическую ситуацию в стране, тем меньше респондентов, рассматривающих собственные усилия и хорошие способности как основу хорошего образования. И тем больше молодых людей, которые отмечают в качестве условия хорошего образования полезные знакомства (табл. 3).

Оценка качества образования. Качество полученного образования респонденты оценивают как среднее (59,31% опрошенных) и высокое (32,41% опрошенных). В большей степени уровень полученного образования расценивают как высокий юноши, представители мордовской национальности с высоким уровнем материального благосостояния, являющиеся студентами вузов, молодежь Саратова.

Отношение молодежи к самообразованию. Очень важным является вопрос о самообразовании молодежи. По данным исследования, самообразованием занимается 61,3% молодежи (табл. 4).

Преимущественно это молодые люди старшей в исследовании возрастной группы, материально обеспеченные, русские. Группа молодых предпринимателей оказалась более активной в деле самообразования (82,61%), далее следуют молодые госслужащие (75,68%), студенты вузов (68,34%), безработные

Таблица 3

**Факторы получения «хорошего образования»
в зависимости от оценок социально-экономической ситуации
в стране и влияния кризиса на образовательные стратегии молодежи**

Каковы основные условия получения хорошего образования? (многовариантные ответы)	Оказывают ли влияние на ваши образовательные планы (продолжение образования, самообразование) кризисные явления, нестабильность в стране, регионе?			Как вы можете оценить социально-экономическую ситуацию в стране (с начала валютного кризиса, антироссийских санкций)?		
	Да, n = 292	Нет, n = 269	Затрудняюсь ответить, n = 193	Ситуация нормальная, спокойная, n = 213	Ситуация напряженная, кризисная, n = 497	Ситуация катастрофическая, n = 44
Упорство в получении знаний, собственные усилия	75,63%	68,49%	73,08%	76,05%	73,14%	58,90%
Наличие хороших способностей	42,02%	41,55%	47,44%	47,90%	42,86%	32,88%
Материальная обеспеченность семьи	34,45%	32,88%	29,49%	31,14%	32%	32,88%
Наличие хороших связей, нужных знакомств	41,60%	35,16%	34,62%	31,14%	38%	42,47%
Затрудняюсь ответить	6,30%	10,05%	12,18%	10,18%	8,29%	19,18%
Другое	2,94%	5,02%	3,21%	4,19%	4%	6,85%

Таблица 4

Самообразование молодежи (в зависимости от возраста, пола, материального благосостояния)

Занимаетесь ли вы самообразованием (чтение специальной литературы, посещение курсов и т.п.)?	Возраст			Пол		Материальное благосостояние		
	16–20 лет, n = 371	21–25 лет, n = 198	26–30 лет, n = 185	Мужской, n = 371	Женский, n = 383	Очень хорошее и хорошее, n = 172	Среднее, n = 460	Плохое и очень плохое, n = 123
Да	62,93%	66,67%	75,32%	66,44%	63,19%	68,42%	63,94%	61,29%
Нет	37,07%	33,33%	24,68%	33,56%	36,81%	31,58%	36,05%	38,71%

(67,57%), молодые рабочие частных предприятий (64,21%) и работники государственных предприятий (60,78%). Чаше о самообразовании говорят молодые люди из Саратовской области (69,93%) и Пензенской области (67,8%), чем из республики Мордовия (57,14%).

Как показывают данные исследования, общесистемный кризис, охвативший общество, практически не влияет на повышение уровня образовательного по-

тенциала молодежи — они также часто занимаются самообразованием. Однако при оценке влияния кризисных явлений в обществе на личные образовательные планы молодых людей видно, что они чаще готовы заниматься самообразованием (табл. 5).

Таблица 5

Самообразование молодежи и оценка социально-экономической ситуации в стране, влияния кризиса на образовательные стратегии молодежи

Занимаетесь ли вы самообразованием (чтение специальной литературы, посещение курсов и т.п.)?	Оказывают ли влияние на ваши образовательные планы (продолжение образования, самообразование) кризисные явления, нестабильность в стране, регионе?			Как вы можете оценить социально-экономическую ситуацию в стране (с начала валютного кризиса, анти-российских санкций)?		
	Да, n = 292	Нет, n = 269	Затрудняюсь ответить, n = 193	Ситуация нормальная, спокойная, n = 213	Ситуация напряженная, кризисная, n = 497	Ситуация катастрофическая, n = 44
Да	78,57%	63,93%	48,08%	64,67%	65,43%	63,01%
Нет	21,43%	36,07%	51,92%	35,33%	34,57%	36,99%

Таблица 6

Образовательные планы молодежи (в зависимости от возраста, пола, материального благосостояния)

Планируете ли вы продолжать / продолжить свое образование (обучаться а магистратуре, аспирантуре, пройти стажировку, повышение квалификации и т.п.)?	Возраст			Пол		Материальное благосостояние		
	16–20 лет, n = 371	21–25 лет, n = 198	26–30 лет, n = 185	Мужской, n = 371	Женский, n = 383	Очень хорошее и хорошее, n = 172	Среднее, n = 460	Плохое и очень плохое, n = 123
Да	42,37%	26,90%	23,38%	30,54%	36,16%	50,38%	30,70%	24,73%
Скорее да, чем нет	32,71%	32,16%	31,17%	31,54%	30,29%	28,57%	33,24%	25,81%
Скорее нет, чем да	11,84%	28,07%	28,57%	21,81%	15,64%	11,28%	18,59%	26,88%
Нет	6,23%	10,53%	15,48%	9,73%	12,70%	6,77%	11,55%	15,05%
Затрудняюсь ответить	5,85%	3,34%	1,18%	6,74%	4,21%	3,0%	5,92%	7,53%

Установки молодежи на продолжение образования. В отношении планов молодежи: 47,83% планируют продолжить свое образование, например, обучаться а магистратуре, аспирантуре, пройти стажировку, повышение квалификации и т.п. В основном таких планов придерживается молодежь в возрасте от 18 до 20 лет, девушки, респонденты с хорошим материальным благосостоянием, а также молодые предприниматели (табл. 6).

Таким образом, ценность образования занимает только пятое место в базовых ценностях молодежи, уступая место семье, здоровью, материальному достатку, интересной работе. Основные условия получения хорошего образования: собственные усилия, хорошие способности, система нужных связей; они связаны с мнениями молодежи о влиянии кризиса на образовательные планы молодежи незначительно. Качество полученного образования большая часть молодежи оценивает как среднее. Что касается планов молодежи на продолжение обучения, большая часть молодых людей занимается самообразованием. Точка зрения, согласно которой молодые люди из высокообеспеченных семей, обучающиеся в вузах или работающие не стремятся к знаниям — не верно. Например, в этой категории больше всего по сравнению с другими категориями людей, занимающихся самообразованием и имеющих устойчивые мотивы на продолжение обучения. Среди обследуемых групп молодежи большим образовательным потенциалом отличаются предприниматели и студенты. Образование для них — важный фактор успеха, оказывающий значительное влияние на их карьерные притязания и материальное благополучие.

Список литературы

1. *Бабаян И.В., Любимова А.Д.* Конструирование социального благополучия в биографических сюжетах молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2015. — Т. 15. — Вып. 2. — С. 37–41.
2. *Галанина А.* Жизнь без диплома [Электронный ресурс] // Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/772708/angelina-galanina/zhizn-bez-diploma> (дата обращения: 15.08.2018).
3. *Голубев И.А.* Образовательный потенциал современной студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. — Краснодар, 2018. — 26 с.
4. *Ивойлова И.* Молодежь стала меньше верить в ценность высшего образования [Электронный ресурс] // Российская газета. — 16.07.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/07/16/molodezh-stala-menshe-verit-v-cennost-vysshego-obrazovaniia.html> (дата обращения: 01.08.2018)
5. *Рожкова Л.В., Голубев И.А.* Сущность и структура индивидуального образовательного потенциала // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. — 2017. — № 5(64). — С. 96–103.
6. *Явон С.В.* Ценностные ориентации молодежи Среднего Поволжья // СОЦИС. — 2012. — № 5. — С. 89–95.

**КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF DIGITAL CULTURE

АНТИПОВ Антон Александрович — кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО (e-mail: aantipov80@mail.ru)

ANTIPOV Anton Aleksandrovich — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Technology Management and Innovations of Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (e-mail: aantipov80@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу виртуального мира с позиции культуры. Показано, что виртуальный мир не может претендовать на статус культуры, так как не обладает ее ключевыми характеристиками: способностью к типизации форм, воспроизводимостью, этическими критериями. Отсутствие этических норм, духовных аспектов — одна из главных проблем феномена цифровой реальности. Наряду с несомненной практической пользой цифровизации, претензии «цифры» на то, чтобы заменить человека в искусстве выглядят опасными, так как могут лишить человека духовного развития. Перспективы развития цифровой культуры в антропологическом аспекте связаны с необходимостью ее философского осмысления и определением влияния на духовный мир человека.

Ключевые слова: цифровая культура, Пифагор, Платон, аналоговая культура, цифровизация, префигурация.

Abstract. The article shows that the virtual world can not claim the status of culture in the classical sense, because it has no key characteristics: the ability to typify forms, reproducibility, ethical criteria. The absence of ethical norms and spiritual aspects is one of the main problems of the phenomenon of digital reality. Along with the undeniable practical advantages of digitalization, the desire of the digit to replace a person in art looks dangerous, as they can deprive a person of spiritual development. Prospects for the development of digital culture in the anthropological aspect associated with the need for its philosophical understanding and identification of the impact on the spiritual world of man.

Keywords: digital culture, Pythagoras, Plato, analog culture, digitalization, prefiguration.

Введение

Несмотря на то, что понятие «цифровая культура» на сегодняшний день кажется вполне устойчивым, оно продолжает оставаться феноменальным. Это

обусловлено тем, что его онтологическая природа как *цифры* является природой средства, а культурно-антропологический компонент не фундирован необходимой целью и поэтому является предметом широкой дискуссии. Наряду с крайне негативными точками зрения, в которых, например, современная цифровая культура противопоставляется аналоговой и отмечается угроза мультипликации сознания, которую несет *цифра* [6, с. 84], опредмечивания сознания [5, с. 55], существуют такие, в которых это же сознание рассматривается как сознание свободы нового *цифрового поколения* [4, с. 102], возможное органическое дополнение аналоговой реальности [1, с. 61].

При этом вне зависимости от интерпретации цифровой культуры как вспомогательного средства или как экзистенции современного человека, очевидно, что современная культура во многом «подшита» (А. Бадью) к цифровому миру [5, с. 55], а его компоненты стали или становятся априорными формами мироприятия. Этим обуславливается актуальность данной работы.

Цель работы — определить антропологические перспективы цифровой культуры. Данная цель достигается посредством решения следующих задач:

- проанализировать историко-философские истоки цифровой культуры;
- охарактеризовать «цифровую культуру» в фокусе ключевых культурологических индикаторов;
- выявить феноменальные черты цифровой культуры;
- определить антропологический статус цифровой культуры в плане перспектив развития современной цивилизации.

Историко-философские истоки цифровой культуры

Философские истоки цифровой культуры как особой реальности, а не просто набора средств, можно увидеть в творчестве Пифагора и Платона. В западной культуре именно Пифагор одним из первых увидел и обосновывал, что число лежит в основе мироздания. Более того, число обладает самостоятельной сущностью и является идеальным не только как форма, но и в этическом плане — число не допускает лжи. Пифагорейское соотношение стихий и геометрических фигур, а также установление связи числовых соотношений и музыкальных тонов, несомненно, являются преддверием современной культуры, где цифра, виртуальная матрица наложена практически на все ее сферы.

Одним из наиболее важных выводов пифагорейской школы для нас является вывод о том, что число позволяет преодолеть хаос текущей реальности, гармонизирует ее. Если обратиться к современным исследованиям в области информационных технологий, то большинство из них посвящены именно проблеме защиты человека от внутренних (собственного организма, если говорить о медицине) и внешних стихий путем визуализации их динамики [2].

Платон во многом развил и усилил идеи пифагорейцев. Мир идей Платона — это, по сути, та цифровая реальность, которую можно только представить, познать и по образцу вечных форм которого каждый раз воссоздается вновь переходящий земной видимый мир. Наш мир — лишь проекция идеального. Здесь нельзя не указать на параллель к современности и парадигме «*Simulation-Based Design*», применяющейся высокотехнологичными компаниями, когда в основу творчества и креативности конструктора закладываются математические модели, удовлетворяющие целевой функции, которая требуется от определенного

изделия [10]. И ориентированность современного образования и научно-производственной сферы на *цифру*, требования цифровизации всех уровней общественно жизни не может не напоминать надпись над дверями школы Платона (или, по другим свидетельствам, Пифагора): «Незнающим геометрии вход воспрещен». Применительно к современности можно сказать: незнающим цифровой культуры вход в информационное общество воспрещен.

Нельзя не отметить, что *цифровая* реальность Пифагора и Платона — божественная реальность, путь познания которой, особенно у Пифагора, глубоко эзотеричен. Современная цифровая культура закономерно выведена за пределы мистицизма и теологизма, что не мешает известным ученым, в частности, Джиму Элвиджу высказывать суждения о том, что материя — это данные, а Вселенная подобна компьютерной программе, которая работает на основе цифрового кода [11].

Цифровое пространство в аспекте ключевых индикаторов «культуры»

Сходства цифровой и аналоговой культуры

Отмеченное выше неоспоримое значение цифровой культуры в современном мире не снимает вопроса о том, может ли цифровая культура претендовать на статус аналоговой именно в антропологическом аспекте? Для этого необходимо обратиться к составляющим дефиниции культуры, ее основным индикаторам и соотнести их с культурой цифры.

Первоначально укажем на те индикаторы, которые объединяют цифровую и аналоговую культуры. Прежде всего, цифровая культура, как и аналоговая, несомненно является системой надбиологических программ жизнедеятельности человечества [9]. Более того, сегодня можно говорить о том, что именно цифра является основным детерминантом происходящих изменений в повседневной жизни, образовании, науке, экономике, медицине, искусстве и других сферах. И если еще несколько десятилетий назад ядерный потенциал определял роль государства на мировой арене, то теперь это уровень данных цифровых программ, концентрация генетически ненаследуемой (Ю. Лотман) информации, которую они несут, и степень близости к созданию искусственного интеллекта.

Цифровая культура, так же как и аналоговая, исторически развивается. Ее развитие в контексте аналоговой культуры позволяет сегодня говорить о новом типе межкультурных взаимоотношений поколений, который М. Мид назвала префигуративными, когда в отличие от постфигуративных (отцы — дети) и кофигуративных (отцы — отцы, дети — дети) [3], уже отцы учатся у детей, которые намного быстрее усваивают цифровые коды мира, в котором живут.

Цифровая культура, выполняя функцию культуры как таковой, воспроизводит реальность, причем особенность этого воспроизводства заключается не только в виртуализации прошлого, его точном воссоздании несмотря на древность (например, цифровизация мумий), обновлении, собирании, концентрации (оцифровка документов), но и в возможности проектирования будущего. То есть для цифровой культуры возможны все манипуляции со временем, что опровергает многие религиозные и философские представления о провиденциальном характере времени, его неуловимости (например, у Августина), психологической природе, неделимости и непрерывности (А. Бергсон и философия

жизни в целом) и сближает с характеристикой Аристотеля, который считал время числом движения по отношению к прошлому и будущему [9]. Более того, цифра в своем виртуальном пространстве может сделать человека участником любых воссоздаваемых событий.

Различия цифровой и аналоговой культуры

Несмотря на отмеченные сходства, есть существенные отличия цифровой культуры от аналоговой. Виртуальная сила цифровой культуры одновременно является ее слабостью. Прежде всего, культура как исконное «возделывание» направлена на созидание чего-либо, что должно быть видимо, осязаемо и константно хотя бы на определенный период. В этом смысле культура всегда оставляет след. Цифровая культура, напротив — то, что постоянно изменяется. И это перманентное изменение является ее неотъемлемой чертой. Ее след неуловим. Например, археология, которая визуализирует культурные периоды, получает примерное представление об образе жизни человека исчезнувших цивилизаций по конкретным предметам быта и другим артефактам, которые позволяют реконструировать мир, в котором жил человек. Реконструировать цифровую культуру в случае ее исчезновения по найденным компьютерам, гаджетам, цифровым носителям информации будет невозможно, так как они не дадут ответа на вопрос, *каким был цифровой человек*. То есть отмеченная ранее способность цифровой культуры к визуализации времени неприменима к ней самой.

Принципиальная неконстантность цифровой культуры не позволяет ей *типизировать* свои черты. Соответственно, она никогда не будет определяемой и узнаваемой, а значит, не сможет встать в ряд других типизирующих культур.

В цифровой культуре может быть только движение вперед и принципиальное отторжение любого консерватизма и регрессии. Характерной чертой аналоговой культуры является ее воспроизводимость, а также способность обернуться назад. При этом возвращение к старым формам в той или иной мере рассматривается как положительное следование традициям, сохранение культурной идентичности даже на современном информационном этапе развития общества. Это объясняется возможно генетически присущим человеку страхом перед непредсказуемостью прогресса, точнее, двойственным отношением к нему. И если в бытовом плане большинство приветствует цифровые технологии, то в глобальном всегда есть опасение оказаться в мире, давно описанном авторами антиутопий: Замятиным, Оруэллом, Хаксли и другими. Будучи лишенной сакрального и являясь только средством, орудием (а также оружием), цифровые технологии позволяют как дополнять, замещать и скрывать свое я, облачать его в разные формы, так и полностью это я обнажить и сделать человека марионеткой цифрового мира (если это уже не произошло). И возвращение назад, к прошлому, традициям, архетипам — это опора личности и защита перед нарастающим вакуумом виртуальных технологий.

Как видим, в качестве культуры цифровое пространство не обладает некоторыми ключевыми характеристиками культуры в классическом понимании, поэтому в дальнейшем целесообразно говорить о цифровом пространстве современного бытия как культурном феномене.

Феноменальные черты цифровой культуры

Особенность цифровой гносеологии

В пространстве цифровой культуры вращается огромный объем информации. Очевидно, что возможность оцифровки и соответствующей локализации любых объемов информации существенно облегчает ее получение и использование. Однако некоторые исследователи справедливо обращают внимание на то, что мультикомплексность современных информационных потоков приводит к нарушению целостности восприятия познаваемых объектов. Есть и обратная сторона удобства доставки необходимого контента по запросу — это фрагментарность понимания [6, с. 88]. Еще Т. Адорно и М. Хоркхаймер, масштабно критикуя несостоявшийся проект Просвещения, указывали на то, что путь к модернистской науке пролегал через отречение от смысла и замену причины правилом и вероятностью [8, с. 18]. И то, что сегодня поисковые запросы носят точечный характер с целью ответить на текущий вопрос, решить текущую проблему, не выявляя причинно-следственные связи, является характерной чертой и современного познания, и современного образования.

Сложность поиска информации в аналоговой культуре неизбежно приводила к узнаванию контекста вопроса, так как выдернуть точечную информацию не представлялось возможным. Сегодня, как это ни парадоксально звучит, современные технологии препятствуют узнаванию контекста, выявлению причинно-следственных связей. И проблема не в технологиях, которые, повторим, сами по себе — средство, а в том, кто их применяет — в современном человеке, который не имеет поводов, а значит, не хочет мыслить фундаментально, решая прикладные ситуационные задачи.

Сам акт познания перестал быть волевым усилием. Напомним, что в классической философии познание — это огромное усилие, которое конституирует личность. Например, у Платона именно способность познания высших форм делает тебя причастным к избранным, ведущим остальных к Благу. У Декарта и Канта акт *cogito* — конститутивное начало, доказывающее человеку его высокий статус познающего субъекта, сопричастность высшему началу, а также подлинность получаемых знаний.

Современный акт познания с использованием цифровых технологий требует минимум личностных усилий, что приводит к парадоксу, когда при возрастании объема информации и радикальном упрощении способов ее получения не происходит личностного возрастания, а наоборот, умаление индивидуальных усилий перед лицом всемогущей информационной машины.

Еще один парадокс современности заключается в том, что знание давно перестало ассоциироваться с возрастом. Мысль Л. Толстого о том, что древний человек умирал с осознанием законченности, завершенности своего цикла, а человек современной цивилизации уходит из жизни в состоянии полного незнания [7, с. 183–189], постоянной незавершенности, особенно актуальна сегодня. Человек цифровой эпохи даже не надеется на какую-либо завершенность познания, так как во многом нефальсифицируемая и неverifiedируемая информация обо всех аспектах мира перманентно нарастает в геометрической прогрессии и задача-минимум сводится к тому, чтобы увидеть крайние степени фальсификации.

Владение информацией, условное знание определяется *цифровой* оснащённостью, которая в наибольшей мере присуща молодежи. Но если в теории М. Мид в префигуративном обществе старшее поколение учится у младшего, на современном этапе очевидна проблема разрыва поколений: старшее поколение не считает осведомленность младшего знанием, а младшее, все больше *оцифровываясь*, смотрит на старшее как на безнадёжных маргиналов цифрового пространства.

Нравственные аспекты цифровой культуры

Одна из основных проблем цифровой культуры — это отсутствие этической рефлексии как по отношению к прошлому, так и к настоящему и будущему, что в том числе обусловлено отмеченным ранее бесконечным перфекционизмом.

В аналоговой культуре мы всегда наблюдаем осмысление предыдущей эпохи по отношению к современной с целью выработки программы будущего. Так, средневековое христианство осудило и отменило античное язычество, Возрождение и Просвещение вели фронтальную борьбу против клерикализма, современная эпоха наложила табу на фашизм, расизм и т.п. В цифровой культуре табу нет — они не вырабатываются. При этом возникает множество этических коллизий, одна из которых связана с хакерством: осуждение отдельно взятых хакеров и манифестируемая борьба за конфиденциальность информации становится фикцией, когда, по сути, хакером выступает отдельно взятое государство, заставляя активную часть общества вспоминать хрестоматийную фразу «Большой Брат следит за тобой». А «Большой брат» объясняет слежку борьбой с терроризмом, для которого цифровые технологии доступны в той же степени. Эта этическая индифферентность цифрового мира по отношению к использованию его средств и продукции — одна из основных проблем цифровой реальности как культуры.

Не менее важной проблемой является взаимоотношение цифровой культуры и искусства. Если цифровые технологии являются дополнением искусства, способом его амплификации, то цифра здесь не претендует на культуру, находясь в рамках аналоговой. Но если говорить о замене в сфере искусства субъекта-человека субъектом-цифрой, который будет писать стихи, «как Пушкин», музыку — «как Моцарт» и снимать фильмы «как Феллини», то необходимо будет констатировать смерть «последнего человека» (Ф. Фукуяма), у которого исчезнет базовая духовная потребность — в творчестве — как едва ли не единственная, позволяющая преодолевать биологическое начало.

Заключение

В данной работе было показано, что истоки цифровой культуры лежат еще в античности, в частности, в творчестве Пифагора и Платона. Несмотря на то, что мыслители обожествляли цифровой мир, основы понимания цифровой реальности как идеала, подлинной реальности, которая в том числе оттеняет несовершенства земной и должна ее заменить, они во многом предварили современные интерпретации цифрового пространства.

Сама цифровая культура как категория, несмотря на наличие признаков самостоятельной культуры в большей степени остается культурным феноменом,

так как лишена ключевых индикаторов культуры: продуктивности, типизации, воспроизводимости и др.

Как феномен, цифровая культура содержит ряд проблем, основные из которых связаны с гносеологией и этикой. Так, колоссальный объем информации, точечный характер ее получения, постоянное упрощение способов работы с информацией существенно упростили, но и одновременно ослабили познавательные способности человека в плане познания целого и причин. А отсутствие в цифровом пространстве этических ориентиров, условий для этической рефлексии делает его нерелевантным именно как целостную культуру, еще раз указывая на статус феномена.

Напомним, что Платон не считал феноменальное подлинным именно из-за временности, непостоянства, постоянной трансформации, иллюзорности. Именно такими чертами обладает феномен цифрового пространства.

Цифровой мир существует только здесь и сейчас. Его прошлое и будущее релевантны только для настоящего. В этом развитии полностью отсутствует духовная составляющая, и понятие «поколение» всегда интерпретируется здесь как более примитивное, отсталое, в отличие от его традиционного понимания в культуре.

Как и «мир вещей» Платона, цифровой мир постоянно меняет формы, разрушается и создается вновь. При этом в отличие от платоновского временного мира, который каждый раз создается по аналогии вечного мира идей, цифровой мир меняется вместе с его *идеалами*, которые имеют в основном прикладное значение и мотивированы необходимостью исключительно практической пользы.

Если цифровая культура хочет получить статус, который имеет культура аналоговая, она должна отказаться от амбиций, связанных с необходимостью полностью заменить аналоговую культуру и начать выработку в своем феноменальном пространстве тех констант, которые сделают ее ноуменальной, познаваемой не в виртуальном, а в антропологическом экзистенциальном измерении.

Список литературы

1. *Александрова Л.Д.* Опыт философского осмысления «дополненной реальности» в онтологическом континууме «виртуальность – реальность» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2014. — № 4(40). — С. 59–63.
2. *Бухановский А.В., Иванов С.В., Нечаев Ю.И.* Интерпретация динамики судна при воздействии разрушающихся и экстремальных волн при функционировании бортовой интеллектуальной системы // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. — 2011. — № 6. — С. 19–28.
3. *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988. — 395 с.
4. *Петровская О.В.* Цифровое поколение: условия самореализации в современной культуре // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. — 2013. — Т.13. — № 9. — С. 102–104.
5. *Политов А.В.* Определечивание человеческого сознания в современной цифровой компьютерной технократической культуре // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2017. — № 2. — С. 54–60.

6. Прокудин Д.Е., Соколов Е.Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. — 2013. — Сер. 1. — Вып. 4. — С. 83–91.

7. Тушев А.Н. Л.Н. Толстой и А.М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 158. — Кн. 1. — С. 183–189.

8. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. — М.: Медиум, 1997. — 311 с.

9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т. философии Рос. акад. наук; Науч.-ред. совет: В.С. Степин [и др.]. — М.: Мысль, 2000—____. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b?p.s=TextQuery&> (дата обращения: 05.05.2018).

10. Цифровое проектирование. Алексей Боровков о системе 3D-моделирования, краш-тестах и концепции «Simulation-Based Design» [Электронный ресурс] // ПостНаука. Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/63239> (дата обращения: 01.05.2018).

11. Элвидж Д. Наша Вселенная — это компьютерная программа [Электронный ресурс] // Econet. Режим доступа: <https://econet.ru/articles/63569-dzhim-elvidzh-nasha-vselennaya-eto-kompyuternaya-programma> (дата обращения: 11.05.2018).

«ЗАКОНЫ» ПЛАТОНА: ПРОЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ НАИЛУЧШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

PLATO'S «LAWS»: IMPLEMETATION PROJECT OF THE BEST FORM OF POLITICAL GOVERNANCE

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и философии МГГЭУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — the Candidate of Philosophical Sciences. The Head of Chair of History and Philosophy of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлен историко-философский анализ «второго» проекта государственного устройства, изложенного в итоговом произведении Платона «Законы». Впервые в современной отечественной историко-философской литературе дан систематический анализ религиозно-этических основ указанного учения. Автор уделяет специальное внимание разбору подхода Платона к решению ключевых вопросов политической теории: принципы «наилучшего» государственного устройства, механизм выбора правителей, роль и общая направленность законов, оптимальное соотношение личных и общественных интересов, значение и основы государственной идеологии.

Ключевые слова: Платон, формы правления, власть, закон, теодицея, эвдемонизм, тоталитаризм

Abstract. The article presents a historical and philosophical analysis of the «second» project of the state system, described Plato's last composition «Laws». For the first time in modern Russian historical and philosophical literature, a systematic analysis of the religious and ethical foundations of this doctrine is given. The author pays special attention to the analysis of Plato's approach to the solution of key issues of political theory: the principles of the «best» state structure, the mechanism the mechanism of rulers' choice, purposes and functions of laws, the optimal balance of personal and public interests, the importance and the basis of state ideology.

Keywords: Plato, forms of government, power, law, theodicy, eudemonism, totalitarianism.

Философско-политические взгляды Платона изложены в двух самых крупных его произведениях — диалогах «Государство» и «Законы». Оба сочинения посвящены поиску и обоснованию принципов правильного государственного устройства. В «Государстве» представлена умозрительная модель идеального социального строя [6, с. 388], тогда как в «Законах» речь идет о государстве менее совершенном, но более перспективном в плане возможности его реализации. Подавляющее большинство работ, посвященных анализу политической доктрины Платона, базируется на идеях, представленных в диалоге «Государство». Апелляция к «Законам», как правило, ограничивается общими оценками и бессистемным воспроизведением отдельных положений. Настоящая работа представляет собой комплексный анализ философских оснований «реалисти-

ческой» модели государственного устройства, представленной в диалоге «Законы». Обращение к идейному содержанию «Законов» позволяет проследить эволюцию политических взглядов Платона и составить более полное и обоснованное представление об общетеоретических предпосылках платоновской концепции совершенного государственного строя.

«Законы» — самое объемное произведение мыслителя, работе над которым он посвятил последние семь лет своей жизни. На смену бурным интеллектуальным поискам, характеризующим диалоги зрелого периода (к которым принадлежит и «Государство»), пришло время ответов. Показательно, что «Законы» — единственное произведение мыслителя, среди действующих персонажей которого отсутствует Сократ. Сюжетную канву сочинения образует беседа трех умудренных опытом старцев — безымянного афинского гостя (альтер-эго Платона), спартамца Меггила и критянина Клиния, совершающих паломническое путешествие из критского города Кноса к Идейскому святилищу Зевса. Предмет их разговора — проект законодательства новой колонии, Магнезии, в число организаторов которой входит Клиний.

Разбор идейного содержания «Законов» начнем с разграничения двух взаимосвязанных и вместе с тем относительно самостоятельных частей данного сочинения. Одну из них составляют конкретные законодательные акты (на страницах диалога представлено более двухсот таковых). Вторая часть, меньшая по объему, но более значимая по содержанию, представляет собой философское обоснование предлагаемых социальных норм. Отметим, что указанная демаркация проводится самим Платоном [7, с. 172]. Сравнивая законодательство и врачевание, Платон предлагает различать две медицинских практики. Одна характерна для врачей из рабов, другая — для врачей из людей свободных. Первые по большей части лечат рабов, вторые — людей свободных. Врач-раб считает излишним тратить время на беседы со своими пациентами о течении болезни, но «с самоуверенностью тирана» предписывает им лекарства, которые подсказываются ему собственным опытом. Врач из людей свободных, напротив, устанавливает диагноз, назначает и ведет курс лечения, активно взаимодействуя с пациентом. «Такой врач путем убеждения делает своего больного все более и более послушным и уж тогда пытается достичь своей цели, то есть вернуть ему здоровье» [7, с. 173]. Платон отдает предпочтение второму из указанных вариантов, чем и объясняется присутствие в «Законах» внушительной мировоззренческой компоненты, которая, в свою очередь, и составляет главный предмет внимания данной работы.

Магнезия расположена в пустынной части Крита, примерно в четырнадцати километрах от прибрежной зоны, в стороне от миграционных потоков и торговых путей. Вопреки общепринятым представлениям, удаленность от моря рассматривается афинским гостем в качестве преимущества — торговля поощряется сребролюбием, а общение с лишенными должного воспитания иностранцами препятствует утверждению «справедливых и благородных нравов». Природные ресурсы Магнезии позволяют ее жителям производить «немного, но зато все, что нужно» [7, с. 156], что, в свою очередь, способствует самодостаточности и независимости.

Основной род деятельности жителей колонии — земледелие. Минимальная экономическая единица Магнезии — состоящее из членов одной семьи хозяйство. Общее количество семейных хозяйств — пять тысяч сорок — сохраняется

неизменным посредством продуманной миграционной политики и законов, регулирующих рождаемость [7, с. 192].

Численность Магнезии, с учетом членов семей граждан, а также рабов и чужестранцев, составляет примерно пятьдесят тысяч человек [7, с. 229, 395; 3, с. 60]. Это обстоятельство следует иметь в виду в случае мысленной экстраполяции социальных норм Магнезии на современные государственные образования. Впрочем, на уровне базовых принципов определенные параллели представляются вполне оправданными.

Каждое хозяйство получает по жребии участок земли, который, в свою очередь, делится на две части — одна ближе к городу, другая — к окраинам государства, что, по мысли афинского гостя, должно способствовать заинтересованности граждан в охране внешних границ. В целях сохранения общего количества наделов земельный участок, по назначению отца, наследуется одним из его сыновей. Прочие дети усыновляются бездетными родственниками. Дочери приданого не получают. Если кто-то из них оказывается единственной наследницей, то выдается замуж за безземельного бедняка [7, с. 386]. Земельные участки не могут ни увеличиваться, ни уменьшаться. Продажа или приобретение земли частными лицами недопустимы. Таким образом, граждане Магнезии пользуются землей лишь на праве владения. Собственник земли — государство [7, с. 386].

Производимые каждым хозяйством объемы продукции приблизительно одинаковы и достаточны для поддержания комфортного, но в то же время скромного материального существования. Каждое хозяйство обязано вносить свой вклад в фонд продовольствия для общих трапез. Не только объем, но и качество «потребительской корзины» граждан, чужестранцев и рабов одинаковы [7, с. 303]. Граждане разделены на четыре имущественных класса. Пределом бедности служит стоимость полученного по жребии надела. Допустимо приобретение имущества, большего по стоимости в два, три и четыре раза. Имущество, накопленное сверх установленной нормы, конфискуется, а ослушник подвергается общественному порицанию [7, с. 197]. Если в «Государстве» запрет иметь золото и серебро относился только к правителям и стражам [6, с. 194], то в «Законах» данное ограничение распространяется на всех без исключения. В Магнезии есть внутренняя монета, без которой невозможно обращение товаров и выплата жалования (рабам, чужестранцам, наемникам), но вне страны она покупательной способностью не обладает. Ростовщичество запрещается [7, с. 194]. Устанавливаются максимально допустимые размеры прибыли в ремеслах, «необходимых для государства» [7, с. 383]. Мелкая торговля с целью наживы не допускается [7, с. 302]. Предусмотрены наказания как за ложную «рекламу», так и подделку продаваемого [7, с. 379]. Объемы внешней торговли ограничены — большой объем ведет к появлению в государстве золота и серебра [7, с. 156].

Столь пристальное внимание к декретам, регулирующим имущественные отношения, не случайно. Указанные законы препятствуют социальному расслоению — одному из главных источников бед государства. И богатство, и бедность препятствуют приобретению добрых нравов, без которых благополучного государства не построить [7, с. 180, 156, 381]. Мы уже сталкивались с этой идеей при анализе олигархической формы правления, описываемой в «Государстве».

Статус граждан имеют воины, земельные собственниками и их наследники [10]. Рабы и чужестранцы гражданства не имеют, хотя их численность зна-

чительна. Платон говорит о том, что «граждане будут снабжены достаточным по мере сил количеством рабов, а качества рабов будут пригодны для помощи в любой работе» [7, с. 229]. Есть в Магезии и «государственные рабы» [7, с. 245]. О многочисленности чужестранцев можно судить по тому обстоятельству, что они обеспечивают функционирование всей сферы торговли, услуг и ремесленного производства. Граждане указанными видами деятельности заниматься не могут [7, с. 301, 381].

К числу граждан относятся и свободнорожденные женщины [7, с. 267]. Они получают равное с мужчинами воспитание и образование, причем не только интеллектуальное, но и физическое. Женщины, в частности, учатся верховой езде и владению оружием [7, с. 245]. Впрочем, настаивая на социальном равноправии мужчин и женщин, Платон указывает на слабость «прекрасного пола» и вполне традиционно для своего времени ставит мужскую природу выше женской [7, с. 233].

Выше говорилось о том, что, разрабатывая законодательство нового государства, Платон предлагает различать два возможных способа включения граждан в сферу политической жизни. Первый из них основан на слепом подчинении, второй — на убеждении. Платон неустанно повторяет, что неосознанное выполнение законов, равно как и следование оным по привычке, неэффективно [7, с. 416]. Основу «свободного» законодательства составляет добровольное принятие гражданами определенных мировоззренческих установок, которые, в свою очередь, складываются из двух составляющих — этической и религиозной.

Доминанту этической компоненты платоновского законодательства образует эвдемонистический принцип, согласно которому движущим началом человеческой деятельности является стремление к благу. Однако не все, кажущееся благом, является таковым на самом деле. Согласно Платону, чтобы не сбиться с верного пути, следует руководствоваться определенной иерархией ценностей. В последней различается четыре уровня: сфера божественного, душа, тело, имущество [7, с. 326]. Интересно, что, согласно Платону, ничто собственно «человеческое» абсолютной ценностью не обладает, но приобретает свою значимость лишь в той мере, в какой приближает к более высокой ступени. Даже душа ценна не сама по себе, а лишь постольку, поскольку способна «избегать зла, разыскивать и находить высшее благо и, нашедши его, проводит... время жизни сообщая с ним» [7, с. 180]. Говоря об утверждаемом Платоном превосходстве души над телом, следует помнить и о разделяемом мыслителем представлении о переселении душ [7, с. 339, 327]. Правда, в отличие от того же «Государства», в «Законах» тема метампсихоза звучит несколько приглушенно. Каждое из трех достояний человека требует соответствующей заботы. Чтить душу — не значит внимать незаслуженным похвалам, выполнять ее прихоти или любыми способами избегать смерти. Истинный почет души состоит в приобщении к добродетелям, приближающим ее к сфере божественного. Не следует также почитать тело больше, чем душу, так же как заботиться об имуществе — в ущерб первому или второму. В попечении о теле и имуществе лучшее — держаться «середины» [7, с. 180].

Конкретизируя приведенную иерархию, Платон вводит различие между благами божественными и человеческими. К первым относятся известные нам по «Государству» четыре кардинальные добродетели: мудрость, мужество, воздержанность, справедливость. Правда, в «Законах» они располагаются в несколь-

ко иной последовательности: «Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение; второе — сопутствующее разуму здоровое состояние души, из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость; четвертое благо — мужество» [7, с. 78]. Как видим, мужество занимает здесь последнее место. В «Законах» Платон специально подчеркивает мысль о том, что целью государства должна быть не война, а мир. Законодательства военизированных государств (Спарта, Крит), культивирующих мужество в ущерб другим добродетелям, Платон считает несовершенными. Мыслитель подчеркивает, что главной причиной гибели государств является не отсутствие мужества, а отсутствие разума [6, с. 139]. Акцентируя внимание на первостепенности разума, афинский гость говорит даже о том, что «для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами» [6, с. 139]. Что касается человеческих благ, то на первом месте здесь стоит здоровье, за которым следуют красота, телесная сила и ловкость и, наконец, богатство. «Божественные» блага являются основанием «человеческих». Поэтому кто не имеет первых, лишается и вторых.

Интересно, что, настаивая на безусловном приоритете внутренних благ над внешними, Платон отнюдь не отказывается от эвдемонизма. Мыслитель далек от общепринятого мнения, согласно которому приятное и добродетельное несовместимы (вспомним знаменитый античный сюжет «Геракл на распутье»). «Необходимо признать», заявляет афинский гость, что «несправедливая жизнь не только позорна и скверна, но и поистине более неприятна, чем жизнь справедливая и благочестивая» [7, с. 112]. Согласно автору «Законов», это парадоксальное положение образует один из краеугольных камней правильного государственного строя. Афинский гость говорит даже о том, что если бы данное положение оказалось ошибочным, то нельзя было бы найти ложь более «полезную», поскольку руководствуясь ею, «граждане добровольно, а не по принуждению поступали бы во всем справедливо» [7, с. 113]. Как отмечалось выше, эффективное выполнение закона должно быть осознанным и добровольным. Но последнее было бы невозможным, если бы исполняющий закон человек ожидал неприятностей, поскольку «никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания» [7, с. 112]. Обсуждение этой темы завершается репликой Клиния о том, что «истина прекрасна, чужеземец, и пребывает незыблемой, но убедить в ней, видимо, нелегко» [7, с. 113]. В данном пункте хорошо прослеживается взаимосвязь отмеченной выше эвдемонистической установки с представлением мыслителя о преимуществе «свободного» законодательства, основанного не на насилии, а на убеждении.

Этика Платона содержит еще одну парадоксальную идею: человеку добродетельному обладание здоровьем, красотой, силой и богатством идет во благо, а недобродетельному — во зло. «То, что называют злом, есть благо для людей несправедливых, а для справедливых — зло. Благо же для людей благих на самом деле благо, для злых — зло» [7, с. 110]. Таким образом, в соответствии с приведенной выше иерархией человеческие блага сами по себе ценностью не обладают, но выступают средством возведения человека к лучшему. Подчеркивая своеобразие позиции Платона, отметим, что киники считали внешние блага бременем, Аристотель видел во внешних и телесных благах существенное условие счастья, тогда как стоики относили то и другое к области «безразличного».

В «Государстве» основной «антропологической» моделью, объясняющей мотивацию человеческих действий, выступал образ триединого существа, состоя-

щего из чудовища (желание), льва (воля) и человека (разум) [6, с. 384]. В «Законах» аналогичную функцию выполняет образ «чудесных» кукол [7, с. 93]. Цель их создания им самим неведома. Каждая из кукол управляется тремя нитями. Две нити, твердые и железные, представляют собой ожидание удовольствия и страдания. Третья нить, мягкая и золотая, обозначает разумение. Именно оно, согласно Платону, и должно быть руководящим принципом жизни человека. «Каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняясь и оказывая противодействие остальным нитям, а это и есть златое и священное руководство разума» [7, с. 93]. Афинский гость утверждает, что миф о куклах позволяет яснее осознать значение выражения «быть сильнее или слабее самого себя», а также понять, в чем заключается порок и добродетель. Эта объясняющая схема может применяться не только по отношению к поступкам частного лица, но и по отношению к действиям государства. «Ожидание скорби называется страхом, ожидание удовольствия — отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона» [7, с. 92].

Переходя к анализу религиозных предпосылок законодательства правильно устроенного государства, прежде всего обратим внимание на следующее. Как никакое другое сочинение мыслителя, диалог «Законы» обильно пересыпан не только именами богов, но и молитвенными обращениями к ним [7, с. 163, 202, 351]. Возможно, в этом одна из причин того, что вплоть до XX столетия авторство «Законов» неоднократно подвергалось сомнению [10]. Думается, не последним фактором, определяющим эту оценку, являлось присутствие в данном произведении внушительной теологической компоненты. Правда, однозначного ответа на вопрос, как следует понимать природу божественного, в «Законах» не предлагается. Скорее, напротив. С одной стороны, Платон, постоянно ссылается на конкретных богов олимпийской религии, каждый из которых выполняет определенные функции и требует соответствующих культов [7, с. 169, 197]. С другой стороны, философ всячески критикует политеизм и антропоморфизм народной мифологии, параллельно уча о некоем едином управляющем начале, в подтверждение существования которого приводятся сугубо рациональные основания [7, с. 160, 366]. Правда, следует подчеркнуть, что в политических построениях Платона речь идет по преимуществу об имманентном измерении «божественного», которое, в свою очередь, трактуется Платоном как равнозначное «высшему», «разумному», «правильному», «добродетельному» [7, с. 168].

Вместе с тем было бы упрощением видеть в платоновской идее божественного поэтическую метафору, так же как и придавать этой идее инструментально-идеологическое значение [4, с. 64]. Именно в «Законах» Платон решительно и определенно обосновывает мысль о том, что боги существуют не «по установлению», как учили софисты и некоторые из натурфилософов, а «по природе». Здесь же он подчеркивает, что законы Магнезии покоятся на убеждении в реальности богов, которые, во-первых, благи, а во-вторых «несравненно больше, чем люди почитают правосудие» [7, с. 344].

Философский фундамент «теологической» составляющей «Законов» представлен в десятой книге данного сочинения. Утверждая неразрывную связь между религиозными воззрениями человека и его поведением, афинский гость утверждает: «никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет безза-

конного слова» [7, с. 342]. Напротив, всякое преступление рождается на почве одной из трех ложных мировоззренческих предпосылок. Первая: боги не существуют. Вторая: если боги и существуют, то в человеческие дела они не вмешиваются. Третья: если боги в человеческие дела и вмешиваются, люди могут это влияние «подправить» в нужную для себя сторону.

Опровержение первой предпосылки опирается на стандартный для идеализма ход мысли, в силу которого реальность к материальной составляющей не сводится, но предполагает существование нематериальной первопричины, являющейся основанием космической жизни и порядка. Доказывая данное положение, Платон опирается на такие основополагающие понятия своей метафизики, как «мировая душа» и «космический ум». Согласно утверждению афинского гостя, о существовании богов красноречиво свидетельствуют «Земля, Солнце, звезды, вся вообще Вселенная, весь этот прекрасный распорядок времен, подразделение на годы и месяцы» [7, с. 343]. Впоследствии мыслительный переход от фиксации упорядоченного целого к постулированию его причины будет встречаться в западной метафизике неоднократно и получит специальное название — «космологический аргумент».

Опровержение второй предпосылки, базируется на представлении о диалектической взаимосвязи целого и частей. Целое приоритетно, но его совершенство невозможно без совершенства частей. Поэтому боги (в силу их могущества и всезнания) пекутся не только о первом, но и о втором. «Тот, кто заботится обо всем, устроил все, имея в виду спасение и добродетель целого, причем по возможности каждая часть испытывает или совершает то, что ей надлежит. Над каждой из этих частей, вплоть до наименьших, поставлен правитель, ведающий мельчайшими проявлениями всех состояний и действий, все это направлено к определенной конечной цели. Одной из таких частиц являешься и ты, пусть чрезвычайно малой, жалкий человек, и ты влечешься, постоянно имея перед глазами целое» [7, с. 365]. Таким образом, присущий учению Платона эвдемонизм уравнивается внушительной холистической компонентой.

В контексте обоснования божественного промысла Платоном имплицитно вводится еще ряд догматических допущений, обоснованность которых в данном случае обсуждаться не будет, но которые необходимо учитывать в ходе осмысления его социально-политической доктрины. Во-первых, части мироздания согласованы таким образом, чтобы во Вселенной «вернее, легче и лучше» побеждала добродетель, а порок же был побежден. Во-вторых, человеку «предоставляется» определенная степень свободы, «ибо каждый из нас большей частью становится таким, а не иным сообразно предмету своих желаний и качеством своей души» [7, с. 366]. Связывая оба эти положения, Платон уподобляет характеры людей шашечным фишкам. Характер, ставший лучше, перемещается на лучшее место, а ставший худшим — на худшее. Таким образом «каждому достается соответствующий удел». Стоит отметить, что в этом многозначном образе совмещаются две, на первых взгляд, несовместимые идеи: вселенский порядок и персональная ответственность. В-третьих, видимое торжество зла эфемерно и есть результат фрагментарного восприятия сущего [7, с. 365]. Если при доказательстве существования богов Платон предвосхищает «космологический аргумент», то в контексте обоснования промысла представлен один из первых опытов теодицеи [11, с. 99].

Наконец, третья мировоззренческая предпосылка, утверждающая возможность умиловивления богов с целью отвращения наказания за совершенную человеком несправедливость, опровергается указанием на их самодостаточность [6, с. 369].

Тема вселенского порядка занимает важное место и в четвертой книге «Законов». Мысленно обращаясь к будущим гражданам Магнезии, афинский гость произносит слова, которые можно рассматривать в качестве общей «преамбулы» их законодательства: «Поселенцы, — скажем мы им, — бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего сущего... За ним всегда следует правосудие, мстящее тем, кто отступает от божественного закона. Кто хочет быть счастливым, должен держаться этого закона и следовать ему смиренно в строгом порядке» [7, с. 168]. Не приемля антропоцентристскую установку релятивистского толка, согласно которой мерой сущего является человек, Платон устами афинского гостя провозглашает: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог, гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых» [7, с. 168]. Под «некоторыми» в данном случае разумеется софист Протагор.

В этой же книге говорится о том, что благополучие государства определяется главным образом факторами внечеловеческого плана. «Бог управляет всем, а вместе с богом судьба и благовремение правят всеми человеческими делами. Впрочем, не будем так строги: есть и нечто третье, следующее за ними, — искусство» [7, с. 160].

На вопрос собеседников, какому типу организации власти следует отдать предпочтение при возведении нового государства — монархии, олигархии, демократии, — афинский гость отвечает, что перечисленные типы социальных образований являются не государствами, а «сожительствиями граждан, где одна их часть властвует, а другая рабски повинует» [7, с. 164]. Каждое такое «сожительствие» получает то или иное название по господствующей в ней социальной группе. Афинский гость продолжает, что если бы требовалось найти название для возводимого ими государства, то последнее следовало бы «назвать по имени бога — истинного владыки разумных людей» [7, с. 164]. Обратим внимание на амбивалентность приведенной фразы: то ли бог управляет всеми людьми, то ли только разумными из них. Впрочем, контекст допускает оба прочтения. Итак, разумно устроенное государство должно быть теократией. Уточняя смысл этой идеи, афинский гость рассказывает миф о «высшей степени счастливого правлении» Кроноса, которому и должно «подражать» возводимое им и его собеседниками «лучшее государственное устройство». Зная о том, что «никакая человеческая природа не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости» [7, с. 165], Кронос подчинил людей даймонам — «существам более божественной и более лучшей природы». Ведь и люди не ставят над быками быков, а коз — над козами, но управляют ими самостоятельно, «принадлежа к лучшему, чем они, роду». Согласно афинскому гостю, «мораль» повествования заключается в том, чтобы «в меру присущей нам доли бессмертия» (читай: в меру нашей разумности), следовать в частной и общественной жизни «определениям разума», которые иначе могут быть названы «законами». [7, с. 165]. Переход от описания правления даймонов к призыву соблюдать закон проявляется этимологией соответствующих слов: νόμος — закон, διανομή — разде-

ление, установление, определение. Если в «Государстве» в качестве средства от социальных неурядиц указывалась необходимость правления философов, то теперь выносится иной вердикт: «государства, где не правит бог, а смертный, не могут избежать зол и трудов» [7, с. 165]. Впрочем, с учетом отмеченной выше специфики платоновского понимания божественного, вердикт этот оказывается не противоречащим, а созвучным императиву «философского правления».

Высшими государственными органами Магнезии является институт стражей закона и Совет. Избирательным правом обладают все, кто «носит оружие» (возрастные рамки таковых Платоном не оговариваются).

Стражи законов выбираются из граждан Магнезии в возрасте от пятидесяти до семидесяти лет посредством трехступенчатой системы. Сначала избирают триста кандидатов, потом из них — сто и, наконец, из последних тридцать семь лучших получает должность стражей. Страж законов не может стоять у власти более двадцати лет. Существуют обязательные требования мировоззренческого плана. Хранители законов должны придерживаться определенных религиозных воззрений (их общая направленность была охарактеризована нами выше), а также быть в состоянии подкрепить оные собственными поступками и рационально-убедительной аргументацией [7, с. 434]. Если в «Государстве» эзотерической доктриной, вдохновлявшей деятельность правителей, была диалектика, то в «Законах» ее место занимает теология [4, с. 59].

Основной компонент деятельности стражей — пересмотр и дополнение существующего законодательства. Они же ведут учет доходов граждан, осуществляют расследования государственных преступлений, контролируют деятельность должностных лиц, определяют порядок выезда за границу, а также выступают судьями в разрешении неординарных семейных и имущественных конфликтов [7, с. 205, 301]. Из круга стражей законов выбирается руководитель воспитательной политики государства [7, с. 217]. Хранители законов обладают прерогативой выдвижения кандидатур на должность стратегов.

Если институт стражей осуществляет по преимуществу законодательные функции, то главным исполнительным органом государства является Совет. Членами Совета могут быть как мужчины (от 30 лет), так и женщины (от 40 лет). Совет состоит из трехсот шестидесяти членов, выбираемых ежегодно по девятиности человек от каждого из четырех классов собственников [7, с. 206]. В первый день все голосуют за представителей первого класса. Во второй день — за представителей второго. В третий день все желающие голосуют за представителей третьего класса, но гражданам первых трех классов это вменяется в обязанность. На четвертый день все голосуют за представителей четвертого, самого низшего, сословия. Уклонившиеся от голосования граждане первого и второго классов должны понести наказание: принадлежащие ко второму классу — наказание втрое больше первоначальному, принадлежащие к третьему классу — наказание вчетверо больше первоначальному. На пятый день все граждане должны сделать окончательный выбор из кандидатов, отобранных в течение предыдущих четырех дней. Когда таким образом будут отобраны от каждого класса сто восемьдесят человек, половина устраняется путем жеребьевки, остальные становятся на год членами Совета. Совет принимает меры против возможных «внутренних волнений» [7, с. 209], курирует внешнюю и миграционную политику государства [10]. Совет также отвечает за созыв и роспуск Народного собрания, на котором избираются основные государственные должности — воен-

ные, гражданские, жреческие (в «Законах» упоминается о нескольких десятках таковых). Необходимый элемент избрания всех должностных лиц — публичная проверка правомочности притязаний на власть (докимасия).

Исключительная роль в системе управления государством принадлежит Ночному собранию. Используя современную терминологию, оно может быть названо «теневым правительством». И не только из-за времени встречи его членов (последние собираются ежедневно, «обязательно на заре», в часы свободные от повседневных обязанностей и забот), но и — что особенно важно — в силу выполняемых этим органом функций.

Состав Ночного собрания неоднороден. В него входят наиболее авторитетные священнослужители, десять самых престарелых стражей законов, действующий и предшествующие руководители воспитательной политики государства. Ночное собрание включает в себя и ряд граждан, в обязанность которых входит посещение других стран с целью адаптации их политического опыта к реалиям Магнезии. При этом каждый член собрания вводит в его состав, по своему выбору, на условиях испытательного срока, одного молодого человека в возрасте от тридцати до сорока лет. Объясняя целесообразность привлечения молодых «кадров», Платон уподобляет государство живому разумному существу, управляемому умом и слитыми с ним ощущениями — зрением и слухом. «Само государство представляет собой некое вместилище: отборные и самые одаренные молодые люди из стражей занимают его вершину; обладая душевной зоркостью, они озирают кругом все государство; эти молодые люди передают свои ощущения памяти, когда сообщают старшим все то, что делается в государстве. Старцы, которых мы сравниваем с разумом, ... дают свои советы, пользуясь услугами молодых людей и их советами, и таким образом те и другие сообща спасают все государство в целом» [7, с. 432]. Интересно, что в диалоге «Тимей», который, так же как и «Законы», принадлежит к поздним диалогам мыслителя, Платон уподобляет человеческому телу космос в целом. Этот параллелизм представляется не случайным. Ведь, согласно Платону, как в космосе, так и в правильно устроенном государстве управляет одно и то же разумное начало.

Поскольку отдельные детали формирования и функционирования Ночного собрания Платон оставил не проясненными, среди исследователей идут споры относительно места и роли этого органа в политической системе Магнезии [10]. Одни авторы видят в Ночном собрании обладающий неограниченной властью «сверхгосударственный орган» (Лосев), подобный когорте правящих философов «Государства», другие — акцентируют внимание на его совещательно-информативных функциях. Третьи занимают промежуточную позицию и полагают, что Ночное собрание обладает определенными административными ресурсами, однако эти ресурсы ограничены. В противном случае пропадала бы необходимость в демократических институтах Магнезии, деятельность которых прописывается в «Законах» достаточно подробно. Но оставив открытым вопрос о нюансах деятельности Ночного собрания, мыслитель ясно сформулировал его главную задачу — сохранение основополагающих законов, совершенство которых, в свою очередь, является условием совершенства государства [7, с. 426]. В то же время следует отметить, что, занимая, в общем, консервативную позицию (автор «Законов» уделяет специальное внимание суежности и даже разрушительности новшеств [7, с. 248]), мыслитель отнюдь не исключает нововведений, способствующих укреплению основ правильно построенного государства.

В целом избирательная система Магнезии подчинена принципу, согласно которому «государственное устройство всегда... должно придерживаться середины». Форма правления Магнезии занимает «середину» между устройством монархическим и демократическим. Платон называет монархическое и демократическое начала «материнскими», поскольку полагает, что именно от них, а точнее, от их различных соотношений «рождаются» все остальные типы государств [7, с. 207]. Демаркация указанных начал, в свою очередь, обусловлена сущностным различием людей: «ведь рабы никогда не станут друзьями господ, так же как люди порядочные — людей никчемных» [7, с. 207]. Лишенные меры уравнивание неравных несправедливо и служит одной из главных причин внутренних смут государства. Поэтому Платон предлагает различать два вида равенства, которые, хотя и одноименны, «на деле чуть ли не противоположны друг с другом». Первое равенство есть равенство «меры, веса и числа». Указанное равенство, рассматривающее всех людей как равноправные единицы, будет названо впоследствии Аристотелем «арифметическим». Второе равенство уделяет большее большему, меньшему — меньшее, тем самым «даря каждому то, что соразмерно его природе». На языке Аристотеля, это равенство именуется «геометрическим». Платон характеризует его как «истинное и лучшее». Особый почет оно воздает людям добродетельным и лишает его тех, кто таковым не является. Если установление количественного равенства доступно «всякому государству и законодателю», то «усмотрение» равенства качественного доступно немногим, «ибо это — суждение Зевса». В то же время именно этот вид равенства является источником благ частной и общественной жизни. Оно же должно быть постоянным ориентиром законодательства подлинно справедливого государства, а вовсе не народовластие или воля тирана. Вместе с тем Платон вынужден допустить и равенство «арифметическое». Умеренная реализация последнего — необходимая превентивная мера от чреватого социальными беспорядками недовольства большинства. Осуществление «арифметического» равенства в процессе распределения властных полномочий Платон связывает с выбором по жребию. По всей видимости, указанная связь обусловлена тем обстоятельством, что в этой ситуации все кандидаты рассматриваются в качестве однородных равноправных единиц — победителя определяет случай. Платон, правда, отмечает, что следует молить бога и судьбу, дабы они «устроили жеребьевку согласно высшей справедливости» [7, с. 208].

Важное положение в политическом учении Платона занимает императив следования законам. Рассматривая законы в качестве краеугольного камня социального взаимодействия, афинский гость утверждает, что без них люди «ничем не будет отличаться от самых диких животных» [7, с. 332]. Более того, в правильно устроенном государстве социально-политический статус человека должен быть прямо пропорционален степени его законопослушности [7, с. 168, 181, 385]. Говорится даже о том, что гражданин, с особым тщанием относящийся к «предписаниям хороших законодателей», заслуживает большего почета, нежели тот, кто прославил государство военными подвигами или олимпийскими победами.

Эта установка базируется на разобранной выше фундаментальной предпосылке, в силу которой мерилом и критерием деятельности человека должен выступать разум. Напомним о том, что «мораль» мифа о куклах заключалась в призыве следовать велениям «золотой нити», а в повествовании о «веке Кро-

носа» послушание законам, которые трактовались как «определения разума», приравнивалось послушанию богам [7, с. 165].

Другой важный «антропологический» постулат императива законосообразности государственной жизни заключается в уже знакомом нам платоновском представлении, согласно которому мировоззренческий горизонт большинства людей сужен неискоренимым эгоизмом. Немногие способны понять, что «истинное искусство государственного управления» печется об общих интересах, а не о частных и что первые государство связывают, а вторые — «разрывают» [7, с. 332]. Еще меньше тех, кто, понимая истинность данного положения, может воплотить его в жизнь, оказавшись у кормила власти. «Смертная природа» всегда будет увлекать его к корысти и предпочтению личных интересов общим [7, с. 332]. Таким образом, требование соблюдения законов имеет особое значение для тех, кто стоит у власти и имеет возможность эти законы нарушить. «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государству боги» [7, с. 168, 187].

Настаивая на необходимости неукоснительного выполнения законов как превентивной меры ограничений природного эгоизма, философ вместе с тем далек от утверждения его абсолютизации. «Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен... Поэтому надо принять то, что после разума находится на втором месте, — закон и порядок, которые охватывают своим взором многое, но не могут охватить всего» [7, с. 332]. Кроме того, говоря о послушании законам, Платон имеет в виду законы «правильные», т.е. те, которые установлены «ради общего блага всего государства в целом». В противном случае мы имеем не государство как таковое, а различные виды социальных «сожителств» и «внутренних распрей», в которых господствующий социальный слой эксплуатируют другие, «и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя» [7, с. 167].

Анализируя специфику платоновского законодательства, нельзя не обратить внимание на еще один существенный момент. Последнее должно быть сфокусировано на одной-единственной задаче — приобщении граждан к добродетели. «Правильно начать именно с добродетели и утверждать, что ради нее-то и установил устроитель свои законы», — утверждает афинский гость в первой книге диалога [7, с. 78]. Эта же мысль повторяется и на последних страницах работы в контексте разбора функций Ночного собрания. «Самое же главное состоит в том, чтобы не блуждать, преследуя различные цели, но иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы метать всегда в этом направлении» [7, с. 429]. В отличие от законов Магнезии, законы большинства существующих государственных устройств либо лишены доминирующей идеи и ограничены «нуждами» текущего момента [7, с. 78], либо руководствуются принципами, которые представляются Платону ложными. «В одних государствах считают справедливой власть нескольких лиц независимо от того, лучше или хуже они остальных людей; в других — возможность обогащаться независимо от того, становятся ли при этом люди рабами других или нет; в третьих все стремление направлено к свободной жизни; законодательство четвертых имеет две цели: самим быть свободными и владычествовать над другими государствами. Наконец, есть

государства, считающие себя мудрыми, однако они сразу преследуют все эти цели и не могут указать той главной и единой цели, на которую должно быть направлено все остальное» [7, с. 430].

В контексте разговора о целесообразности главенства закона в государственной жизни следует сказать и о предлагаемой Платоном типологии оснований притязаний на власть. Впоследствии в истории политической философии эта тема будет подниматься неоднократно (Аристотель, Фома, Локк, Вебер). Платон различает шесть указанных оснований: власть родителей над детьми, благородных над неблагородными, старших над младшими, господ над рабами, сильных над слабыми, знающих — над теми, кто знаниями не обладает. Власть сильных над слабыми, соглашается Платон с Пидаром, будучи «сообразной с природой» всех живых существ, является «самой распространенной». Но все же «главнейшее требование», предъявляемое к правящим, — обладание знаниями. Невежество и власть несовместимы [7, с. 141]. В данном пункте автор «Законов» движется в русле идей, высказанных им еще в «Государстве»: «некоторым людям по самой их природе подобает быть философами и правителями государства, а всем прочим надо заниматься не этим, а следовать за теми, кто руководит» [6, с. 253]. Напомним, что Платон придерживался антиэгалитаристской позиции, исходящей не из равенства людей, а из их различия. Интересно, что власть, обусловленная знанием, не должна быть насильственной. «Природе соответствует не насильственная власть закона, но добровольное ему подчинение» [7, с. 142]. Недаром золотая нить, в отличие от нитей железных, названа «нежной» и «чуждой насилию».

Рассуждения Платона о ненасильственной власти закона находятся в полном соответствии с приведенным выше уподоблением государственного управления медицинской практике, в рамках которой врач и пациент выступают как равноправные свободные сотрудники, помогающие друг другу в решении общей задачи. Уместно вспомнить и о призыве подражать в «высшей степени счастливому правлению Кроноса», а также о том, что государственный строй должен воплощать в себе принципы «свободы и дружбы в соединении с разумностью» [7, с. 145].

В то же время, не отрицая «гуманной» составляющей политических воззрений Платона, нельзя не отметить, что в целом учение мыслителя о государстве имеет ярко выраженную «тоталитарную» направленность. Дело в том, что для реализации перечисленных выше идеалов Платон предлагает меры, которые исключают какую-либо самостоятельность и личные предпочтения граждан (не говоря уже о рабах и чужестранцах) и поражают степенью детализации регламентируемых сторон индивидуальной и общественной жизни. По крайней мере, в сознании современного человека эти меры ассоциируются не с разумностью, свободой, дружбой и счастьем, а с феноменами диаметрально противоположными. «Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению; нет, всегда — и на войне, и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например, по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для

исполнения поручений <...> Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно <...> Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям» [7, с. 406]. Уже говорилось о том, что в «Законах» создается проект «второго после наилучшего» государственного строя. Данный проект — своего рода уступка, обусловленная неподготовленностью «нынешнего поколения» [7, с. 192]. Но первоначальный идеал при этом остается неизменным. «Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат, действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, выше которого в смысле добродетели, правильности и блага никто никогда не сможет установить» [7, с. 191].

Описываемая в «Законах» государственная опека граждан охватывает все стороны их жизни, с утра до вечера, от рождения до похорон [7, с. 260, 78]. Законодателю необходимо «поучать граждан и определять, что хорошо и что дурно <...> оберегать достояние граждан и их расходы <...> следить за всеми добровольными и недобровольными сообществами <...> наблюдать, где осуществляется справедливость, а где нет <...> он должен установить почести тем, кто послушен законам, а на ослушников налагать положенную кару [7, с. 78].

Особое внимание уделяется законам, упорядочивающим религиозный культ, семейные взаимоотношения, воспитание и образование. Для полноты картины следует упомянуть и о существующей в Магнезии разветвленной системе наказаний, простирающейся от детально расписанных штрафов и общественного порицания до избиений, тюремного заключения и смертной казни. Наиболее суровы наказания за преступления против родителей, богов и государства.

Вл. Соловьев рассматривал последнее произведение великого идеалиста как «прямое отречение от Сократа и философии» [7, с. 623]. К. Поппер, характеризовал Платона как непримиримого «врага» «открытого общества». Более взвешенной выглядит позиция А. Лосева. Учитывая как гуманистическую, так и антигуманистическую компоненты «Законов», А. Лосев различал, с одной стороны, вдохновляющие Платона «благие намерения», а с другой — предложенные им для реализации этих намерений «жестokie» средства [5, с. 723]. На наш взгляд, тоталитарная направленность политических взглядов Платона — прямое следствие его догматизма. Хотя в мифе о людях-куклах и утверждается, что им неведома окончательная цель их создания, для самого Платона цель эта известна. По крайней мере, о цели государства, людьми образуемого, и иерархии ценностей, которыми те должен руководствоваться, мыслитель говорит вполне определенно. Отметим также, что в «Законах» предложена одна из самых смелых и глубоких попыток решения сложнейшей политической и социально-психологической проблемы, заключающейся в возможности принудительного приобщения непосвященного большинства к тому, что стоящему у власти мудрому меньшинству представляется наилучшим.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.
2. *Гегель Г.* Лекции по истории философии. Книга вторая. — СПб.: Наука, 1994.
3. История политических и правовых учений. Учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца — М.: Норма, 2004.
4. *Кечекьян С.Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. — М.-Л.: АН СССР, 1948.
5. *Лосев А.Ф.* Критические замечания к диалогу «Законы» // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994.
6. *Платон*. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1994.
7. *Платон*. Законы // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994.
8. *Соловьев Вл.* Жизненная драма Платона // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990. 623
9. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т.1. — СПб.: РХГА, 2006.
10. «Plato on utopia» by Ch. Bobonich and K. Meadows [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/> (дата обращения 20.11.2017).
11. *Strauss L.* Plato // History of political philosophy edited By Leo Strauss and Joseph Cropsey. — The University Of Chicago Press, 1987.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

EVOLUTION OF MANAGEMENT IN THE HISTORY PHILOSOPHICAL THOUGHT

АРУТЮНЯН Каринэ Сергеевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета (e-mail: carin-dop@yandex.ru)

ARUTIUNIAN Karine Sergeevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of History, Philosophy and Right of the Ryzan State Radio Engineering University (e-mail: carin-dop@yandex.ru)

Аннотация. Управление осуществляется на всех уровнях социальной организации. Благодаря управлению в обществе выполняются действия по его преобразованию в новое качественное состояние. Цель статьи — показать развитие и формирование понятия управления в трудах мыслителей (с XIV в. до начала XX в.). Научная новизна заключается в определении управления через понятия «деятельность» и «человек». Методологическую основу составляют методы анализа, синтеза, систематизации, обобщения и сравнения. В ходе проведенного исследования получены выводы о необходимости философско-методологического анализа управления для дальнейшей разработки стратегий и тактик управленческой деятельности.

Ключевые слова: управление, человек, деятельность, общество, управленческая деятельность, управленческие отношения.

Abstract. The management is carried out at all levels of the social organization. Management in society helps to perform actions for its new proper condition transformation. The purpose of the article is to reveal the development and formation of the management concept in the works of thinkers (XIV – early XX centuries). The relevance of the work is due to the understanding of management by means of the terms «activity» and «person». The methodological foundations are based on : the methods of the analysis, synthesis, systematization, generalization and comparison. The need for the philosophical and methodological analysis of the management for further development strategy and tactics of the administrative activity is represented in the current research.

Keywords: management, person, activity, society, administrative activity, administrative relations.

В современном мире от управленческих решений и действий зависит результат совместной деятельности людей и производительность их труда. Благодаря управлению в обществе сохраняется устойчивость и политическая стабильность, осуществляются действия по преобразованию, как во внешней, так и во внутренней среде общества. Следовательно, актуальность проблемы управления в современном мире определяет цель статьи — проанализировать эволюцию понятия управления в истории философии.

Исследование некоторых аспектов управления начало осуществляться в эпоху Античности и получило свое развитие в эпоху Возрождения. Наступление эпохи Возрождения ознаменовалось поворотом к раскрытию автономии человека, признанию его безграничных творческих возможностей. Следует обратить внимание на произведение «Государь» Н. Макиавелли [3, с. 109]. С его позиции власть зависит не от божественной природы правителя (как это было в эпоху Средневековья), не от высшего предопределения, а от причин, имеющих земной характер. Согласно Макиавелли, процесс управления во многом зависит от объективных условий и от личных качеств государя. Как основатель науки государственного управления, мыслитель впервые привел способы создания сильного государства. В таком государстве должны быть четко распределены роли управляющих и управляемых.

Такие представители эпохи, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Э. Роттердамский, М. Монтень, Т. Мюнцер в своих трудах ставили вопросы равенства, справедливости, вопросы субъекта как активного начала, обладающего разумом, знаниями, способного не только управлять окружающим миром, но и преобразовать его. Представители эпохи Возрождения развивали антропологический подход и предприняли попытку разграничить деятельность субъекта и объекта в управлении, а также определить их функциональное значение в мире.

Представители эпохи Нового времени — Р. Декарт и Ф. Бэкон — разработали свои концепции, ядром которых стала наука. Именно с XVII–XVIII вв. с развитием капитализма, промышленного производства происходит зарождение профессионального управления. Предпосылками становления профессионального (государственного) управления являются эмпиризм, развитие методов и теорий познания.

Особый вклад в управлении обществом принадлежит Ф. Бэкону. По мнению философа, наука — форма управления бытием человека и средство решения практических проблем. Цель философии в управлении — помочь человеку добиваться практических результатов в управленческой деятельности [2, с. 83]. Бэкон доказывает, что для успешного решения практических задач предмет философии должен сместиться с онтологии на гносеологию, в частности, на разработку способа, пути познания. Таким способом получения нового знания он считает индукцию, которая находит применение в деятельности управления. Бэкон рассматривает управление как деятельность с целью совершенствования и развития природы и общества.

Развитие научного потенциала человека в управлении связано с именем Р. Декарта. Как основоположник рационалистической философии, Р. Декарт доказал, что разум первичен по отношению к бытию. Он абсолютизировал творческую активность сознания в управлении, выдвигая концепцию о «врожденных идеях», согласно которой каждый человек обладает необходимыми знаниями и понятиями, которые не требуют доказательств. Декарт разрабатывает и обосновывает правила правильного мышления и распространяет их на различные области знания, закладывает методологию принятия рациональных управленческих решений [9, с. 260].

Джордж Беркли и Дэвид Юм утверждают, что главным в управлении является человек. Мыслители признают существование только духовного бытия, существующего в виде «массивных идей» и активной «души». «Все идеи существуют в душе как мысли, страсти и ощущения» [1, с. 252]. Безусловно,

все эти качества в человеке направлены на достижение поставленных целей в управлении.

Джон Локк утверждал, что древней системой управления, в которой один человек приобретает какую-то власть над другим, является семья. По мнению философа, семья со временем превратилась в более сложную систему управления, «постепенно вырастала и становилась государством, и отцовская власть передавалась старшему сыну» [12, с. 312].

Томас Гоббс был одним из первых, кто выделил социальный фактор в управлении, который направлен на объединение людей в единое целое. Он утверждал, что люди созданы равными по своей природе и имеют право на «все», но эгоизм и внутренние противоречия подталкивают человека к «войне всех против всех». Только естественный разум помогает человеку вырабатывать такие естественные законы, которые в дальнейшем будут организовывать процесс управления. Философ выделил законы управления, которые человек сможет использовать в управленческой деятельности: необходимо стремиться к миру; уметь передавать права другим, если этого требует сохранение мира; в рамках справедливости необходимо выполнять заключенные соглашения. Таким образом, по Т. Гоббсу, единство людей очень противоречиво, это только необходимое условие преодоления внутреннего раздора, преодолеть который можно при помощи высокоорганизованного управления, основанного на законах управления [7, с. 352].

Философское понимание человека и его роли в управлении связано с именами французских просветителей, таких как Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Руссо, К. Гельвеций. В эпоху Просвещения была развита теория общественного договора, согласно которой государство появилось как вполне осознанное соглашение на появление социального института с целью защиты общественных интересов. Данные мыслители как представители гуманизма защищали свободу человека, его достоинство и признавали жизнь главной ценностью.

Монтескье в своей работе «О духе законов» отвергал любую теологическую доктрину происхождения государства и давал материалистическое объяснение данного явления. Понимание природного мира, имеющего в своей основе естественные причины, было распространено им на социальный уклад организации общественной жизни [14, с. 444]. Монтескье предложил теорию разделения властей. Управление в таком государстве предполагало, что власть должна быть распределена между всеми слоями. В разделении властей необходимо соотношение природных и социальных сил. Законодательная власть должна быть распределена между богатыми и бедными. Исполнительная власть находится в руках одного монарха, так как именно данная власть требует принятия решений одним человеком.

Происхождение управления связано с неравенством людей и заложено в субъект-объектных человеческих взаимоотношениях. Такой позиции придерживался Ж.-Ж. Руссо, который пришел к выводу, что неравенство людей связано с наделением властью сильного над слабым: «...наделив более сильного властью над более слабым, немедленно создали Управление...» [17, с. 71]. Руссо выдвинул идею о том, что вторым условием существующего неравенства является возникающий класс управляющих. Главным принципом и условием эффективного и результативного управления, по мнению философа, является наличие законов и суверенитета как воли народа.

Поль Анри Гольбах утверждал, что законы и разум являются основой управления государством. С точки зрения Гольбаха общественный договор и соблюдение необходимых условий возможно только при условии эффективно разработанной управленческой политики [8]. П. Гольбах, как и другие представители общественного договора, сформулировал основные принципы управления: управление — это социальная составляющая, носителем которой является человек; управление должно учитывать общезначимые интересы; управление связано с рациональным подходом. Гольбах одним из первых сформулировал предпосылки формирования социального управления.

С именем И. Канта связано становление философской антропологии. Кант развивал идею о ценности человека. Он не просто изучал человека с позиций философии, а выделил субъекта как активное начало, которое направлено на познание объекта и на его преобразование. При этом Кант пришел к выводу, что управление — это не созерцание действительности, а пассивное приспособление к ней, а также созидание новых форм предметного мира [10, с. 295]. Особое внимание Кант уделял тому, что в наше время определяется как субъект профессиональной деятельности.

Фридрих Ницше развивал идею о том, что вся человеческая сущность (сознание, разум, суждения, понятия) — это не что иное, как стремление к власти и управлению [15]. Сверхчеловек, сильная личность, которая преодолевает свои инстинкты, страхи для достижения поставленных целей, обладает всем необходимым для управления. Способность человека управлять собой, изменять собственное поведение изменяет окружающую действительность.

Гегель предпринял попытку описать всеобщую схему деятельности, проанализировать диалектику структуры деятельности. Гегель вскрывает действительное содержание и значение практической деятельности. Согласно его учению, дух существует как знание, как воля и как деятельность, обращенная вовне [6, с. 312]. Если познание представляет собой внешнюю действительность, то практическая деятельность — внутреннее содержание сознания, приобретенного посредством познания. Человек, изменяя внешнюю природу, изменяет тем самым и свою человеческую природу. Рассуждая о природе человека, Гегель особое внимание придавал субъекту и объекту. Под объективным понималось «непосредственность наличного бытия, в котором должна реализовываться цель», в то время как субъективное «может означать цель лишь определенно-го субъекта» [5, с. 88]. Таким образом, по Гегелю, субъект управления посредством воли делает свои цели целями объекта и добивается их достижения в процессе совместной деятельности [4, с. 81]. Заслуга Гегеля заключается в том, что им была также предложена классификация типов государственного устройства, определена роль закона в государстве, а также были выделены две составляющие в управлении: субъект и объект управленческой деятельности.

Людвиг Фейербах изучал человеческую сущность во взаимодействии и общении с другими людьми, в окружающей действительности. Он утверждал, что объект может быть субъектом, как и так называемый субъект — объектом [19]. Ученый выделял, что человек является то объектом, то субъектом и выполняет разные функции, неравные по своему значению. Деятельность объекта регулируется деятельностью субъекта. Субъект-объектная природа управления порождена неравенством людей в обществе и определяется степенью развития способностей. Следовательно, наличие объекта и субъекта в де-

тельности обуславливает формирование процесса управления, руководства одного другим.

Иррационалистическая трактовка управления была представлена А. Шопенгауэром и Э. Гартманом. В своих сочинениях Шопенгауэр доказывает, что субъект, который познает самого себя, обладает волей к жизни, в то время как индивиды, которые окружают его, формируются в его представлении как независимое от него самого [20, с. 108]. По мнению Шопенгауэра, управление — это искусство гения, направленного на преодоление эгоистических устремлений людей. Гартман утверждал, что основой всего сущего является бессознательное начало. Весь окружающий мир — это результат иррационального процесса, в то время как сознание человека выступает орудием бессознательного. Бессознательное — источник жизни, сил, развития, а также управления неуправляемыми процессами [3, с. 54]. Представитель прагматизма Чарльз Пирс утверждает, что необходимо разработать средства и технологии по решению задач в управлении. Философ рассматривает мышление как важное средство управления по успешному достижению результата [16, с. 122].

Таким образом, управление есть процесс достижения цели, стремясь к которому надо приближать состояние действительности. Суть человеческой деятельности состоит в том, что человек, познавая мир, конструирует его, создает свою картину мира. Созданные человеческим разумом творческие конструкции индивиды используют для преобразования мира и управления его процессами и явлениями.

Конец XIX — начало XX в. — период, когда был сделан существенный вклад в изучение человека и его роли в управлении. Можно выделить такое направление в управлении, которое связано с исследованием духовности человека, отраженное в творчестве С. Кьеркегора. Кьеркегор рассматривал управление как противопоставление рациональности и иррациональности в человеке [11, с. 98]. Он также разработал концепцию философии жизни как способ бытия человека и как некая реальность, которая требует управления и преобразования.

Также следует отметить теорию К. Маркса, которая основывается на принципе критического отношения человека к миру, к окружающей действительности (как природной, так и социальной). С помощью данного принципа исследуются проблемы роли человека в преобразовании и управлении обществом и государством, происхождение и сущность человека, а также проблемы субъективизма и объективизма. Маркс выдвигает принцип монистического понимания мира, который может быть реализован только в деятельности человека, а также являться результатом социокультурного развития людей. Теория К. Маркса представляет большое значение для изучения проблем управления в рамках его концепции исторического материализма. Он утверждал, что социальные изменения в обществе во многом связаны с экономическими факторами с одной стороны, а с другой стороны — с рациональной деятельностью человека в процессах преобразования общества. По мнению исследователя Н.А. Тикурашвили, «особенностью марксистского подхода к пониманию сущности задач социального управления стало не только выявление диалектической взаимосвязи экономических и политических процессов, но и обоснование важнейшей роли в управлении таких составляющих как планирование и прогнозирование» [18, с. 208].

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования эволюции философских представлений об управлении, сделаем обобщающие выво-

ды. В эпоху Возрождения использовался антропологический подход в анализе управления. Декарт и Бэкон использовали научный подход в определении управления и пришли к выводу, что необходимо выделить особую науку управления. Французские Просветители (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) утверждали, что природа управления заложена в неравенстве людей и имеет субъект-объектный характер. Гольбах впервые заложил основные принципы социального управления. Кант большое внимание уделял субъекту управленческой деятельности. В то время как Г. Гегель выделил две составляющие управления: субъект и объект. Фейербах говорит о единстве субъекта и объекта управленческой деятельности. Маркс придает особое значение активной позиции человека по отношению к изменениям в окружающем мире. Следовательно, многие современные проблемы управления можно понять и решить, если обратиться к философскому наследию прошлого.

Список литературы

1. Беркли Дж. Сочинения. — М.: Мысль, 2000. — 560 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1971. — 566 с.
3. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. Бессознательное в явлениях телесной и духовной жизни. — М.: Красанд, 2010. — 322 с.
4. Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1970. — 668 с.
5. Гегель Г. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
6. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1974. — 471 с.
7. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1964. — 752 с.
8. Гольбах П. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. — 716 с.
9. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1989. — 656 с.
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1963. — 741 с.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет. — М.: Академический проект, 2017. — 154 с.
12. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1987. — 621 с.
13. Макиавелли Н. Государь. — М.: Азбука, 2017. — 448 с.
14. Монтескье Ш. Избранные произведения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 800 с.
15. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1996. — 829 с.
16. Пирс Ч. Избранные философские произведения. — М.: Логос, 2000. — 448 с.
17. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. — М.: Канон-Пресс, 1998. — 416 с.
18. Тикурашвили Н.А. Единство многообразного в понимании социального управления в истории философии до середины XX в. // Научно-технические ведомости СПбГТУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2013 г. — № 2. — С. 208–212.
19. Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1995. — 424 с.
20. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. — 288 с.

ПАЦИЕНТ В УСЛОВИЯХ СЦИЕНТИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ И МЕДИКАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

PATIENT IN CONDITIONS OF MEDICINE SCIENTIZATION AND CULTURE MEDICALIZATION

Камалиева Ирина Ринатовна — кандидат философских наук, директор Научно-исследовательского центра «Антровита» (e-mail: irina.kamalieva@yandex.ru)

Kamalieva Irina — Candidate of Philosophical Sciences, Director of Research Center «Antrovita» (e-mail: irina.kamalieva@yandex.ru)

Аннотация. В статье проводится философско-антропологический анализ пациента как объекта медицинской практики в условиях медиализации культуры. Автор приходит к выводу о приобретении медициной всех возможных форм власти над человеком — от личной власти-авторитета врача, основанной на его знании, до неолиберальной власти медицины, действующей через предоставление свобод посредством фарминдустрии. В статье утверждается, что в условиях сциентизации медицины статистику основных причин смертности в мире возглавляют не летальные инфекции, а «цивилизационные» хронические заболевания, а факторами возникновения смертельных болезней становятся образ жизни и среда обитания человека. Согласно выводам исследования, с дальнейшим прогрессом медицины актуализируется необходимость в экзистенциально-антропологическом подходе к изучению человека как потенциального пациента и в поиске новых интегральных методов лечения болезней.

Ключевые слова: пациент, медицина, культура, сциентизация медицины, медиализация культуры, врач.

Abstract. A philosophical and anthropological analysis of the patient as an object of medical practice in the context of medicalization of culture and the formation of her requests for modern scientific medicine is presented in the given paper. The author comes to a conclusion that medicine has different forms of power over a person, i.e. from personal authority, the authority of a doctor based on his knowledge, to the neoliberal power of medicine acting through the provision of freedoms through the pharmaceutical industry. The article states that under the conditions of medicine scientization, the statistics of the main causes of mortality in the world, are headed by «civilizational» chronic diseases, not lethal infections, and the lifestyle and human habitat become the factors of the onset of fatal diseases. According to the research, the further progress of medicine requires applying an existential anthropological approach to the study of human being as a potential patient and the search for new integral methods of treating diseases.

Key words: patient, medicine, culture, medical scientifization, medical culture, physician.

Медицина традиционно предполагает взаимодействие людей на основе безусловного доверия со стороны пациента и ожидаемого им гуманного от-

ношения со стороны врача, приобретающего в условиях сциентизации медицины все большую власть над жизнью и здоровьем больного человека. Современная медицина формирует необходимые для деятельности врача знания на основе изучения им естественных наук, являясь единственной прикладной сферой деятельности, в которой и субъектом, и объектом воздействия на организм на основе имеющегося естественнонаучного знания является сам человек. В условиях ожидания больным человеком гуманности и милосердия в ответ на доверие, а также предоставления со стороны наделенного властью врача беспристрастного научного знания, недоступного пациенту, неизбежно возникает социальное противостояние «врач — пациент» [7, с. 3], формирующее философско-этическое проблемное поле современной медицины. Ситуация властного доминирования врача усугубляется закрытостью медицины от общества, обусловленной, в том числе, наличием «собственного языка», активно используемой в современной медицине и берущей корни в античности древнегреческой и латинской терминологии [9], которая в основном и определяет границы медицинской культуры, превращая ее в закрытую профессиональную субкультуру.

В основе сегодняшней медицины, согласно мнению специалистов Центра современной философии и социальных наук МГУ и Центра биоэтики Института философии РАН, лежит модель «врач — пациент — государство — бизнес», в которой государство формирует «истину врача» через его образование, а люди, то есть пациенты, «принадлежат» государству, заинтересованному в первую очередь в их производительности. Уверенность в собственной информированности пациента и свободе выбора относительно степени медицинского вмешательства в его жизнь подвергает сомнению мысль, что «дирижером нашей телесности все чаще становится фармакологическая индустрия. Она не “чинит” тела, ее цель — дизайн тел и идентичностей для формирования своего рынка сбыта. Медик не ищет и навязывает нормы, а создает желания пациента, воображаемый идеал собственного тела» [14]. Таким образом, власть медицины над человеком приобретает современные формы — от личной власти-авторитета врача, основанной на его знании, до неолиберальной власти медицины, действующей через предоставление свобод, не оставляя человеку возможности существования вне медицины.

В данных, сложившихся экономически и технократически условиях, влекущих за собой недостаточное внимание научной медицины к страдающей в болезни личности пациента, компенсаторно актуализируются идеи интегральной медицины [4], законодательно разрешенные занятия целительством лицами без медицинского образования, противоречащие официальным достижениям научной медицины и способные нанести вред человеку [1], но способные удовлетворить потребности пациента как раз в комплексном отношении целителя к «человеку в болезни».

Пациент — человек, которого медицина стремится привести в состояние здоровья. Но одной из «вечных» проблем для медицинской науки является отсутствие признанных философских понятий здоровья и болезни, определяющих границы практической медицины, в связи с чем недовольство медициной возникает часто именно там, где ее деятельность регламентируется без учета гуманитарной составляющей. Предпринимая попытки разрешить данную проблему, еще представители классической немецкой философии в свое время пытались

раскрыть понятия здоровья и болезни. В качестве примера можно привести фрагмент из «Системы трансцендентального идеализма» Ф. Шеллинга: «... как только, например, организм перестает быть полным отражением нашего универсума, он уже не может служить нам органом самосозерцания, т.е. он болен; мы сами чувствуем себя больными только вследствие этой абсолютной тождественности организма с нами. <...> напротив, чувство здоровья, если только вообще можно назвать чувством совершенно пустое ощущение, есть чувство полного растворения интеллигенции в организме, или <...> прозрачность организма для духа» [16].

Гегель в разделе «Философия природы» своей «Энциклопедии философских наук» дает следующее определение понятий «здоровье» и «болезнь»: «Здоровье есть пропорциональность между самостью организма и его наличным бытием, есть такое состояние, когда все органы являются текучими во всеобщем; оно состоит в равномерном отношении органического к неорганическому, когда для организма нет ничего неорганического, чего бы он не мог преодолеть. Болезнь заключается не в том, что какое-либо раздражение слишком велико или слишком мало для восприимчивости организма: в понятие болезни входит диспропорция между его бытием и его самостью, а не диспропорция между факторами, которые распались бы внутри организма» [13].

Стоит отметить, что определения здоровья и болезни, которые даны Гегелем и Шеллингом, сложно применимы в практической медицинской науке из-за их противоречивости общепринятым положениям современной медицины с ее прогрессирующими методами исследования и обследования, отрицающими абсолютное здоровье («нет людей здоровых, есть люди недообследованные»). Но они не могут игнорироваться ввиду отсутствия на данный момент общепризнанных определений этих понятий в философии, которые, тем не менее, необходимы, потому что в условиях стремительного прогресса возможностей практической медицины позволяют определять границы безопасных для человека медицинских вмешательств в его организм. Например, П.Д. Тищенко отмечает, что прогресс научной медицины, в условиях которой применение репродуктивных биотехнологий стало рутинной медицинской практикой, влияет, помимо социальных, и на экзистенциальные характеристики потенциального пациента. «Выявленная в результате прогресса биотехнологий слоистость феноменов начала и конца человеческого существования вносит фундаментальную неопределенность в восприятие экзистенциальных границ человека» [10, с. 8].

Согласно современному определению ВОЗ, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [2]. Данное официально принятое определение здоровья в социальных государствах является ориентиром для организации систем здравоохранения. П.И. Калью в работе «Сущностная характеристика понятия „здоровье“ и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация» [6] рассмотрел 79 определений индивидуального здоровья, сформулированных в разных странах мира в различное время и представителями различных научных дисциплин. В итоге он свел их к 4-м концептуальным моделям: медицинской (отсутствие болезней и их симптомов), биомедицинской (отсутствие субъективных ощущений нездоровья и органических нарушений), биосоциальной (рассматриваемые в единстве медицинские и

социальные признаки, при этом приоритет отдается социальным признакам), ценностно-социальной (к этой модели относится определение ВОЗ).

Таким образом, понятие здоровья, к которому стремится сегодня пациент, охватывает все сферы его жизни. Это связано с тем, что современный человек благодаря вакцинациям от летальных инфекций, развитию реаниматологии, трансплантологии, репродуктологии, генетики, имеет гораздо большую продолжительность жизни, чем его предшественник, что ориентирует и на улучшение качества жизни, то есть благополучия. Однако сегодня редкий человек может быть признан здоровым, а тем более благополучным как с медицинской, так и собственной точки зрения, потому как факторами возникновения новых, «цивилизационных» заболеваний стали образ его жизни и среда обитания [12]. В этой связи Д.В. Михель отмечает важность изучения медициной данных факторов. Он пишет: «Превращение хронических заболеваний в главную причину смертности населения в развитых странах поставило всю биомедицину в трудную ситуацию, лечение хронических пациентов потребовало от врачей более внимательного изучения того, как образ жизни и окружение влияют на их состояние здоровья» [8, с. 97].

В то же время сам пациент, как потребитель медицинских услуг, посредством методов современных научной медицины способен моделировать в себе границы природного и искусственно созданного, биологического и социального, изменять пол и внешность, создавая условия для трансформации своих социальных характеристик. В результате развития косметической отрасли медицина становится орудием формирования тела человека в соответствии с культурными запросами: «Наиболее востребованной областью медицинского дискурса становится пластическая хирургия, формирующая тело согласно параметрам, задаваемым современной культурой» [11, с. 10].

Современный человек, в виду техногенной утраты собственных экзистенциальных ресурсов, необходимых для выживания — волю к жизни в условиях возможной борьбы за существование (в том числе социальной, экономической) — все более склонен считать ответственным за собственное благополучие внешние силы, поставщиков услуг: государство, образование и медицину. Например, проблемы коммуникации западный человек все чаще разрешает, прибегая к помощи психоанализа. «Человек при этом вправе понимать в качестве конструктора себя самого, перенося “недовольство культурой” на недовольство собой и собирая, и корректируя свою психику и свое тело, обращаясь за помощью к медицине» [11, с. 18]. Развитие психофармакологии дает возможность адаптировать человека с психическими заболеваниями к социальным нормам, заданным культурой. Неполноценность человека с наличием психических заболеваний практически преодолена. Но вместе с тем современная культура способна посредством медицины «нормировать» основные проявления индивидуальности человека, создавая потребительски востребованный образ успешного и здорового эталонного человека. Самореализация личности становится иллюзией, продуктом технологически смоделированных убеждений человека во благо поддержания уровня потребления.

В результате, ориентированность преимущественно на внешние, социокультурные факторы реализации личности способствует образованию у человека экзистенциального вакуума — отсутствия собственного смысла существования, опустошенности, приходящей вслед за осознанием того, что жизнь была запол-

нена чужими смыслами и ценностями. Итогом данного явления становится рост «цивилизационных» психогенных расстройств человека, таких, как депрессии, неврозы, а также дальнейшее дробление нозологических единиц психосоматических заболеваний. Эта тенденция, характерная для западной культуры, явилась предпосылкой законодательного разрешения активной эвтаназии во многих развитых странах.

Таким образом, в условиях культуры потребления «человек, ощущая свою недостаточность и неукорененность, становится все более уязвимым и внушаемым и, как следствие, медицина получает дополнительные возможности для экспансии и манипулирования, включая в свои функции не только заботу о здоровье, но и “заботу о себе” в самом широком смысле слова: заботу о красоте и чистоте тела, среде и чистоте обитания, эмоциональном состоянии, в итоге — заботу о том, чтобы стать человеком, ожидаемым и сконструированным культурой» [11, с. 18].

Взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы медиализации культуры и формирования культурой запросов к научной медицине привели к тому, что современный человек в качестве потенциального пациента, помимо физических и душевных заболеваний, приобрел и экзистенциальные проблемы. Однако научная медицина, философская составляющая которой уступила место психоанализу и биоэтике, вынужденно делегирует свои функции психологии и праву, которые не в состоянии разрешить страдания человека непосредственно в состоянии болезни и боли — пациент обречен надеяться на врача. Больной человек остался тем же самым «страдающим в болезни существом» и, более того, «начиная с эпохи Нового времени, человек — экстремальное существо, которое постоянно стремится преодолеть свои пределы. Ни Античность (человек как соответствие сущего своей природе-фюсису), ни Средние века (человек как образ и подобие Бога) не знали такой проблемы» [3, с. 77]. Следовательно, и болезнь для современного человека есть «предел», который необходимо преодолеть с помощью врача, способного понять подобное переживание болезни. Еще К. Ясперс, проанализировав проблемы взаимодействия врача и больного, сделал вывод о том, что «наилучший вид их общения — экзистенциальный: врач подходит к больному не как к объекту манипуляции, а как к личности с неповторимой судьбой» [5, с. 114].

По мнению И.В. Силуяновой, с дальнейшим прогрессом биомедицины, способствующим естественнонаучному изучению заболеваний, в контексте антропологии болезни еще более актуализируется «важность философского положения о нераздельности, или о “земном единожительстве” души и тела человека, наиболее ясно ощущаемом в переживании боли, которая является человеческим чувством, таким же, как и радость, благодарность» [15], ведь, несмотря на успехи медицинской науки, болезнь, лишаящая человека его привычного полноценного статуса, остается «не только нежелательным, но и независимым от воли человека его же состоянием» [15].

Следовательно, с дальнейшим прогрессом научной медицины актуализируется необходимость в экзистенциально-антропологическом подходе к изучению человека как потенциального пациента и поиску новых интегральных методов лечения болезней. Признание уникальности и самоценности каждого пациента именно в переживании им болезни, с которой он становится единым целым, в сложившихся условиях видится наиболее эффективно позицией медицины.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html> (дата обращения: 12.05.2018).
2. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
3. *Алехнович А.С.* Что такое экзистенциальная антропология? // *Личность. Культура. Общество.* — 2016. — Т. 18. — № 3–4. — С. 75–82.
4. *Дарибазарон Э.Ч.* Интегральная медицина: социально-философский анализ сущности, концептуальных оснований и перспектив: дисс. ... доктора филос. наук: 09.00.11 / Бурят. гос. ун-т. — Улан-Удэ, 2012. — 392 с.
5. История философии: Запад — Россия — Восток : учебник для вузов: в 4 кн. / В.П. Гайденко и др.; под ред. Н.В. Мотрошиловой. Кн. 4: Философия XX в. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. — 448 с.
6. *Калью П.И.* Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. — М.: ВНИИМИ, 1988. — 220 с.
7. *Кириленко Е.И.* Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: автореф. дисс. ... доктора филос. наук: 24.00.01. — Томск, 2009. — 44 с.
8. *Михель Д.В.* История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология».* — 2016. — № 2(20). — С. 88–109.
9. *Мусохранова М.Б.* Терминогенез медицины как социально-философская проблема: дисс. ... доктора филос. наук: 09.00.11. — Омск, 2012. — 42 с.
10. *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. — М.: ИФРАН, 2001. — 178 с.
11. *Шестерикова О.А.* Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. — Санкт-Петербург, 2014. — 24 с.
12. 10 ведущих причин смерти в мире [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (дата обращения: 10.06.2018).
13. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 2: Философия природы. — М.: Мысль, 1974–1977 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000427/index.shtml> (дата обращения: 10.05.2018).
14. Каковы границы власти врача над телом пациента? / «Врачебная власть и медицина без человека: после Фуко»: публичная дискуссия (Москва, 15 февраля 2017) / Центр современной философии и социальных наук МГУ; Центр биоэтики Института философии РАН [Электронный ресурс] // Индикатор. Интернет-издание. Режим доступа: <https://indicator.ru/article/2017/03/02/kakovy-granicy-vlasti-vracha-nad-telom-patsienta/> (дата обращения: 19.05.2018).

15. *Силуянова И.В.* Антропология болезни [Электронный ресурс] // Персональный сайт В. Кашицева. Режим доступа: <http://kashitsev.ortox.ru/biblioteka-izbrannoe/view/id/1112757> (дата обращения: 12.07.2018).

16. *Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000398/index.shtml> (дата обращения: 12.06.2018).

А.З. Шахмарданов, С.А. Шахмарданова, И.Л. Руденко

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

THE IMPORTANCE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

ШАХМАРДАНОВ Аслан Зияудинович — кандидат биологических наук, преподаватель ГБПОУ ДЗМ «Медицинский колледж № 6» (e-mail: devachka62@mail.ru)

ШАХМАРДАНОВА Светлана Анатольевна — кандидат биологических наук, доцент кафедры фармакологии ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (e-mail: lebedeva502@yandex.ru)

РУДЕНКО Игорь Леонидович — кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социологии и психологии МГТЭУ (e-mail: rudenko@mggeu.ru)

SHACHMARDANOV Aslan Ziyautdinovitsh — Candidate of Biological Sciences, Teacher at Medical College № 6 (e-mail: devachka62@mail.ru)

SHACHMARDANOVA Svetlana Anatolievna — Candidate Sci. Biol., Associate Professor of the Department of Pharmacology I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (e-mail: lebedeva502@yandex.ru)

RUDENKO Igor Leonidovich — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Psychology (e-mail: rudenko@mggeu.ru)

Аннотация. *Возрастает роль и важность инновационных форм и технологий обучения, которые направлены на улучшение качества образовательного процесса. Современные компьютерные технологии предоставляют огромные возможности для развития процесса информатизации образования. В статье исследуются особенности использования информационных систем в учебном процессе. Обоснована значимость внедрения информационно-коммуникационных технологий в сферу образования.*

Ключевые слова: *инновационные технологии, информатизация образования, образовательное пространство, современные реалии.*

Abstract. *The role and importance of innovative forms and training technologies, which are aimed at improving the quality of the educational process are growing. Modern computer technologies provide tremendous opportunities for the development of the education informatization process. The features of information systems use in the learning process are analyzed. The importance of informational and communicational technologies in education is described.*

Keywords: *innovative technologies, informatization of education, educational space, modern realities.*

В современном мире наблюдается научно-техническая революция, базирующаяся на использовании электронно-вычислительной техники, вследствие чего появляется новый вид технологий — информационные технологии.

Применение индивидуально-личностных подходов обучения подразумевает включение в образовательный процесс здоровьесберегающих технологий, одной из форм которых являются информационные [1; 2; 5; 15]. Очевидно, что информационные технологии, включающие в себя сбор, обработку и применение информации посредством электронных средств, внедрились в нашу жизнь, предоставляя массу возможностей для работы и отдыха. Несомненными достоинствами ИТ являются: 1) свойство мгновенного получения и передачи разнообразной информации; 2) возможность архивирования материалов с последующей обработкой в любое удобное время; 3) возможность проведения он-лайн диалогов. Дополнение наглядным материалом словесной информации повышает мыслительную деятельность студентов [6; 14]. Реализация возможностей информационных технологий в значительной мере интенсифицирует процесс образования благодаря следующим факторам: 1) визуализация учебного материала; 2) немедленное взаимодействие между обучаемым и компьютером; 3) возможность постоянного доступа к сохраненной базе данных; 4) формирование навыков коммуникации и общения; 5) выработка способности извлечения необходимой информации.

При рациональном применении электронных дидактических материалов, включающих таблицы, рисунки, диаграммы, аудиовизуальные средства и т.д., наблюдается ряд несомненных преимуществ перед традиционными формами обучения [3; 10; 11]: 1) повышение творческого потенциал преподавателя; 2) дифференциация учебного материала по степени трудности; 3) продуктивность использования времени; 4) усиленная мотивация и вовлечение в учебный процесс; 5) усиление контроля деятельности студентов; 6) формирование рефлексии.

Общеизвестно, что в нашей памяти сохраняется 25% услышанного материала, 35% увиденного, 50% услышанного и увиденного, 75%, если человек в процессе обучения вовлечен в активные действия. Таким образом, одновременное воздействие на разные каналы восприятия видео- и аудиоинформации в сочетании с качественной анимацией и графикой значительно усиливает эффективность обучения, обеспечивая наглядность и систематизацию учебного материала. Использование компьютерных технологий предельно повышает качество знаний и мотивацию учебной деятельности, дает возможность обучающимся проявлять свои способности. Кроме того, применение компьютерного тестирования дает возможность объективно и индивидуально оценить каждого студента, повышает эффективность учебного процесса, активизирует познавательную деятельность. Получение оценки сразу же после выполнения теста гарантирует объективность результатов и значительно экономит время преподавателя.

Индивидуальная работа способствует всестороннему усвоению и пониманию материала с возможностью самообучения и самопроверки. В зависимости от конкретной задачи возможно использование различных компьютерных программ [4; 8; 9]:

- 1) учебные — при объяснении нового материала: визуализация знаний (презентации Power Point, энциклопедии);
- 2) тренажёры — для закрепления умений и навыков и для самоподготовки;

- 3) контролирующие — для контроля уровня знаний и умений (итоговое тестирование в режиме on-line и off-line);
- 4) демонстрационные — для иллюстрации учебного материала;
- 5) информационно-справочные — для просмотра информации с подключением к сети Интернет;
- 6) мультимедиа-учебники — сочетают в себе большинство перечисленных.

Самостоятельная работа с предложенными материалами (обучающие программы типа «Репетитор», энциклопедии, развивающие программы) создает комфортные условия обучения, студент ощущает свою успешность и всестороннюю состоятельность, что в дальнейшем позволит ему получить необходимые знания, научит мыслить аналитически, делать выводы, применять усвоенные знания на практике и в повседневной жизни, развивать интеллектуальные и творческие способности, воспитать дисциплину и ответственность, умение работать в коллективе [13].

Благодаря обильному и разнообразному по степени трудности материалу становится возможен дифференцированный подход к обучению. При использовании электронных материалов формируются знания и практические навыки студентов, развивается информационная компетенция.

Для проведения урока с применением электронных образовательных ресурсов разрабатываются план, технологическая карта, методические рекомендации, конспект лекции, перечень контрольных вопросов, презентация. В процессе применения информационных технологий можно выделить ряд этапов [12].

- I. Подготовительный — выявление материала для компьютерной обработки, выбор темы и типа урока.
- II. Созидательный — подбор готовых и создание собственных медиа ресурсов (презентационного, обучающего, тренирующего или контролирующего).
- III. Реализационный — применение разных типов информационных технологий на занятиях и во внеаудиторное время.
- IV. Мониторинговый — анализ эффективности и динамики результатов.

Самостоятельная внеаудиторная работа может включать следующие элементы: 1) составление проверочных тестов, таблиц и словаря терминов; 2) подготовка плана и логической схемы; 3) написание эссе и опорного конспекта; 4) работа с рисунками. Выбор самостоятельной работы определяется исходя из принадлежности обучающегося к одной из трех групп: I группа — высокий уровень темпов обучения (усваивают алгоритм решения типовых задач, не вызывают трудностей более сложные варианты); II группа — средний уровень темпов обучения (без особых проблем приобретают новые знания и умения, после 2–3 примеров способны выполнить типовые задания); III группа — учащиеся с низким уровнем темпов обучения (при изучении нового материала имеют некоторые трудности).

В проведении учебных занятий возможно три варианта обучения: 1) запоминание и конспектирование; 2) самостоятельное выполнение задания и рефлексия; 3) моделирование различных ситуаций, взаимодействие всех участников учебного процесса.

Самостоятельная внеаудиторная работа обучающихся создает оптимальные условия для внедрения рейтинговой оценки знаний, позволяющей судить об уровне освоения дисциплины и компетенциях обучающихся. Рейтинговая

система (учет и подсчет полученных баллов) имеет следующие преимущества перед традиционной:

- 1) повышает мотивацию и стимуляцию регулярной самостоятельной работы и исследовательской деятельности;
- 2) позволяет провести деление студентов по познавательным способностям для индивидуализации обучения;
- 3) усиливает контроль качества подготовки студентов, повышает объективность оценки знаний, умений, навыков.

Выводы

Применение современных информационных технологий в образовании позволяет:

- 1) дифференцировать и индивидуализировать учебный материал за счет использования разнообразных форм и способов восприятия;
- 2) существенно расширить объем иллюстративного материала, создать проблемные ситуации, усилить эмоциональный фон обучения, сформировать учебную мотивацию у обучаемых;
- 3) увеличить объем получаемого материала, предоставляя возможность разнообразить формы и способы восприятия;
- 4) определяет психологический рост личности и развитие навыков самовоспитания и самообразования;
- 5) использовать качественно новые формы общения со студентами (электронная почта, чат, форум);
- 6) проводить разнообразные конференции между учебными заведениями на региональном и федеральном уровне;
- 7) решить задачу создания нового информационного пространства для реализации современных образовательной моделей.

Список литературы

1. *Ахмедова Х.Д.* Использование инновационных технологий при подготовке специалистов на примере среднего медицинского образования // Вестник Таджикского национального университета. — 2017. — № 3–4. — С. 224–227.
2. *Беляев А.Н., Котарев А.В., Тришина Т.В.* Информационные технологии как ресурс повышения качества образования // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. — 2015. — № 2(45). — С. 72–75.
3. *Бендова Л.В.* Педагогическая деятельность тьютора в сети открытого дистанционного образования: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. — М., 2006. — 251 с.
4. *Волянюк Д.С., Мустафин Р.Г.* Применение современных информационных технологий в образовании // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 10. — С. 13–16.
5. *Ганецкая С.В.* Роль информационных технологий в современной системе профессионального образования // Образование и наука в современных условиях. — 2016. — № 2–1(7). — С. 83–85.
6. Информационные и коммуникационные технологии в дистанционном обучении: специальный учебный курс / Майкл Г. Мур, У. Макинтош, Л. Блэк и др.; пер. с англ. — М.: «Обучение-Сервис», 2006. — 632 с.

7. *Костин Л.Ю.* Современные информационные технологии в образовании // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. — 2010. — Т. 2. — № 16. — С. 110–112.
8. *Митрофанов К.Г., Зайцева О.В.* Применение инновационных компьютерных технологий в сфере образования: основные аспекты и тенденции // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009. — № 10. — С. 64–68.
9. *Ожегова Ю.А.* Инновационные технологии обучения в профессиональном образовании // VIII Международная научно-практическая конференция «Инновационные технологии в технике и образовании»: сборник статей. — Чита, 2016. — С. 129–135.
10. *Пушина Е.Г.* Использование компьютерных технологий в процессе обучения. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2017. — Т. 9. — № 11(11). — С. 197–199.
11. *Савенко А.С.* Использование инновационных информационных технологий в образовании // Инновационные информационные технологии. — 2013. — Т. 1. — № 2. — С. 389–392.
12. *Сахибов А.* Теория применения информационно-коммуникационных технологий в образовании // Наука и Мир. — 2014. — Т. 3. — № 4(8). — С. 81–83.
13. *Терских А.П.* Информатизация образования с помощью компьютерных технологий // 13-я Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития образования и воспитания молодежи»: сборник материалов. — Махачкала, 2016. — С. 60–61.
14. *Цой Е.Д.* Информационные технологии как средство оптимизации учебного процесса // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2015. — № 3. — с. 70–73.
15. *Шахмарданов А.З., Шахмарданова С.А.* Здоровьесберегающая среда в системе современного образования // IV Международная заочная научно-практическая конференция «Теоретические и прикладные аспекты современного образования»: сборник статей. — Чебоксары, 2014. — С. 282–285.

Л.Б. Шнейдер, А.А. Якимович

**ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ
И НАМЕРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ЭТАПЕ
ЗАВЕРШЕНИЯ БАКАЛАВРИАТА**

**PERSONAL AND PROFESSIONAL PREFERENCES
AND INTENTIONS OF STUDENTS IN THEIR FINAL YEAR
OF BACHELOR'S STUDIES**

ШНЕЙДЕР Лидия Бернгардовна — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой специальной психологии РГГУ, Москва (e-mail: lshnejder.yandex.ru)

ЯКИМОВИЧ Анастасия Алексеевна — магистрант 2 курса ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (e-mail: nastya-yu@yandex.ru)

SHNEIDER Lidiya Berngardovna — Dr., Prof., Head of the Department of Special Psychology of the Institute of Psychology of Russian State University for the Humanities (RSUH) (e-mail: lshnejder.yandex.ru)

YAKIMOVICH Anastasia — Master Degree student, Institute of childhood, Moscow State Pedagogical University (e-mail: nastya-yu@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессионального самоопределения, раскрывается его специфика на этапе завершения бакалавриата. Приводятся результаты (описательная статистика) эмпирического изучения профессиональных предпочтений и выборов обучающихся педагогического вуза при переходе с одного уровня высшего образования на другой, из бакалавриата — в магистратуру. Представлены результаты эмпирического изучения взаимосвязей профессиональных предпочтений и намерений студентов бакалавриата и их личностных качеств. Установлено, в частности, что для студентов бакалавриата педагогической специализации характерно наличие связи между профессиональными ориентациями и намерениями с одной стороны и их уровнем притязаний и спецификой личностных особенностей — с другой. Авторы утверждают, что профессиональный выбор дальнейшего обучения или трудовой деятельности осуществляется бакалаврами в большей степени под влиянием акцентуации характера и личностных притязаний.

Ключевые слова: бакалавриат, студенты, предпочтения, намерения, уровень притязаний, личностные качества, акцентуаций характера, акцентуации темперамента, карьерные ориентации.

Abstract. The article deals with the problem of professional self-determination, and reveals its specificity during the final year of bachelor's studies. It presents the

results (descriptive statistics) of both empirical research of professional preferences and choice made by students of pedagogical higher education, when passing from the first level of higher education (Bachelor's degree) to another level of higher education (Master's degree). The empirical study results of interrelations between professional preferences and intentions of undergraduate students and their personal qualities are presented. It is established that it is typical for undergraduate students of pedagogical specialization to have interrelations between both professional orientation and intentions and their level of claims and the specifics of personal characteristics. The authors state that the professional choice of further education or work is carried out by bachelors to a greater extent due to the accentuation of a person's character and their personal claims.

Keywords: *bachelor degree, students, preferences, intentions, level of claims, personal qualities, accentuation of character, accentuation of temperament, career orientations.*

Введение

Современная практика показывает, что после окончания высшего учебного заведения далеко не все выпускники начинают работать по специальности. Вместе с этим на профессиональную подготовку затрачиваются немалые силы и средства, а на рынке труда возникает дисбаланс между потребностями в специалистах определенного профиля и возможностями их удовлетворения.

Актуальность исследования заключается в том, что проблема профессионального самоопределения в настоящее время приобретает особое значение, так как формирование готовности к будущей профессии осуществляется на основе личностного и профессионального развития студентов бакалавриата, определяется особенностями взаимосвязи профессиональных предпочтений, намерений и личностных качеств обучающихся.

На этом этапе происходит вхождение человека в профессию, приобретение им необходимых профессиональных качеств, знаний, умений, навыков, овладение конкретным видом профессиональной деятельности, в результате чего развивается профессиональное самосознание, формируются профессиональные ценности, углубляется и доопределяется профессиональная мотивация. У выпускников бакалавриата есть возможность полностью или частично поменять специализацию и направление обучения при поступлении в магистратуру.

На основании анализа научных данных была определена *проблема исследования*, которая заключается в том, что очередной этап выбора, переход от бакалавриата к магистратуре может также оказаться неуспешным. Важно понять, чем продиктован такой выбор, на каких основаниях он строится, какую роль в нем играют собственные предпочтения, намерения и личностные качества субъекта?

Целью исследования является выявление личностно-профессиональных предпочтений и намерений обучающихся на этапе завершения бакалавриата.

Предполагаем, что на этапе завершения бакалавриата (1) профессиональное самоопределение обучающихся осуществляется исходя из притязаний личности и зависит от акцентуаций характера и темперамента; (2) в личностно-профессиональных предпочтениях и намерениях обучающихся преобладает личностная центрация, ориентация на профессиональное служение, решение сложных за-

дач и повышение качества жизни; (3) выбор дальнейших образовательных или трудовых маршрутов носит избирательный и автономный характер.

Личностно-профессиональные предпочтения и намерения обучающихся в контексте самоопределения

Методологические основы психологического подхода к проблеме самоопределения были заложены С.Л. Рубинштейном. Проблема профессионального самоопределения рассматривалась им в свете принципа: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия [14].

Е.А. Климов понимает «профессиональное самоопределение» в общем виде как деятельность человека, обретающую то или иное содержание в зависимости от этапа его развития как субъекта труда [9, с. 27].

Э.Ф. Зеер воспринимает проблему профессионального самоопределения личности на основе анализа различных подходов к профессиональной периодизации развития человека. По его мнению, профессиональное самоопределение характеризуется важнейшими критериями осознания и продуктивности профессионального становления личности, способностью находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и месте работы [7, с. 47].

Психологическая готовность к самоопределению предполагает: зрелость самосознания; сформированность потребностей, обеспечивающих содержательную целостность личности, среди которых главное место занимают нравственные установки, многообразие чувств и переживаний, временные перспективы, ценностные ориентации; становление предпосылок индивидуальности как результат развития и осознания своих интересов, способностей, особенностей [5, с. 65].

Профессиональное самоопределение является не статичным феноменом, а многоплановым, подвижным процессом, развивающимся в соответствии с этапами профессионального становления личности, в ходе которого осуществляется коррекция ценностно-смысловой сферы, связанной с профессиональной деятельностью.

Соотношение понятий «профессиональное самоопределение» и «выбор профессии» подробно раскрыто Н.В. Самоукиной. Профессиональное самоопределение рассматривается ею как длительный процесс внутреннего, субъективного плана, в отличие от выбора профессии, который относится к поведению человека. Профессиональное самоопределение — это поиск человеком «своей» профессии и «себя в профессии», собственной профессиональной роли в ней, определение для себя профессиональных позиций и перспектив, их достижение. Имеются случаи совпадения профессионального самоопределения с выбором профессии, в то же время не так редки ситуации в жизни людей, когда внешне выраженные акты поведения не совпадают с протеканием внутреннего процесса профессионального самоопределения личности. Например, в случаях двойного профессионализма человек в поведенческом плане осуществляет выбор определенной профессии и начинает работать или поступает в институт, при этом психологически он может находиться на начальном этапе зарождения интереса к другой профессии, иногда далекой от выбранной профессиональной области [16, с. 30].

При наличии подходящих условий во время обучения в вузе у студентов достраивается личностное и трудовое самоопределение, закладываются основы профессионализма, формируются умения самостоятельной деятельности, приобретаются профессиональные качества. На стадии профессионального обучения начинается адаптация личности к будущей профессии, уточняются профессиональные притязания и определяется «правильность выбора профессии» [13, с. 70–77]. В период завершения вузовского обучения профессиональные предпочтения и намерения доопределяются, выверяются и конкретизируются.

Профессиональные предпочтения — это характеристика процесса влияния ценностей профессии на формирование ее привлекательного образа у обучающихся и их отношения к ней.

Профессиональные намерения — высшая стадия развития профессионального интереса, оформленного в сознании обучающегося как его профессиональный выбор. Под профессиональными намерениями понимается совокупность сознательных побуждений к овладению определенным видом деятельности и совершенствованию в нем [6, с. 107–112].

Становление личностно-профессиональных намерений происходит при выборе профессии с учетом индивидуально-психологических особенностей и их соответствия содержанию выбираемой профессии, с пониманием необходимости профессиональной подготовки, формированием первичных профессиональных целей и определением путей их достижения, ориентацией и самоопределением в мире профессионального труда.

Получение образования является неременным требованием к любому человеку, намеревающемуся стать специалистом в той или иной области профессиональной деятельности. Самыми распространенными мотивами поступления в вуз являются: стремление пребывания среди студенческой молодежи, престиж профессии, соответствие специализации склонностям личности, социальные условия жизни, статус диплома.

Даже вступив на путь высшего образования, при слабой исходной мотивации (заинтересованности) студент может прекратить сложный процесс обучения. При более сильной мотивации он окончит факультет, но предпочтет работу в другом направлении. При еще более сильной выраженности предпочтений к выбранному профессиональному направлению происходит принятие профессии, которое создает специфическую ситуацию «включения» человека в систему требований и ценностей данной профессии. В период завершения вузовского обучения профессиональные предпочтения доопределяются, выверяются и конкретизируются.

Профессиональная мотивация студента — это совокупность осознанных и проявляемых мотивов профессиональной деятельности, которые формируются в процессе обучения в вузе с целью создания образа будущей профессиональной деятельности и ценностного к ней отношения. В ней проявляется действие конкретных побуждений, управляющих поведением человека в сфере трудовой деятельности, которые обуславливают выбор профессии, активность, организованность и устойчивость ее осуществления [3, с. 10]. Как личностное образование, она ориентирована на профессиональную деятельность и проявляется в ней; определяет поведение личности и способы действия; обладает потенциалом к формированию и развитию; имеет ситуативный характер и может меняться в соответствии с профессиональным функционалом специалиста; обеспечи-

вает профессиональную самореализацию; включает блок профессионально- и личностно-значимых мотивов [15].

Вероятность смещения мотивации обучающихся в сторону внешних мотивов, когда выбирают не совсем осознанно или с установкой на общественное мнение, а не на собственные потребности и интересы, может привести к разочарованию в выборе и необходимости повторного самоопределения.

По результатам опроса, проведенного в 2013 г. исследовательским центром Гэллупа в 142 странах мира, было установлено, что 63% трудоустроенных опрошенных людей не заинтересованы в работе и чувствуют неудовлетворенность от того, чем занимаются. Им не хватает вовлеченности и мотивации к тому, чтобы заставить себя прикладывать дополнительные усилия для повышения результатов своей трудовой деятельности и позитивного вклада в деятельность своей организации [20]. Такая статистика во многом зависит от неверного профессионального выбора. Правильный профессиональный выбор связан со сформированностью личности студента, его склонностей и способностей, пониманием им своих индивидуально-психологических особенностей.

Человек, выбирая профессию, как бы «проецирует» свою мотивационную структуру на структуру факторов, связанных с профессиональной деятельностью. Однако дело не только в том, что способности и мотивация находятся в диалектическом единстве, и они определенным образом влияют на уровень самоофективности, а в том, в какой степени у индивида развита профессиональная мотивация, система внутренних побуждений к учебно-познавательной деятельности и положительное отношение к профессии. Тот факт, что склонности к определенному виду деятельности могут проявляться в разных типах труда, создает альтернативу профессионального выбора. Одни и те же склонности и способности можно реализовать в разных профессиях. Представления человека о своих возможностях и особенностях, понимание себя помогают ему сделать правильный выбор. Найти свое призвание — значит определить где, в какой точке природные способности и наклонности пересекаются с тем, что больше всего нравится делать [12, с. 67].

Бакалавриат является ступенью первичной профессионализации, которая рассматривается как процесс и результат вхождения человека в профессию, овладения конкретным видом профессиональной деятельности и, как следствие, приобретения необходимых профессиональных качеств (профессиональных знаний, умений, навыков, профессионального самосознания, профессиональных ценностей, профессиональной мотивации и т.д.) [4, с. 299–318]. На этом уровне, по сути, только «приоткрывается дверь» к профессиональному служению.

Обучение в магистратуре позволяет дополнить уже имеющееся образование или сменить будущую профессию всего за два года. Проблема заключается в том, что очередной этап выбора, переход от бакалавриата к магистратуре может также оказаться unsuccessful, если не будет понимания, чем продиктован такой выбор, на каких основаниях он строится.

В.Н. Обносков по результатам своего исследования делает вывод, что длительность обучения сама по себе не делает представления о профессии более правильными, профессиональные намерения — устойчивыми, а отношение к профессии — положительным [11, с. 43–53]. Такие выводы вполне пригодны для экстраполяции на двухуровневую систему образования. В ряде случаев уровень профессионального самосознания молодых людей, завершающих свое

обучение в бакалавриате, может существенно не отличаться от уровня первокурсников. Важно не время, проведенное в учебных заведениях, а качество образования и практические навыки, которые студент должен получать в период обучения. Установлено, что решающую роль в формировании адекватного представления о профессии играет содержание профессионального обучения, в частности, соотношение между теоретической и практической его частью [10].

Итак, профессиональное самоопределение — это не одномоментное действие выбора специализации, оно не заканчивается с окончанием учебного заведения, а продолжается в течение всей профессиональной жизни.

Профессиональная мотивация человека является важной составляющей сложной системы профессионального самоопределения и может изменяться на разных этапах трудовой деятельности индивида. Личностные особенности, формирующиеся под влиянием различных внешних и внутренних факторов, могут как ускорить процесс самоопределения, так и затормозить его на определенном этапе. Вдумчивое сопоставление личностных представлений о себе и себя в профессии позволяет определить свое истинное призвание.

На выявление взаимосвязей профессиональных предпочтений и намерений студентов бакалавриата с их личностными качествами было направлено дальнейшее эмпирическое исследование.

Методики исследования: опросник оценки уровня притязаний личности В.К. Горбачевского, опросник карьерных ориентации «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В.А. Чикер, В.Э. Винокурова, опросник Леонгарда-Шмишека «Акцентуации характера и темперамента личности», опросник «Профессиональные намерения» (Зеер Э.Ф.), авторская методика «Профессиональные предпочтения завершающих обучение», анкета «Выяснение роли высшего образования в становлении профидентичности» Л.Б. Шнейдер.

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось в 2017 г. на базе Московского педагогического государственного университета (МПГУ) среди студентов 4 курса очного отделения бакалавриата. В нем приняли участие 90 студентов, среди которых 93% опрошенных женского пола, 7% — мужского пола; средний возраст обучающихся — 22 года.

Характеристика полученных результатов исследования

В результате опроса с помощью методики «Профессиональные предпочтения завершающих обучение», совмещенного с опросником Л.Б. Шнейдер были получены результаты, представленные на рис. 1.

При поступлении в бакалавриат большинство опрошенных руководствовались наличием способностей (51%), уровнем притязаний (49%), а также результатами ЕГЭ (44%), мнением родителей (34%). Выбирая направление магистратуры, большинство выпускников бакалавриата руководствуются личным профессиональным планом (75%), уровнем личных притязаний (63%), наличием способностей (58%). Что касается мнения родителей, то этот фактор учитывают лишь 14% опрошенных.

Можно предположить, что получив среднее образование, выпускники школы часто руководствуются не собственным опытом, а чужим. Сведения о профессиях получают от родителей, друзей, знакомых, из книг, телепередач и т.п. Выбор профессии представляет собой сложное действие, достаточно часто с

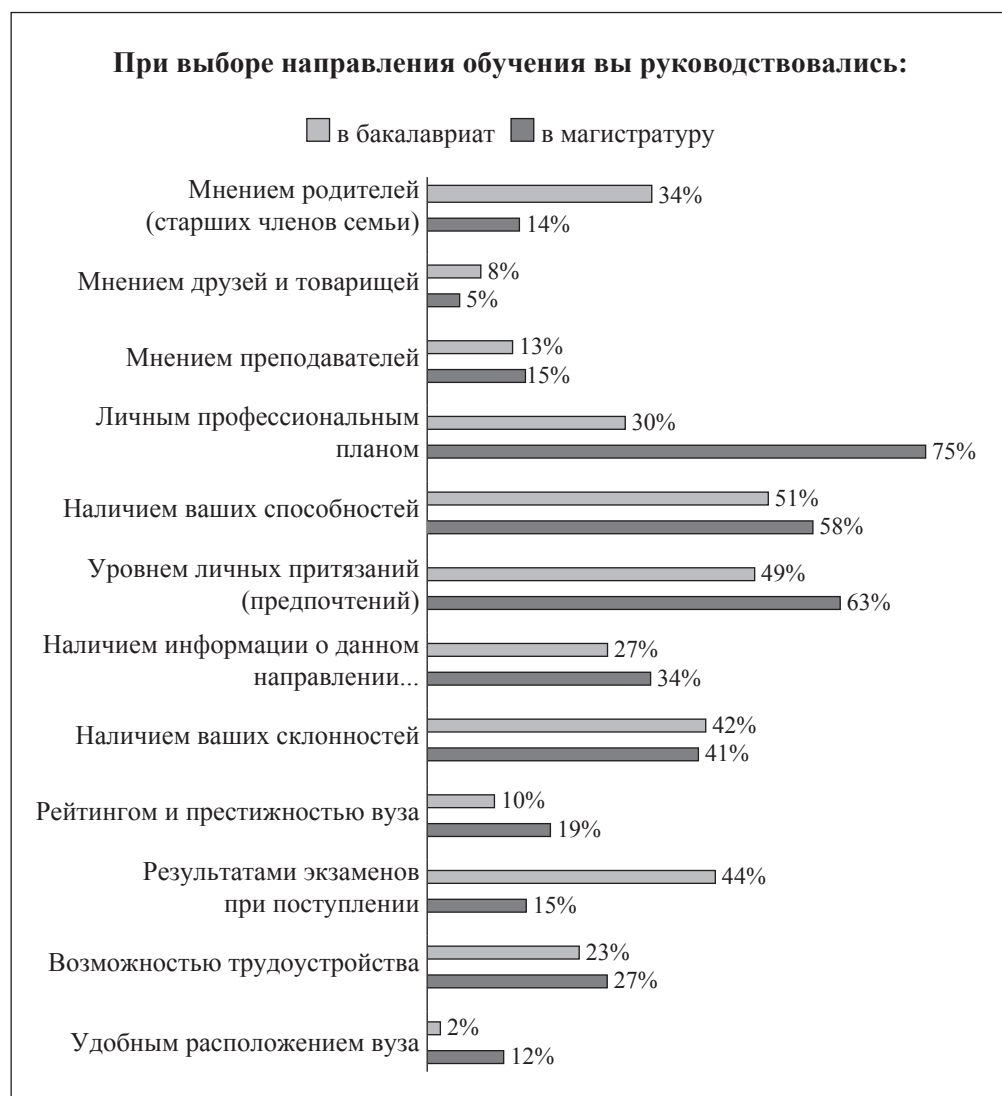

Рис. 1. Факторы выбора специализации обучения

трудом рефлекслируемое самим его субъектом [2]. При наличии соответствующих условий, во время обучения в вузе у студентов закладываются основы профессионализма, формируются умения самостоятельной деятельности, приобретаются профессиональные качества.

Намереваясь продолжить обучение на второй ступени высшего образования (магистратура), большее количество студентов учитывают рейтинг вуза (19%) по сравнению с первой ступенью образования (бакалавриат), также снижается значимость результатов вступительных экзаменов: на них ориентируются всего 15% респондентов, готовящихся к обучению в магистратуре против 44% респондентов, ориентировавшихся на них при поступлении в бакалавриат.

Такую тенденцию можно объяснить тем, что вступительные испытания в магистратуру проходят на базе определенного вуза и конкретной специальности, при этом поступающим предъявляются разные требования, экзамены проходят в разное время, что дает шансы, определив направление профессиональной под-

готовки, охватить несколько однотипных учебных заведений. ЕГЭ сдается по завершению школы единойжды, и эти результаты школьник относит в пять зачастую совершенно разноплановых вузов. Естественно, количественный спрос среди претендентов на бакалавриат гораздо выше спроса на следующие ступени образования, что снижает конкурс среди поступающих в магистратуру.

На вопрос о намерениях поступать в магистратуру положительно ответили 66% опрошенных из тех, кто решил продолжить обучение, 56% собираются менять специализацию (см. рис. 2).

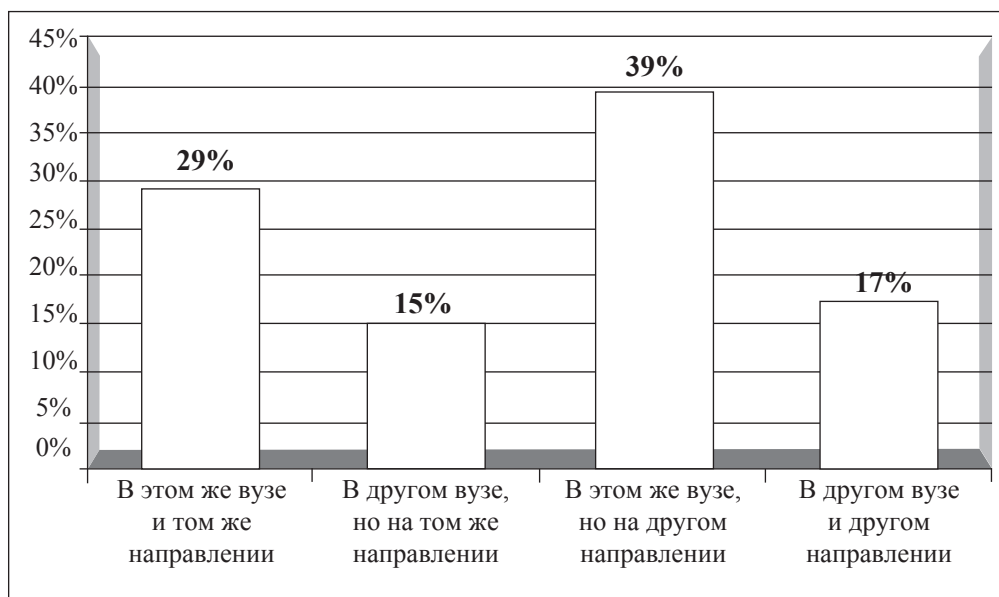

Рис. 2. Обучение в магистратуре будет проходить

Среди планирующих продолжать обучение 86% опрошенных считают, что учеба на второй ступени высшего образования дает большие преимущества для дальнейшего развития. Большинство респондентов (67%) считает, что это поможет развитию карьеры, так как в отдельных профессиях повышение невозможно без степени магистра, для других важно иметь полное (бакалавриат + магистратура + аспирантура) высшее образование, чтобы заниматься научной работой (33%), кто-то полагает, что от этого зависит заработная плата (16%), столько же опрошенных считают, что это просто престижно (16%).

Полученные результаты вполне соответствуют общим тенденциям. Для профессий педагогических специальностей необходимо иметь степень магистра, чтобы двигаться по карьерной лестнице и развиваться. В других профессиях высокая академическая успеваемость, наличие полного высшего образования служит сигналом для работодателей о высокой производительности работника, его упорстве и направленности.

Опрос «Выяснение роли высшего образования в становлении профидентичности» был проведен в конце 90-х годов [19] на базе МПГУ среди выпускных курсов специалитета (72 опрошенных). В 2017 г. нами проведен такой же опрос по некоторым пунктам анкеты и получены данные, позволившие осуществить сравнение результатов обучающихся одного и того же вуза в 1997 и 2017 гг. (см. рис. 3).

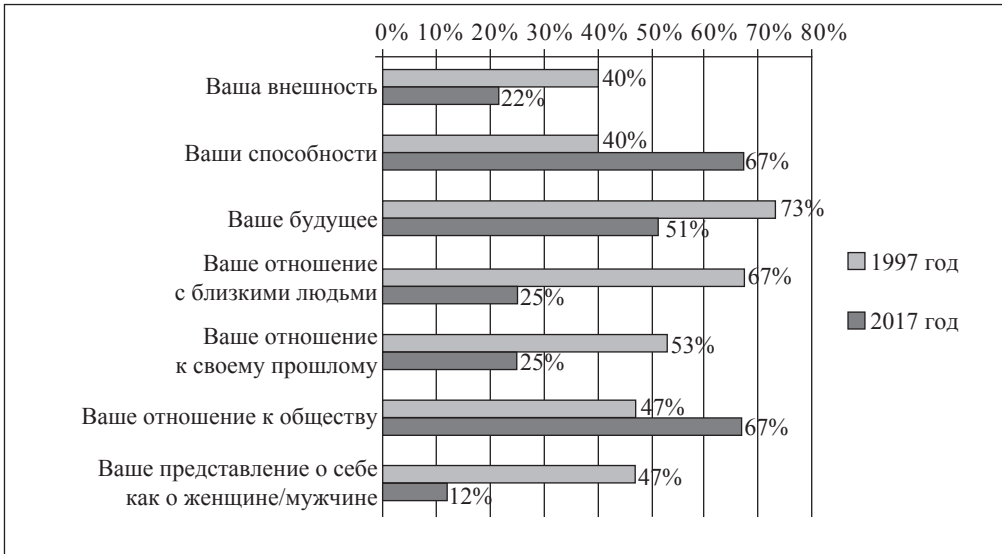

Рис. 3. Сравнение показателей исследований 1997 и 2017 гг.

За 20 лет представление о себе в связи с получением высшего образования претерпели значительные перемены. Тенденции снижения влияния высшего образования на будущее достаточно очевидны: ранее оно имело более выраженный персональный характер, сейчас его влияние сдвигается в сторону социальности и рациональности. Меняется его значимость и связанные с ним перспективы. На сегодняшний день наличие высшего образования не гарантирует получения хорошей должности или высокооплачиваемой работы. В России продолжаются реформы образования, происходит сокращение педагогических составов учебных заведений, что может стать препятствием для выпускников педвузов при получении работы по специальности. В последние годы поступать в высшие учебные заведения стало гораздо большее число людей, что некоторым образом обезличивает значимость вузовской подготовки.

Улучшение мнения о своих способностях может быть связано с усилением индивидуалистических и эгоцентрических тенденций, порождающих высокое самомнение личности или не совсем верном представлении о своих способностях.

Уровень самооценки при этом у большинства обучающихся остался прежним (56%), что значительно отличается от данных 1997 г., когда большая часть отмечала повышение самооценки в связи с получением высшего образования (см. табл. 1).

Таблица 1

Влияние высшего образования на самооценку

Как повлияло полученное вами высшее образование на вашу самооценку?	1997	2017
Повысило ее	65%	33%
Осталась прежней	21%	56%
Понизило ее	14%	11%

За 20 лет практически не изменилось отношение студентов к факту окончания вуза, к своим компетенциям. Из опрошенных 63% не чувствуют уверенности и компетентности (см. табл. 2).

Таблица 2

Влияние высшего образования на компетентность

К окончанию вуза у вас появилось чувство уверенности и компетентности?	1997	2017
Да	40%	37%
Нет	60%	63%

Резюмируя данные по опроснику Л.Б. Шнейдер, можно сказать, что такое соотношение показателей по параметрам «способности», «самооценка» и «компетентность» может говорить о том, что либо бакалаврам не хватает практики во время обучения, либо имеет место повышенная ситуативная тревожность, которая характерна для студентов последних курсов [21].

По результатам опросника «Оценки уровня притязаний личности» В.К. Горбачевского получены данные, представляющие собой мотивационную структуру, возникающую в ходе выполнения задания. Центральным звеном в этой структуре являются мотивационные компоненты (см. табл. 3).

Таблица 3

Первая группа компонентов мотивационной структуры личности

Характеристики уровней	Внутренний мотив	Познавательный мотив	Мотив избегания	Состязательный мотив	Мотив смены деятельности	Мотив самоуважения
Высокий уровень	13%	59%	23%	20%	20%	31%
Средний уровень	71%	34%	53%	49%	59%	50%

Во второй группе компонентов, связанных с достижением достаточно трудных целей, наиболее показательным по уровню выраженности оказался критерий оценки своего потенциала, его отметили 32% опрошенных. Средний уровень выраженности — у оценки уровня достигнутых результатов (76% ответов) и критерия волевого усилия (59%).

В третьей группе прогнозных оценок деятельности высокий уровень выявлен по критерию мобилизации (48% выборов), в четвертой группе причинных факторов высокий уровень выраженности демонстрируют критерии закономерности результатов и инициативности (29% и 24% соответственно).

Результаты проведенного анкетирования позволяют сделать вывод, что студенты бакалавриата педагогического вуза проявляют активный интерес к результатам собственной работы, а также готовы ставить перед собой сложные задачи при выполнении однотипной деятельности и достигать в ней эффективности.

По итогам тестирования с использованием методики Леонгарда-Шмишека были получены данные, свидетельствующие о средней степени выраженности акцентуаций характера, которые можно описать только как тенденции к тому или иному типу (см. рис. 4¹). Большинство опрошенных принадлежат к застревающему (52%), циклотимному (46%), гипертимному (42%) и демонстративному типу (41%).

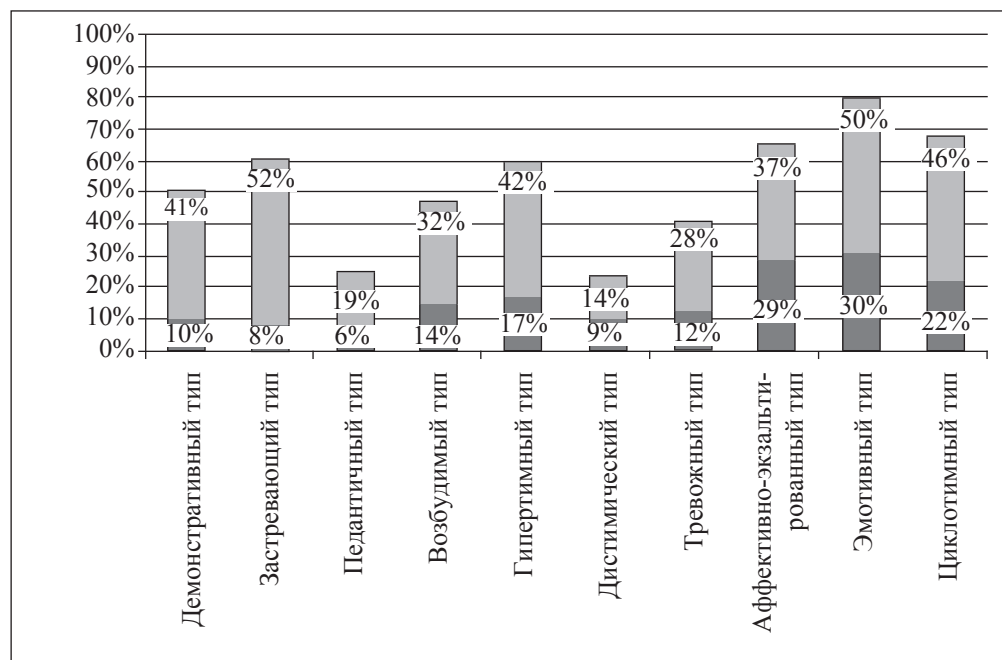

Рис. 4. Акцентуации характера и темперамента личности

Акцентуации темперамента проявили себя следующим образом: у 30% опрошенных преимущественно выражен эмотивный тип, 29% респондентов являются представителями аффективного типа, а 22% — циклотимного. Результаты опроса говорят о том, что студенты бакалавриата педагогических специальностей по акцентуациям характера обладают подвижностью, легкостью в установлении контактов, потребностью в признании, умеренным эгоцентризмом, общительностью. С другой стороны, их отличает самонадеянность, стремление добиваться высоких показателей в любом деле, жесткость установок и взглядов.

Среди акцентуаций темперамента преобладают эмоциональность, чувствительность, словоохотливость, гуманность, эмпатичность, способность восторгаться и восхищаться, высокая контактность, умеренная лабильность.

Определение ценностных ориентаций по методике «Якоря карьеры» Э. Шейна (см. табл. 4) показало следующее: для 87% студентов ведущей карьерной ориентацией стала интеграция стилей жизни, для 86% — стабильность работы, а 81% респондентов в качестве карьерной ориентации выбрали служение.

Резюмируя полученные данные, можно сказать, что большинство обучающихся в педвузе ценят комфорт и стабильность сложившихся жизненных условий, им важно воплощать в работе собственные ценности в достаточно свободных условиях труда. Можно предположить, что за время обучения молодые

¹ Примечания: верхний ряд — акцентуации характера, нижний — акцентуации темперамента.

Таблица 4

Полученные результаты по методике
«Якоря карьеры» Э. Шейна

Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
52%	48%	71%	86%	49%	81%	39%	87%	41%

люди уже окончательно определились со своим жизненным планом, возможно, обзавелись семьями или намерены это сделать в ближайшее время, что и влечет за собой стремление к более качественной жизни. Качество жизни включает в себя показатели условий труда, быта и отдыха, наличие собственной жилплощади, социальную обеспеченность и гарантии, наличие свободного времени и возможности его продуктивного использования, а также субъективные ощущения покоя, комфортности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне [1, с. 276].

По итогам анкеты «Профессиональные намерения» Э.Ф. Зеера (см. рис. 5) было выявлено, что 85% обучающихся отметили эффективность профориентационной работы, у 77% сформированы жизненные планы, а 62% осознают собственные профессиональные увлечения и свою пригодность к профессии.

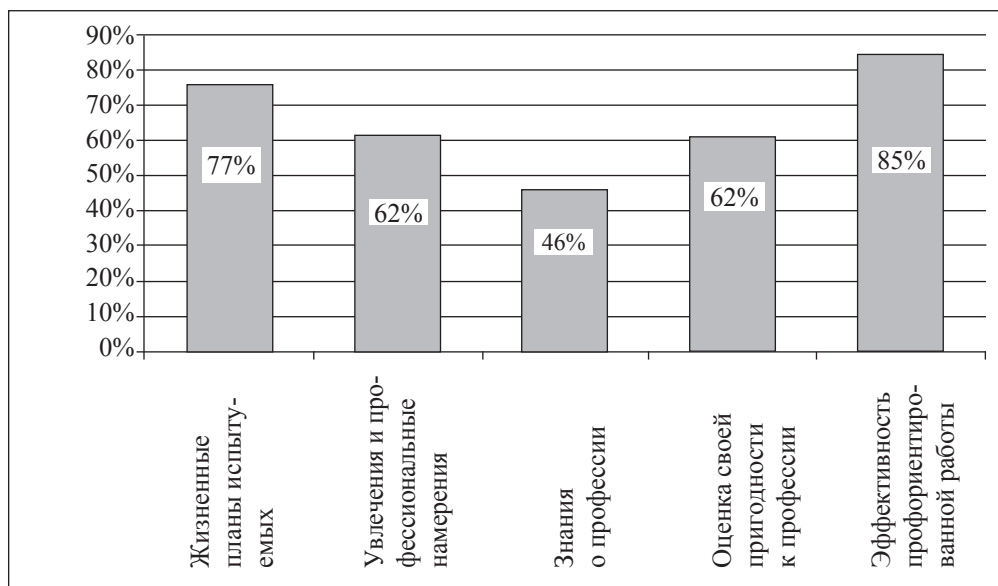

Рис. 5. Профессиональные намерения

При этом 54% опрошенных не имеют необходимых знаний о будущей профессии.

Результаты данного анкетирования позволяют сделать вывод, что бакалавры достаточно адекватно оценивают свои индивидуальные особенности, но имеют

не совсем четкие представления о профессии, которые определяют успешность выполнения функциональных обязанностей.

Анализ и интерпретация результатов исследования

В ходе исследования были выявлены корреляции, наиболее существенные из которых представлены в табл. 5.

Таблица 5

Корреляционные взаимосвязи переменных

Взаимосвязанные переменные	Значения коэффициента корреляции Пирсона и уровни значимости
Мотив самоуважения и карьерная ориентация «служение»	(0,288, $p < 0,01$)
Мотив самоуважения — карьерная ориентация «вызов»	(0,275, $p < 0,01$)
Познавательный мотив — карьерная ориентация «вызов»	(0,263, $p < 0,01$)
Познавательный мотив — карьерная ориентация «предпринимательство»	(0,263, $p < 0,01$)
Оценка уровня достигнутых результатов и ориентация в карьере «служение»	(0,297, $p < 0,01$)
Ожидаемый уровень результатов деятельности и ориентация в карьере «служение»	(0,271, $p < 0,01$)
Ожидаемый уровень результатов деятельности и ориентация в карьере «профессиональные компетентности»	(0,29, $p < 0,01$)
Ожидаемый уровень результатов деятельности и ориентация в карьере «менеджмент»	(0,29, $p < 0,01$)
Ожидаемый уровень результатов деятельности и ориентация в карьере «стабильность работы»	(0,276, $p < 0,01$)
Акцентуация демонстративного типа коррелирует с карьерной ориентацией «вызов»	(0,217, $p < 0,05$)
Акцентуация демонстративного типа и карьерная ориентация «интеграция стиля жизни»	(-0,199, $p < 0,05$)
Акцентуация демонстративного типа и карьерная ориентация «стабильность жилья»	(0,180, $p < 0,05$)
Акцентуация гипертимного типа и карьерная ориентация «предпринимательство»	(0,212, $p < 0,05$)
Акцентуация аффективно-экзальтированный типа	(-0,203, $p < 0,05$)
Акцентуация возбудимого типа и карьерная ориентация «стабильная работа»	(-0,234, $p < 0,05$)
Намерения реализации жизненного плана и мотив текущей смены деятельности	(0,698, $p < 0,01$)
Намерения реализации жизненного плана и мотив волевых усилий	(0,508, $p < 0,05$)
Намерения реализации жизненного плана и мотив ожидаемого уровня результатов	(0,505, $p < 0,05$)
Значимость результатов текущей деятельности и знания о профессии	(-0,722, $p < 0,01$)
Значимость результатов текущей деятельности и оценка своей пригодности к специальности	(-0,639, $p < 0,01$)

Взаимосвязанные переменные	Значения коэффициента корреляции Пирсона и уровни значимости
Эмотивный тип акцентуации темперамента и жизненный план намерений	(-0,505, $p < 0,05$)
Гипертимный тип характера и увлечения, профессиональные намерения	(-0,625, $p < 0,05$)
Гипертимный тип характера и знания о профессии	(-0,523, $p < 0,05$)
Дистимный тип характера и увлечения, профессиональные намерения	(0,653, $p < 0,01$)
Педантичный тип характера и оценка своей пригодности к профессии	(0,655, $p < 0,01$)
Педантичный тип характера и знание о профессии	(0,744, $p < 0,01$)
Педантичный тип характера и увлечения, профессиональные намерения	(0,512, $p < 0,05$)
Карьерная ориентация «интеграции стилей жизни» и жизненный план	(0,653, $p < 0,01$)
Карьерная ориентация «интеграции стилей жизни» и увлечения, профессиональные намерения	(0,617, $p < 0,05$)
Карьерная ориентация «интеграции стилей жизни» и оценка своей пригодности к профессии	(0,553, $p < 0,05$)

Таким образом, как видно из таблицы, в случае студентов бакалавриата педагогической специализации очевидна связь профессиональных ориентаций и намерений с уровнем притязаний и личностными особенностями. Им присуще стремление ставить перед собой трудные цели, решать уникальные задачи и воплощать в работе свои ценности и идеалы. Им важно ориентироваться на интеграцию усилий других людей. Их характеризует легкость и подвижность в коммуникации, потребность в признании. Педантичные люди с мотивом текущей смены деятельности более пригодны к выбранным профессиям, чем эмотивные и гипертимные, придающие значимость результатам текущей деятельности.

В ходе исследования обнаружено 6 значимых корреляционных связей между представлениями о себе по анкете «Выяснение роли высшего образования в становлении профидентичности» Л.Б. Шнейдер и карьерными ориентациями по опроснику «Якоря карьеры» Э. Шейна (эмпирические значения критерия при $p < 0,05$).

Выявлено 33 значимых корреляционных связи между опросником на притязания личности В.К. Горбачевского и профориентационным опросником Э. Шейна (14 эмпирических значений критерия при $p < 0,01$; 19 эмпирических значений критерия при $p < 0,05$).

Получено 9 значимых корреляционных связей (эмпирические значения критерия при $p < 0,05$) между опросником акцентуации характера Леонгарда-Шмишека и опросником карьерных ориентаций Э. Шейн.

Десять значимых взаимосвязей было выявлено между опросником притязаний личности В.К. Горбачевского и опросником профессиональных намерений Э.Ф. Зеера (3 эмпирических значения критерия при $p < 0,01$; 7 эмпирических значений критерия при $p < 0,05$).

Между параметрами опросника акцентуации характера Леонгарда-Шмишека и показателями опросника профессиональных намерений Э.Ф. Зеера получено 11 значимых корреляционных связей (4 эмпирических значения критерия при $p < 0,01$; 7 эмпирических значений критерия при $p < 0,05$).

В итоге проведенного корреляционного анализа установлено, что профессиональный выбор осуществляется в большей степени за счет акцентуаций характера и личностных притязаний. Данные проведенного исследования показали, что профессиональный выбор студентов 4 курса бакалавриата педагогического вуза в большей степени соответствует их темпераменту и характерологическим особенностям. Исходя из этого, на этапе формирования профессиональных предпочтений можно рекомендовать учитывать личностные особенности обучающихся. Индивидуальные особенности личности человека помогают наметить то направление, которое может принять профессиональная жизнь человека [17, с. 309].

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что большинство обучающихся на этапе завершения бакалавриата более осознанно подходят к выбору дальнейшего профессионального пути. Половина опрошенных планируют так или иначе менять специализацию, кто-то намерен уйти в смежные педагогические или психологические специальности, а кто-то собирается кардинально сменить направление профессиональной деятельности. Оставшаяся половина ориентирована на работу в школе.

Умение находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и места работы является важнейшим критерием осознания и продуктивности профессионального становления личности. Постоянное уточнение своего места в мире профессий, осмысление своей социально-профессиональной роли, отношения к профессиональному труду, коллективу и самому себе становятся важными компонентами жизни человека. Иногда возникает отчуждение от профессии, человек начинает ею тяготиться, испытывает неудовлетворенность своим профессиональным положением, что вынуждает его повторять отдельные стадии профессионального самоопределения, профессиональной переподготовки, адаптации к новой профессии и новому профессиональному сообществу.

Существующие у человека профессиональные образы далеко не всегда могут адекватно и полностью отражать реальность. Совокупность верных намерений, учета своих индивидуально-психологических качеств и соотнесение их с выбранной специальностью позволяют рассчитывать на положительный исход.

Становясь на путь профессионального служения, человек реализуется как субъект своей жизни, как активный строитель своей судьбы. В нем природой заложено стремление к самоосуществлению себя, к самораскрытию своей уникальной сущности. Но каждый индивид стремится реализовать данный ему потенциал по-своему, руководствуясь совокупностью индивидуальных жизненных смыслов, личностно окрашенных ценностно-смысловых значений, причем этот процесс является индивидуально-развернутым во времени и пространстве. Каждая личность самостоятельно выбирает свой собственный, а не навязанный жизненный стиль. При этом люди, осознающие необходимость поиска себя, погружаясь в пелену ценностного самоопределения, оказываются в состоянии постоянного выбора между движением вперед и назад, между прогрессом и ре-

грессом. Но все же право и бремя выбора своих действий остается только за самой личностью.

Список литературы

1. *Васильев А.Л.* Россия в XXI веке. Качество жизни и стандартизация. — М., 2003. — 440 с.
2. *Волобуева Е.В.* Влияние родителей на профессиональный выбор старшеклассника: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. — Ставрополь, 2007. — 23 с.
3. *Давыдова С.Б.* Мотивация профессиональной деятельности: учеб. пособие. — М.: МГУКИ, 2014. — 96 с.
4. *Дружилов С.А.* Освоение студентами модели профессии и профессиональной деятельности как необходимое условие профессионализации // Образовательные технологии и общество (ОТО): ежеквартальный рецензируемый электронный журнал Международного Форума «Образовательные Технологии и Общество». — Т. 13. — 2010. — № 4. — С. 299–318.
5. *Дубровина И.В.* Практическая психология образования. — СПб.: Питер, 2004. — 592 с.
6. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. — М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2006. — 336 с.
7. *Зеер Э.Ф.* Психология профессионального образования. — М.: Издательский центр «Академия», 2013. — 416 с.
8. *Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О.* Профориентология. Теория и практика. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. — 192 с.
9. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.
10. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2010. — 511 с.
11. *Обносов В.Н.* Динамика профессиональных представлений учащихся ПТУ при разных способах введения в профессию // Вопросы психологии. — 1986. — № 6. — С. 43–53.
12. *Робинсон К.* Найти свое призвание. Как открыть истинные таланты и наполнить жизнь смыслом / Кен Робинсон при участии Лу Ароники; пер. с англ. В. Шурыгина. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 368 с.
13. *Родина О.П., Прудников П.Н.* Изучение мотивации выбора профессии «педагог»: методический аспект // Вестник Моск. ун-та. Сер.14: Психология. — 2006. — № 3. — С. 70–77.
14. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. — М.: Наука, 1997.
15. *Рябов П.А.* Формирование профессиональной мотивации у студентов туристического вуза в процессе практического обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. — Челябинск, 2015. — 27 с.
16. *Самоукина Н.В.* Психология профессиональной деятельности. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 224с.
17. *Степанов В.Г.* Профориентация. Функциональная асимметрия мозга и выбор профессии. — М.: Академический проект, 2017. — 447 с.
18. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональное мастерство как путь к трудовой славе: изучение, осмысление, обучение и сопровождение // Диалогизация, информа-

тизация и гуманизация образовательной среды: материалы 10-й межвузовской научно-практической конференции и проектов научно-исследов. работ обучающихся; 19 апреля 2016 г. / под ред. Л.Б. Шнейдер. — М.: Изд-во МПСУ, 2016. — С. 127–139.

19. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. — 600 с.

20. Исследование Gallup: Подавляющее большинство людей во всем мире не получает никакого удовольствия от своей работы [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/21/6307> (дата обращения 27.03.18).

21. *Маслова Т.М.* Динамика тревожности студентов вуза в процессе их профессионального становления // Вектор науки ТГУ. — 2014 г. — № 4(30) [Электронный ресурс] // Cyberleninka. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-trevozhnosti-studentov-vuza-v-protsesse-ih-professionalnogo-ustanovleniya> (дата обращения: 29.04.2018).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ¹

LIFE PATH OF THE PERSON AS A FACTOR OF THE HUMAN'S LIFESPAN

БЕРЕЗИНА Татьяна Николаевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (e-mail: tanber-ez@list.ru)

BEREZINA Tatiana Nikolaevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Scientific Basis of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, (e-mail: tanbercz@list.ru)

Аннотация. Актуальность проблемы увеличения индивидуальной продолжительности жизни психологическими методами обусловлена субъективными и объективными (ожидаемой пенсионной реформой) факторами. Целью исследования выступает анализ влияния различий в характеристиках жизненного пути на продолжительность жизни монозиготных близнецов в парах. Используется метод естественного эксперимента — метод контрольного близнеца. Проведено обследование 100 пар монозиготных близнецов. Особенности жизненного пути изучались посредством специальной анкеты, которую заполняли родственники близнецов. Для оценки влияния использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Как показало исследование, на продолжительность жизни в нашей стране в XX—XIX веках влияли те же факторы жизненного пути, что и в других странах, среди них: 1) повышение образовательного уровня, 2) карьерный рост, 3) переезд в более крупный населенный пункт.

Ключевые слова. Индивидуальная продолжительность жизни, жизненный путь, личность, близнецовый метод, образование, психологические факторы.

Abstract. Nowadays the problem of increasing longevity by psychological methods derives from a number of different subjective and objective (e.g. expected pension reform) factors. The present study examines how the differences in the characteristics of the life path affect the lifespan of monozygotic twins. Based on research findings of the method of natural experiment we investigated 100 couples of monozygotic twins. Features of the life path were studied through a special questionnaire, which was filled in by twins relatives. The analysis of variance (one-way ANOVA) is used to determine whether there are any statistically significant differences between the life path factors. Our findings suggest that in our country in XX—XIX centuries longevity was influenced by the same factors as in other countries. Revealed factors are: 1) improving the level of education; 2) career growth; 3) moving to a larger settlement.

Keywords: human's lifespan, life path, person, twin method, education, psychological factors.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект 16-06-50020-ОГН ОГН-АФ «Влияние факторов личностной организации жизненного пути на индивидуальную продолжительность жизни в РФ в XX—XIX вв.».

Введение

Проблема расширения границ трудоспособного возраста имеет важное научное и прикладное значение. Это связано и с общим старением населения развитых стран, и с развитием хронических заболеваний, и с необходимостью вложения большого количества сил и средств в программы реабилитации лиц пожилого возраста и инвалидов. Традиционно эта задача решается через развитие профилактической, коррекционной и восстановительной медицины, однако не менее важным представляется психологический путь. Как показывают исследования, на индивидуальную продолжительность жизни и здоровье влияет ряд факторов жизненного пути: социальный статус человека, образование, отсутствие склонности к экстремальным видам деятельности и к поведению, связанному с риском [3], занятие творчеством [6], хороший тайм-менеджмент и свойства личностного времени [9]. Однако остается недостаточно изученной продолжительность жизни монозиготных близнецов, различающихся по особенностям жизненного пути; этой проблеме и посвящена наша статья. Это первое исследование такого рода, выполненное в нашей стране близнецовым методом.

Обзор литературы

В разные исторические периоды в разных странах на продолжительность жизни влияли разные факторы [7]. К факторам жизненного пути, влияющим на продолжительность жизни, исследователи относят: образование [20; 15], экономическое положение семьи [13], заботу о других людях [17], общительность и наличие круга общения [14], наличие семьи [16], количество детей [19]. Эти факторы выделены исследователями для разных социальных групп с помощью различных методов. Рассмотрим их подробнее.

Экономическое благосостояние. Зарубежные исследователи Д. Кэррол, Дж. Смит и П. Беннетт установили наличие взаимосвязи между материальным положением человека и продолжительностью его жизни в оригинальном исследовании. С целью непредвзятой оценки продолжительности жизни людей они обследовали кладбища г. Глазго (было обследовано 843 надгробия). В качестве экономического показателя измеряли высоту надгробий, предполагая, что чем богаче семья покойного, тем более грандиозный памятник она может себе позволить. Исследование подтвердило их гипотезу: несмотря на множество исключений (богатый наследник, умерший во младенчестве или миллионер, пожелавший покое в простой могиле), все-таки оказалось, что чем выше (а значит богаче) надгробье, тем длиннее жизненный путь. Сами авторы связывают уровень благосостояния с действием других факторов: хорошей медициной и высоким социальным статусом человека.

«Сохранение здоровья человека связано с его социально-экономическим статусом. Эта связь существует наряду с другими эффектами: неравномерным распределением факторов риска, курением. Дифференцированное воздействие физических опасностей играет роль, но сохранение здоровья осуществляется лучше в более благополучных социальных слоях общества. Мы предлагаем концептуальную модель, которая рассматривает кластер неблагоприятных физических и психосоциальных факторов на протяжении всей жизни как критический для ее сохранения» [13, с. 123].

Факторы заботы о здоровье. Существует известная достоверная и доказанная положительная связь между здоровьем человека и продолжительностью его жизни. Например, известно, что уровень здоровья у естественных долгожителей является куда лучшим, чем в более молодых группах 70–80-летних людей. Этот феномен описан для многих стран [1], в которых долгожителями становились люди с более крепким для своего возраста здоровьем. Поэтому забота о здоровье для любого человека есть фактор, повышающий его индивидуальную продолжительность жизни и способствующий раскрытию резервных возможностей организма [5].

Медицинский фактор является не только следствием экономического благополучия человека, в значительной степени он оказывается еще и частью отношения к жизни и следствием личностного выбора. Разумеется, встречаются дорогостоящие медицинские операции, доступные только обеспеченной части общества, но существует еще и бесчисленное количество недорогих каждодневных процедур и, наконец, иногда необходима просто забота: подать стакан чая и прогулять в парке. И в условиях наших российских реалий забота о здоровье приводит к повышению продолжительности жизни даже на поздних этапах онтогенеза. Например, средний возраст пациентов геронтологического центра «Переделкино» в среднем составляет ($M \pm m$) $81,4 \pm 0,9$ года, это превышает среднюю продолжительность жизни для России [9]. Очень важно, что продолжительность жизни под влиянием заботы о здоровье, хорошей медицины, защиты от неблагоприятных воздействий внешней среды увеличивается, даже если забота начинается только на поздних этапах онтогенеза и даже для людей, болеющих тяжелыми заболеваниями [11].

Социальный статус человека. Английские психологи на протяжении нескольких лет проводили исследование с сотрудниками британской государственной службы (общее количество испытуемых — 17 350). На основании наблюдения был сделан вывод, что самая меньшая вероятность преждевременной смерти была у администраторов высшего уровня, у их подчиненных (также менеджеров и квалифицированных специалистов) она была выше в 1,6 раза, у конторских работников — в 2,2 раза, а у рядовых рабочих — в 2,7 раза [12]. Это является косвенным подтверждением того факта, что высокий социальный статус, хороший карьерный рост, руководящая работа являются факторами увеличения индивидуальной продолжительности жизни. Аналогичные данные получены и для нашей страны для членов российской Академии наук в XX в., продолжительность их жизни была выше средней, при этом у действительных членов она была выше, чем у членов-корреспондентов [8].

Образование. Роль образования как одного из важнейших факторов, способствующих увеличению продолжительности жизни, неоднократно отмечалась многими исследователями. По мнению американских исследователей Х. Рихардса и Р. Барри, в 1990 г. 25-летний мужчина, выпускник колледжа, может рассчитывать прожить еще 54 года (т.е., всего 79 лет). Для лиц, не закончивших обучение, ожидаемая продолжительность жизни на 8 лет меньше (71 год) [17]. Подобного рода высказывания часто приводятся в популярной литературе. М. Риус в своей статье «Образование = здоровье + долголетие», опубликованной в испанской газете «*La Vanguardia*» (позднее переведенной у нас на сайте inoСМИ.ru), приводит следующие высказывания: «Каждый год дополнительного обучения увеличивает на полтора года продолжительность жизни по до-

стижении 35 лет». «Смертность среди людей со средним образованием на 54% выше, чем среди людей с высшим». «По достижении возраста 25 лет у людей, имеющих законченное высшее образование, продолжительность жизни на семь лет выше, чем у имеющих среднее образование» [18]. Большинство авторов связывают повышенную продолжительность жизни образованных людей с экономическими и социальными факторами. По мнению экономистов Адрианы Льерас-Муней и Дэвида Катлера, связь продолжительности жизни с образованием вызвана тем, что люди с более высоким уровнем образования ведут себя по-иному: меньше курят, в умеренных количествах употребляют спиртные напитки, реже начинают принимать наркотики, заботятся о своем весе, занимаются в тренажерных залах, следят за своим здоровьем, более регулярно посещают врачей, ведут менее рискованный образ жизни и т.п. Одним из факторов является даже то, что образованные люди чаще пристегивают ремень безопасности. А все вместе ведет к повышению продолжительности жизни [15].

Однако другие авторы отмечают самоценность образования как такого в аспекте увеличения срока жизни, без всякой связи с сопровождающими его экономическими возможностями и социальными приоритетами. Американский невролог Дэвид Сноудон утверждает, что образование увеличивает продолжительность жизни, когда все прочие факторы уже не имеют значения [20]. В 1986 г. он приступил к исследованию продолжительности жизни монахинь из католических монастырей. Он изучил жизненный путь 678 сестер, все они поступили в монастырь в возрасте около 20 лет и до конца своих дней вели одинаковый образ жизни, жили на одну и ту же сумму денег, в одной и той же среде, с тем же самым пищевым рационом, выполняли одни и те же повседневные обязанности, пользовались одними и теми же медикаментами. По мнению исследователя, монахини, имевшие более высокий образовательный уровень при поступлении в монастырь, жили дольше, продуктивнее и в меньшей степени были подвержены болезни Альцгеймера. Образовательный статус автор оценивал по уровню знания грамматики, орфографии, сложности фраз, используемых монахинями при написании автобиографий, когда принимали постриг. В качестве возможного объяснения он предложил следующее: люди с более высоким уровнем образования постоянно тренируют мозг, размышляя о сложных вопросах, решая задачи, тем самым поддерживают мозг в постоянной активности, обновляют свои нейроны и легче переносят процесс старения.

Отечественные авторы также утверждают значимость фактора образования в деле продления жизни. В работе В.Н. Анисимова приводится обзор данных по изучению феномена долгожительства и особенностей жизненного пути столетних. В числе других он приводит данные о связи долгожительства с образованием, утверждая, что, по крайней мере, для некоторых групп долгожителей (столетние жители Токио) эти связи обнаружены [1]. Он объясняет это тем, что люди с более высоким уровнем образования находятся в более экономически привилегированном положении, это позволяет им иметь лучшее состояние здоровья и предупреждать заболевания.

Материалы и методы исследования

Испытуемые. Мы изучили особенности биографии 100 пар монозиготных близнецов, завершивших свой жизненный путь. Зиготность определялась на

основе данных, представленных родственниками. Распределение близнецов по полу: 44 пары — женщины, 56 пар — мужчины. Метод подбора испытуемых — произвольная выборка. Поиск близнецов осуществлялся среди родственников студентов, которые проводили опрос старших членов своей семьи на предмет наличия среди родственников монозиготных близнецов. При наличии таких близнецов заполнялась специальная анкета.

В ходе исследования использовалось два метода сбора данных.

1. Метод контрольного близнеца. Мы исследовали пары монозиготных близнецов. Экспериментальным считался близнец с большей продолжительностью жизни (долгожитель). Контрольным — близнец с меньшей продолжительностью жизни (другой близнец). Вычислялась разница в продолжительности жизни между экспериментальным и контрольным близнецом.

Оригинальная анкета. В анкете записывались данные по каждому близнецу, отдельно отмечалось наличие различий между ними. Описание производилось в свободной форме, разница между близнецами оценивалась по 5-бальной шкале.

— Данные о местожительстве и переездах. Указывались все места жительства человека в свободной форме. При наличии нескольких мест отдельно отмечалось то, в котором человек провел большую часть взрослой жизни. Учитывалась степень величины места жительства (от деревни до столицы).

— Семейное положение.

— Наличие детей. Указывалось количество.

— Образование. Описывалось в свободной форме.

— События жизненного пути, по которым близнецы различались. В свободной форме описывались особенности профессиональной карьеры каждого близнеца, а также другие (по мнению родственников) важные различия.

— Религиозность. В свободной форме описывалось отношение каждого из близнецов к религии.

2. Методы математической статистики. Для оценки достоверности воздействия особенностей жизненного пути на индивидуальную продолжительность жизни использовался однофакторный дисперсионный анализ *ANOVA* из пакета стандартных статистических программ *Statistica-12*.

Зависимая переменная — разница в годах между продолжительностью жизни экспериментального и контрольного близнеца. Независимые переменные — различия в особенностях жизненного пути между экспериментальным и контрольным близнецом, взятые из таблицы первичной обработки данных. По каждому показателю ассистент экспериментатора, не знакомый с целью и гипотезой исследования, указывал разницу между особенностями долгожителя и второго близнеца в баллах по 5-бальной шкале.

Результаты обследования представлены в табл. 1.

Как видно из таблицы, большинство выделенных нами особенностей жизненного пути увеличивает продолжительность жизни. Достоверно вело к увеличению: получение образования, наличие семьи, карьера, жизнь в крупных городах и количество переездов. Не повлияло на продолжительность жизни по выборке: наличие детей, религиозность и необходимость заботиться о близком человеке.

Таблица 1

**Влияние различий в жизненном пути
на продолжительность жизни МЗ близнецов**

Различия жизненного пути по показателю:	Направление воздействия	F	p
образование	увеличивает	3,27	,04*
семья	увеличивает	3,93	,02*
дети	не влияет	1,42	,21
карьера	увеличивает	11,12	,00*
забота	не влияет	,74	,39
религиозность	не влияет	,01	,91
местожительства	увеличивает	6,67	,01*
количество переездов	увеличивает	3,76	,05*

* — воздействие достоверно, $p \leq 0,05$

Отдельно мы изучили влияние семьи и детей на продолжительность жизни близнецов в старшем возрасте (старше 50 лет). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Влияние различий в семейном положении
на продолжительность жизни близнецов старшего возраста**

Различия жизненного пути по показателю:	Направление воздействия	F	p
семья	не влияет	,185	,832
дети	увеличивает	3,618	,008*

Как видно из таблицы, на продолжительность жизни в старшем возрасте оказывает влияние наличие детей, а наличие семьи уже теряет свое значение.

Обсуждение. В целом полученные результаты соответствуют и международным данным, и особенностям исторического пути России. XX век был сложным в истории России. Он характеризуется большим количеством социальных трансформаций. В начале века — это Первая мировая война и революция, в середине века — Вторая мировая война, в конце века — перестройка и распад государства — СССР. Все это сопровождалось изменениями в жизни людей. Наиболее важные изменения: 1) индустриализация, развитие городов, снижение доли сельского населения и увеличение городского; 2) миграция населения, переселения большого количества народов в пределах страны; 3) отмена религии после революции и упор на развитие научно-технического прогресса; 4) введение всеобщего образования; 5) смена элит и приход к власти широких народных масс. В целом эти изменения были благоприятны. Средняя продолжительность жизни в течение XX века в России увеличивалась.

Как показало исследование, такие показатели, как количество переездов, переезд в крупные города, повышение образовательного уровня увеличивают индивидуальную продолжительность жизни в целом по выборке. Карьерный

рост также ведет к увлечению продолжительности жизни. Религиозность влияния не оказывает. Иначе говоря, человек, который строил свой жизненный путь в соответствии с идущими в стране социальными процессами, оказывался в выигрыше. Это человек, который уезжал из деревни в город, получал образование, ехал по распределению к новым местам работы, делал карьеру и т.д. Данный вывод относится ко всем анализируемым группам: для мужчин, для женщин, для группы близнецов старшего возраста, для всей выборки. Многие из этих показателей традиционно считаются увеличивающими продолжительность жизни для разных стран. Например, образование. Для многих стран и многих социальных групп оно является благоприятным фактором.

Влияние других показателей не так однозначно. Например, количество переездов или местожительство. В России в XX в. долгожительство связывали с традиционным образом жизни, проживанием в сельских районах и отсутствием переездов. Согласно статистике, собранной в Советском Союзе, регионами с наибольшим числом долгожителей были признаны Кавказ и Якутия, при этом доминировали сельские районы с невысокой концентрацией образованных людей. При описании конкретных долгожителей обычно подчеркивался их традиционный образ жизни, они вели простую жизнь, не обремененную образованием, никуда не выезжали из села, работали пастухами в высокогорных районах [2]. По мнению И.Н. и Г.И. Тодоровых, переезды ведут к стрессу, а стресс сокращает жизнь [10]. Но эти выводы в основном делались по анализу жизненного пути долгожителей, у нас же было близнецовое исследование.

По данным нашего исследования, религиозность с продолжительностью жизни не связана. Вероятно, ни отношение человека к религии, ни отношение религии к человеку в России в XX в. на продолжительность жизни не влияли. В литературе встречаются упоминания связи религиозности с долгожительством, но обычно в контексте социализации старых людей. Американские исследователи отмечали, что продолжительность жизни положительно связана с частотой социализации с соседями, религиозного участия и предложения [14]. Вероятно, в России в XX в. социализация пожилых людей не была связана с религиозностью и принимала какие-то другие формы (общение с соседями, с бывшими коллегами по работе, с родственниками).

Выводы

Индивидуальную продолжительность жизни в нашей стране в XX в. увеличивали: 1) повышение образовательного уровня; 2) карьерный рост; 3) переезд в более крупный населенный пункт. Эти особенности представляют собой единый фактор, связанный общим повышением социально-экономического статуса индивида и увеличением его возможностей заботиться о своем здоровье. С другой стороны, он говорит о высоком уровне развития интеллектуальных и целеволевых черт личности, позволяющих человеку получить образование и сделать карьеру. Позитивное влияние этих особенностей жизненного пути отмечали и исследователи из других стран.

Наличие детей — фактор, характерный для нашей страны, который мы объяснили тем, что у нас именно взрослые дети чаще всего обеспечивают заботу и уход за престарелыми родителями.

Литература

1. Анисимов В.Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. — М.: Наука, 2003. — 468 с.
2. Бердышев Г.Д. Реальность долголетия и иллюзия бессмертия. — Киев: Политиздат Украины, 1989. — 251 с.
3. Березина Т.Н., Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А. Экстремальный образ жизни как фактор ее индивидуальной продолжительности // Психологический журнал. — 2018. — Том 39. — № 3. — С. 70–78.
4. Березина Т.Н. Факторы среды и их влияние на индивидуальную продолжительность жизни // Мир психологии. — 2013. — № 4. — С. 165–178.
5. Березина Т.Н., Рыбцов С.А., Хитрякова Е.И. Стресс и резервные способности человека (может ли человек «мысленно» послать сигнал об опасности) // Мир психологии. — 2008. — № 4. — С. 148–160.
6. Березина Т.Н. Творческая активность в структуре самоотношения и утверждении самости как фактор антистарения // Мир психологии. — 2010. — № 4. — С. 130–141.
7. Березина Т.Н. Индивидуальная продолжительность жизни как психогенетический признак // Вопросы психологии. — 2017. — № 2. — С. 79–88.
8. Березкин В.Г., Буляница А.Л. О некоторых демографических характеристиках членов российской академии наук в XX веке // Успехи геронтологии. — 2007. — Т. 20. — № 1. — С. 29–39.
9. Донцов В.И. Новая иммуно-регуляторная теория старения. Доклады МОИП. Том 42. Секция: Геронтологии. Сборник статей. — М.: МОИП, Альтекс, 2009. — С. 59–124.
10. Тодоров И.Н., Тодоров Г.И. Стресс, старение и их биохимическая коррекция. — М.: Наука, 2003. — 479 с.
11. Чернилевский В.Е. Участие биоритмов организма в процессах развития и старения. Гипотеза резонанса // Доклады МОИП. Том 41. Секция: Геронтологии. Сборник статей. — М.: МОИП: Мультипринт, 2008. — С. 123–138.
12. Adler N., Boyce T., Chesney M., Cohen S., Folkman S., Kahn R.L., Syme S.L. Socioeconomic status and health: The challenge of the gradient // American Psychologist, 1994, 49(1), 15–24.
13. Carroll D., Smith G., Bennett P. Some Observations on Health and Socioeconomic Status // J. Health Psychol., January 1996, vol. 1, no. 1, pp. 23–39.
14. Cornwell B., Laumann E.O., Schumm L.P. The Social connectedness of older adults: A national profile // American Sociological Review, 2008, № 73, 185–203.
15. Cutler D., Lleras-Muney A. Understanding Differences in Health behaviors by Education // Journal of Health Economics, vol. 29. Issue 1. January 2010, pp. 1–28.
16. Manzoli L., Villari P., M Pirone G., Boccia A. Marital status and mortality in the elderly: a systematic review and meta-analysis // Soc. Sci. Med. 2007 Jan; 64(1) : 77–94.
17. Poulin M.J., Brown S.L., Ubel P.A., Smith D.M., Jankovic A., Langa K. Does a helping hand mean a heavy heart? Helping behavior and well-being among spouse caregivers // Psychology and Aging, 2010. № 25, pp. 108–117.
18. Rius M. Education = salud + longevidad // La Vanguardia, 2012. 09.14.
19. Rudi G.J., Thomas B.L. Human longevity at the cost of reproductive success // Nature, Vol. 396, pp. 743–746 (24 December 1998).

20. *Snowdon D.* Aging with Grace: What the Nun Study Teaches Us About Leading Longer, Healthier, and More Meaningful Lives. — Random House Publishing Group. — 2008. — 256 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛОРОЛЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CORRELATION BETWEEN GENDER IDENTITY AND GENDER STEREOTYPES AMONG SENIOR ADOLESCENTS

ВОЛОДАРСКАЯ Елена Александровна — доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (e-mail: eavolod@gmail.com)

ШУСТОВА Анастасия Александровна — аспирант Московского института психоанализа (e-mail: aa.shustova@mail.ru)

VOLODARSKAYA Elena Aleksanrovna — Doctor of Psychology, Leading researcher of history of the organization of science and science of science, Institute for the history of science and technology, Russian Academy of Sciences

SHUSTOVA Anastasiya Aleksandrovna — postgraduate of Moscow Institute of Psychoanalysis.

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы взаимосвязи полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков, актуальность которых обусловлена разрушением традиционной формы соответствия полоролевых образов половой принадлежности ребенка, проявлением черт маскулинности у девочек и феминности у мальчиков. Рассматриваются феномены гендерной идентичности и полоролевых стереотипов, закономерности становления гендерной идентичности в старшем подростковом возрасте. Описываются методики и результаты анализа взаимосвязи этих психологических явлений в выборке 100 респондентов 15–17 лет обоих полов. Обнаружено, что гендерные предпочтения старших подростков («Я-идеальное») и полоролевые стереотипы подростков независимо от их пола имеют тенденцию к андрогении. Выявлены различия влияния феминности на ролевое поведение в межличностном взаимодействии при отсутствии влияния маскулинности.

Ключевые слова: гендерная идентичность, полоролевые стереотипы, социализация, подростковый возраст, пол, феминность, маскулинность, андрогения.

Abstract. The article covers the issues concerning correlation between gender images and gender identity among senior adolescents. The relevance of these issues relates with the disruption of the traditional form of matching gender role images with a sex of a child and revealing of masculine features in girls and femininity in boys. The work deals with the phenomena of gender identity and gender role stereotypes, patterns of the formation of gender identity in older adolescence. The methods and results of the analysis of the correlation of these psychological phenomena are described considering the sample of 15–17 year-old respondents of both sexes. It was revealed that gender preferences of older adolescents («I-ideal») and gender-role

stereotypes of these group, regardless of their gender, tend to androgyny. Some differences in the influence of femininity on role based behavior in interpersonal communication are revealed, however there is no such influence of masculinity.

Keywords: *gender identity, gender stereotypes, socialization, adolescence, sex, gender, femininity, masculinity, androgyny.*

Введение

Являясь важным регулятором поведения и деятельности, гендерная идентичность представляет большой интерес для изучения в силу, во-первых, недостаточной разработанности вопросов гендера как психологического пола, во-вторых, важности фактора маскулинности и фемининности в построении социального поведения личности и, в-третьих, большого значения изучения целостного поведения человека во всех сферах жизни. В настоящий момент, в связи с постоянными и значительными социальными изменениями, наблюдается обострение конфликта между традиционными мужскими и женскими социальными ролями, что влечет за собой значимость психологического изучения гендерной идентичности и полоролевых стереотипов как социокультурно обусловленных понятий, оказывающих существенное влияние на поведение людей.

Особое значение для исследования гендерной идентичности имеет период формирования личности, к которому относится и подростковый возраст, связываемый с кризисом идентичности. Наблюдается формирование инверсионного типа половой социализации, приводящего к формированию унисексуальной (или бисексуальной) модели психологического пола и разрушающего традиционную форму соответствия полоролевых образов, что может вести к личностной дезинтеграции в период выбора будущей профессиональной деятельности, формирования представлений о факторах успешности в межличностных и семейных отношениях, становления целостного образа мира и себя в нем.

Феномен гендерной идентичности на различных этапах жизненного пути личности, в частности, в подростковом возрасте, исследуется представителями различных отраслей психологической науки (Т.А. Арканцева, В.В. Абраменкова, Б.Г. Ананьев, С. Бэм, В.Е. Геодакян, Е.М. Дубовская, Д.Н. Исаева, В.Е. Каган, И.С. Кон, А.Е. Личко, М. Мид, Т.В. Моисеева, В.А. Перегудина, Т.А. Репина, Н.Ю. Рымарев, З. Фрейд, К. Хорни и др.)

Несмотря на то, что проблема гендерной идентичности в подростковом возрасте широко представлена в научной литературе, отдельные ее аспекты остаются недостаточно изученными. Одним из таких аспектов является взаимосвязь полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков, что делает выбор этой темы значимым и актуальным как для теоретического, так и для практико-ориентированного анализа.

Гендерные различия проявляются в реализации мужчинами и женщинами специфических, присущих каждому конкретному полу способов поведения, так называемых гендерных (половых) ролей, которые понимаются как «нормативные предписания и ожидания, которые культура предъявляет «правильному» половому поведению и которые служат оценкой фемининности и маскулинности ребенка или взрослого» [4, с. 233]. Половая роль понимается как «совокупность социо-культуральных атрибутов, которые служат субъекту для формиро-

вания своего поведения как представителя пола, обеспечивающего адаптацию в социуме» [1, с. 38].

Согласно психоаналитической трактовке, половая идентификация является одним из главных условий гармоничного и полноценного развития личности, а идентификация ребенка с родителем выступает механизмом полотицизации в определении мужественности и женственности [18]. В рамках психоанализа речь идет о структуре половой идентичности, компонентами которой являются ядерная половая идентичность, половая роль и сексуальная ориентация [16]. Гендерная идентичность формируется в возрасте 5–7 лет, в дальнейшем происходит ее развитие и содержательные преобразования за счет сознательной идентификации с культурной средой, транслирующей традиционные стереотипы мужских и женских ролей [19].

В теории социального научения в основном рассматривается поведенческий компонент половой идентичности. Сторонники этой теории подчеркивают влияние микросреды и социальных норм на полоролевое поведение ребенка [5]. В когнитивном подходе главным фактором формирования половой идентичности выступает информация о полоролевом поведении, которую ребенок получает от взрослых, а также понимание ребенком своей половой принадлежности и ее необратимости [11].

Концепция андрогении базируется на предположении, что человек, независимо от своего биологического пола, может обладать как чертами маскулинности, так и фемининности, соединяя в себе как традиционно женские, так и традиционно мужские качества, на основании чего выделяются маскулинный, фемининный, андрогинный и неопределенный типы личности, которые составляют основу гендерного поведения человека, совмещая традиционно женские и мужские качества [2].

В отечественной психологии существуют исследования, подтверждающие теорию андрогении и указывающие на существование социально-психологических различий субъектов с разными формами гендерной идентичности. В частности, показано, что уровень успешности выше у субъектов с андрогинной формой идентичности: при взаимодействии более выгодным и оптимальным является комбинирование некоторых женских и некоторых мужских черт в человеке [3]. Андрогинность позволяет индивиду лучше адаптироваться в обществе, расширять репертуар поведенческих реакций, более эффективно реализовывать потенциал личностного влияния. Андрогинные субъекты в общении более гибкие и адаптивные, поскольку используют как фемининные, так и маскулинные стратегии.

Понимание ребенком своей половой принадлежности является необходимым компонентом в развитии его образа «Я» и самосознания в целом. От успешности прохождения процесса половой социализации во многом зависит формирование личности. Половая идентичность есть фундаментальное чувство принадлежности к определенному полу, осознание себя представителем мужского, женского или «промежуточного» пола, которое способствует ощущению индивидуальной тождественности и уникальности [10]. При этом гендерная идентичность является продуктом социализации личности, а не врожденным качеством, тогда как биологический пол выступает базой половой идентичности.

Основным психологическим механизмом гендерной идентичности является гендерная идентификация, формирование образа тела, поведенческих пат-

тернов и свойств характера при их соотнесении с нормативным стереотипом маскулинности и фемининности, субъективный опыт интериоризации мужских или женских черт [12].

В структуре гендерной идентичности выделяют когнитивный (знания о своей принадлежности к определенной гендерной общности), эмоциональный (чувства по отношению к этой общности) и поведенческий (поведенческая готовность поддержать данную общность) компоненты [7]. Представлены исследования четырехзвенной структуры гендерной идентичности, в частности, наличия когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого и личностного компонентов. При этом личностный компонент «включает в себя психологические, психодинамические свойства, состояния и особенности личности с учетом гендера и обуславливает процессы интеграции и адаптации личности в обществе» [9, с. 51].

Половая идентичность — одна из существенных личностных характеристик человека, которая включает систему потребностей, мотивов, ценностных ориентаций и способов поведения индивида как представителя определенного пола [15].

Гендерная идентичность рассматривается в категориях «мужественность — женственность», которые отражают нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин [6]. Принято выделять несколько значений понятий маскулинности и феминности: во-первых, описание совокупности поведенческих и психических черт, объективно присущих представителям двух полов; во-вторых, совокупность социальных представлений и установок, приписываемых мужчинам или женщинам и, в-третьих, система предписаний, что касается проявлений мужественности и женственности, нормативные эталоны [8]. Такие представления обозначаются как гендерные стереотипы, стандартизированные представления о моделях поведения женщины и мужчины.

Исследователи выделяют основные группы гендерных стереотипов: во-первых, стереотипы маскулинности/фемининности, проявляющиеся в нормативных представлениях о телесных, психических и поведенческих качествах, характерных для мужчин и женщин и противопоставляющих их; во-вторых, стереотипы, отражающие представления о закреплении профессиональных и семейных ролей в соответствии с полом, когда главными женскими социальными ролями являются семейные роли (жена, мать, хозяйка), мужскими — профессиональные роли; в-третьих, гендерные стереотипы, связанные с различиями в содержании труда, предполагающие, что мужской труд является инструментальным, направленным на созидание, руководство и творчество, а женщине отводятся экспрессивные виды профессий, в которых преобладает исполнительский и обслуживающий труд [14].

Характеризуя особенности формирования гендерной идентичности в подростковом возрасте, исследователи отмечают, что становление аффективного компонента половой идентичности носит кризисный характер, перелом приходится на 13 лет, когда чувство взрослости у мальчиков связано с идентификацией с эталоном взрослого мужчины, у девочек — с присоединением к миру взрослых [13]. У девочек эмоциональный компонент половой идентичности развивается от максимальной дифференциации эталонов мужественности — женственности через стадию недифференцированных образов, когда образ «Я»

связан с эталонами и мужчин, и женщин, к умеренной дифференцированности. У мальчиков сближения эталонов мужественности — женственности не происходит, но изменяется их соотношение с образом «Я», который первоначально сближается с эталонами женственности и только к 14–15 годам приближается к мужскому эталону.

Выделена тенденция к изменению структурных компонентов половой идентичности в подростковом возрасте, когда у мальчиков и девочек 14–15 лет в женских образах появляется больше фемининных качеств, а в мужских — маскулинных характеристик, что свидетельствует об их развитии в соответствии с традиционными представлениями о мужественности и женственности [17].

Материалы и методы исследования

Цель данного исследования заключалась в выявлении взаимосвязи полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков.

Объектом изучения выступили особенности гендерной идентичности в подростковом возрасте.

Предметом исследования стала взаимосвязь полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков.

В качестве *исследовательской гипотезы* были выдвинуты предположения о том, что существует различающаяся по характеру взаимосвязь полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков мужского и женского пола.

Эмпирическую базу исследования составили 100 старших подростков в возрасте 15–17 лет, 50 юношей и 50 девушек.

Для проверки выдвинутой гипотезы исследования был использован ряд *методик*.

1. Методика МиФ (Маскулинность и Фемининность) С. Бем в адаптации Н.В. Дворянчикова (вариант для подростков) для установления индивидуальной степени выраженности феминности, маскулинности, андрогинности и определения субъективного отношения личности к уровню развития у себя этих черт.
2. Методика «Кто Я?» М. Куна и К. Мак-Партленда (в модификации Т.В. Румянцевой), позволяющая выявить содержательные характеристики идентичности личности с позиции гендера, включающие эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты.
3. Методика «Определение ролевых позиций в межличностных отношениях» (по Э. Берну), которая предназначена для определения ролевых позиций в межличностных отношениях: позиции «Родителя», «Взрослого», «Ребенка».
4. Методика «Пословицы» И.С. Клециной, направленная на изучение гендерных установок, касающихся распределения ролей в семье, включающая в себя утверждения относительно супружеских отношений, в качестве которых использованы русские народные пословицы, собранные В.И. Далем.
5. Методы математической статистики.
А. Методы описательной статистики (среднее значение, процентное распределение).

- Б. Непараметрический критерий Манна—Уитни использован для определения значимости различий в выраженности изучаемых переменных в сравниваемых выборках.
- В. χ^2 -критерий Пирсона использован для определения значимости различий в частоте встречаемости исследуемых показателей в сравниваемых выборках.
- Г. Взаимосвязь полоролевых образов и гендерной идентичности определялась путем вычисления коэффициента ранговой корреляции по Спирмену.

Расчеты проводились с помощью программы Microsoft Excel и онлайн-программы автоматического расчета критерия Манна—Уитни, критерия Пирсона и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Сравнительный анализ особенностей системы полового самосознания у старших подростков мужского и женского пола, определяемого с помощью методики «МиФ».

Статистический анализ показал, что мальчики в значимо большей степени, чем девочки, приписывают себе маскулинные черты ($p < 0,01$), тогда как у девочек в большей степени выражены фемининные качества ($p < 0,01$). Полоролевые предпочтения у мальчиков (Я-идеальное), в сравнении с девочками, в большей степени имеют тенденцию к усилению маскулинных качеств ($p < 0,01$), а у девочек, в сравнении с мальчиками, более выражена склонность наделять образ идеальной женщины фемининными качествами ($p < 0,01$).

Полоролевые стереотипы в отношении мужчин («Мужчина должен быть...») у мальчиков и девочек не имеют значимых различий ($p > 0,05$). Полоролевой стереотип в отношении женщины («Женщина должна быть...») у мальчиков более фемининный, чем у девочек ($p < 0,01$), тогда как девочки в большей степени, чем мальчики, приписывают ему мужские качества ($p < 0,01$).

Полоролевое поведение («Мальчики считают, что я...», «Девочки считают, что я...») у подростков мужского пола отличается более выраженными маскулинными качествами, чем у подростков женского пола ($p < 0,01$). По оценке девочек же их полоролевое поведение более фемининное, чем в мужской выборке ($p < 0,01$).

Полоролевые эталоны («Обычно мальчики...») в мужской и женской выборках также имеют значимые различия. Мальчики считают, что мужчина должен быть более маскулинным, чем девочки ($p < 0,01$), тогда как видят в мальчиках больше фемининных качеств ($p < 0,01$). Полоролевые эталоны женщины («Обычно девочки...») у мальчиков и девочек значимых различий не имеют. Хотя у мальчиков этот образ находится в фемининном секторе, а у девочек в андрогинном, они в одинаковой степени наделяют его больше фемининными качествами, чем маскулинными ($p > 0,05$).

Результаты сравнительного анализа выраженности эмоционально-оценочного, когнитивного и поведенческого компонентов гендерной идентичности у старших подростков мужского и женского пола, выявленные с помощью методики «Кто Я?», представлены на рис. 1 и 2.

Согласно данным статистического анализа, положительная оценка гендерной идентичности у девочек значительно более выражена, чем у мальчиков

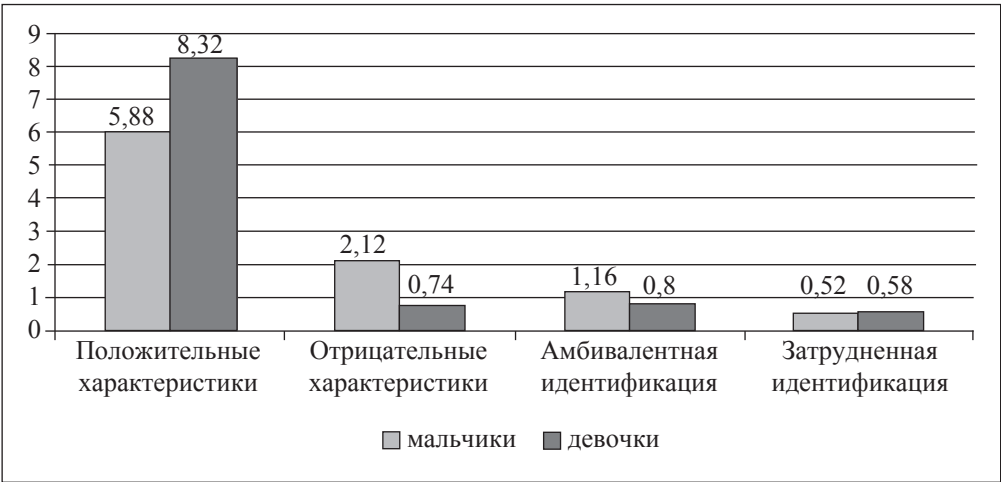

Рис. 1. Средние показатели эмоционально-оценочных компонентов гендерной идентичности у подростков мужского и женского пола

($p < 0,01$), тогда как мальчики дают большее количество отрицательных категорий для описания образа «Я» ($p < 0,01$). Несмотря на то, что в целом у юношей несколько в большей степени, чем у девушек, выражена нестабильность образа «Я» (амбивалентность) — 1,16 и 0,8 балла соответственно, уровень различий амбивалентной идентификации в сравниваемых группах статистически не значимый ($p > 0,05$). Также не выявлено достоверных различий и в выраженности затрудненной идентификации ($p > 0,05$).

Сравнительный анализ когнитивного компонента гендерной идентичности показывает, что на уровне тенденций у девочек ее структура более дифференцирована (показатель рефлексивности), чем у мальчиков (10,46 и 9,64 характеристики), но различия также не значимые ($p > 0,05$) (рис. 2).

У всех подростков присутствует обозначение своего пола, однако мальчики значительно реже, чем девочки дают прямое указание на свой пол ($p < 0,01$).

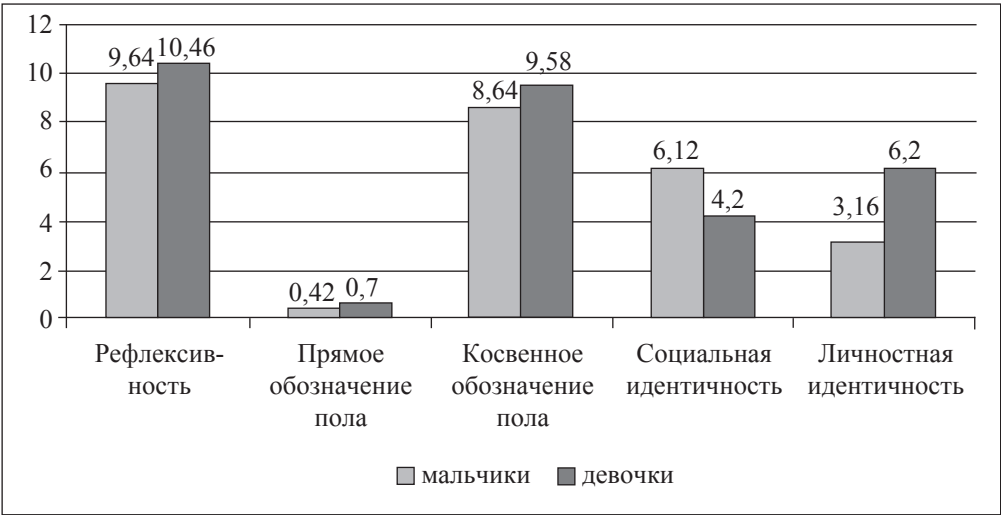

Рис. 2. Средние показатели когнитивных компонентов гендерной идентичности у подростков мужского и женского пол

Косвенное обозначение пола в мужской и женской группах представлено в равной степени ($p < 0,05$).

Результаты сравнительного анализа показывают, что мальчики в значительно большей степени, чем девочки, идентифицируют себя с социальными ролями ($p < 0,01$), а девочки, в сравнении с мальчиками, с семейными ролями ($p < 0,01$). Идентификация с профессиональными ролями в сравниваемых группах не имеет значимых различий ($p > 0,05$).

Результаты процентного соотношения уровней рефлексивности в группах, отражающей степень дифференцированности образа «Я» показывают, что низкий уровень рефлексии в обеих группах встречается только у 4% испытуемых, что свидетельствует о возможном кризисе идентичности у этих подростков. Но их малое количество отражает благоприятную тенденцию: у большинства подростков (96%) гендерная идентичность в той или иной степени сформирована.

В обеих группах у подавляющего числа подростков дифференцированность образа «Я» на среднем уровне (84% у мальчиков и 76% у девочек), а количество подростков со средним уровнем рефлексивности в мужской и женской выборке значимо не отличается ($p > 0,05$). Высокий уровень рефлексивности образа «Я» также в равной степени представлен в сравниваемых группах ($p < 0,05$), но на уровне тенденций девочек с полностью сформированной гендерной идентичностью больше, чем мальчиков (20% и 12% соответственно).

Результаты сравнительного анализа выраженности полоролевых установок в семейных отношениях показывает, что в группе мальчиков получены значимые положительные связи маскулинности с показателями затрудненной идентификации ($p < 0,05$) и показателями прямого обозначения пола (рис. 3).

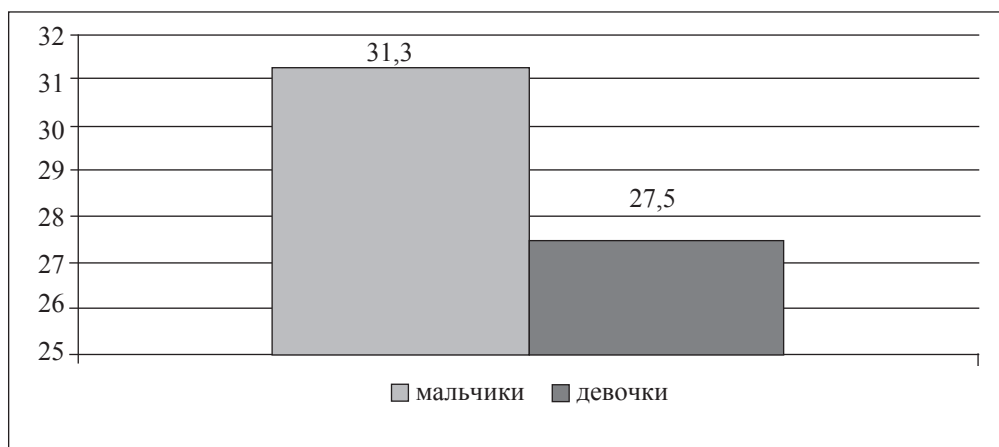

Рис. 3. Соотношение средних показателей гендерных установок у подростков мужского и женского пола (%)

У девочек получена значимая отрицательная связь между выраженностью маскулинных качеств и положительной оценкой образа «Я» ($p < 0,05$), рефлексивностью ($p < 0,05$) и количеством образов, косвенно указывающих на принадлежность к полу. Также в женской выборке получена значимая положительная связь между уровнем фемининности с затрудненной идентификацией ($p < 0,05$) и количеством прямых указаний на принадлежность к полу.

Результаты анализа взаимосвязи гендерной идентичности с полоролевыми семейными установками показывают, что у мальчиков выраженность традиционных установок на выполнение мужских и женских ролей в семье имеет значимую прямую связь с уровнем маскулинности ($p < 0,05$) и значимую отрицательную связь с уровнем фемининности ($p < 0,05$).

Полученные данные взаимосвязи гендерной идентификации и ролевых позиций в сравниваемых группах показывают, что как в мужской, так и в женской выборках уровень маскулинности имеет значимую отрицательную связь с эго-состоянием «Ребенка» ($p > 0,05$), но у девушек эта связь менее тесная, чем у мальчиков ($r_s = -0,441$ и $r_s = -0,864$ соответственно). У мальчиков эго-состояние «Ребенка» имеет значимую прямую связь с уровнем фемининности ($p < 0,05$), тогда как у девочек эта связь отрицательная, но слабая ($p > 0,05$). То есть, чем в большей степени у мальчиков выражены фемининные качества, тем они более эмоционально неуравновешенны в ситуации межличностного взаимодействия. У девушек же фемининность мало связано с позицией «Ребенка». Как у мальчиков, так и у девочек, маскулинность имеет значимую положительную связь с поведением в межличностных отношениях, характерным для позиции «Взрослого» ($p < 0,05$), но у девушек эта связь более слабая, чем у мальчиков ($r_s = -0,545$ и $r_s = -0,865$ соответственно). Уровень фемининности у мальчиков имеет значимую отрицательную связь с позицией «Взрослого» ($p < 0,05$), тогда как у девочек эта связь тоже значимая ($p < 0,05$), но имеет положительный характер.

Обсуждение результатов

Как следует из полученных данных, у старших подростков мужского пола «Я-реальное» указывает на преобладание у них маскулинного типа гендерной идентификации, тогда как образ «Я-идеального» свидетельствует о стремлении к более выраженным мужским качествам, но при этом и к небольшому увеличению фемининных. То есть, при описании себя как идеального мужчины у мальчиков наблюдается тенденция к гибкости в пределах полоролевого поведения.

Полоролевые предпочтения у мальчиков («Я-идеальное») соответствуют полоролевым стереотипам (семантическая близость с «Мужчина должен быть...»), которые также характеризуются склонностью к андрогинности.

Полоролевые стереотипы относительно женщин («Женщина должна быть...») у подростков мужского пола имеют ярко выраженные фемининные качества. Однако образ реальных девушек (полоролевой эталон «Обычно девочки...») хоть и находится в семантической близости с образом идеальной женщины, является более маскулинным, чем им хотелось бы.

Показатели полоролевого поведения («Девочки считают, что я...», «Мальчики считают, что я...») у старших подростков мужского пола имеют выраженные маскулинные качества. Причем мальчики считают, что в представлениях девочек они выглядят более маскулинными, чем в представлениях мальчиков («Мальчики считают, что я...»). «Я-реальное» у подростков мужского пола соотносится с образом «Мальчики считают, что я...» в большей степени, чем с образом «Девочки считают, что я...». Это может означать, что оценки мужской референтной группы для старших подростков мужского пола более значимы, чем оценки женской референтной группы.

У девочек преобладает фемининный тип гендерной идентификации, но образ «Я-идеальное» указывает на стремление девочек к усилению у себя маскулинных качеств при одновременном усилении и фемининных. При этом полоролевые стереотипы «Женщина должна быть» и полоролевые эталоны «Обычно девочки...», а также полоролевое поведение «Девочки считают, что я...» у девочек совпадают с полоролевыми предпочтениями «Я-идеальное» и не совпадают с полоролевой идентификацией (Я-реальное).

Образ «Мальчики считают, что я...» у мальчиков соотносится с «Я-реальным», тогда как образ «Девочки считают, что я...» характеризуется андрогинностью, что может свидетельствовать о большей значимости для девочек старшего подросткового возраста оценки мужской референтной группы, чем женской.

Показатели эмоционально-оценочных компонентов гендерной идентичности свидетельствуют о том, что как мальчики, так и девочки больше дают положительных характеристик своему образу, чем отрицательных. При этом в обеих группах присутствуют признаки амбивалентного отношения и затрудненной идентификации.

Возможно, полученные различия можно объяснить результатами, полученными по методике МиФ, отражающими некоторое несовпадение у мальчиков гендерной идентификации («Я-реальное») и оценки их полоролевого поведения девочками («Девочки считают, что...»). Полоролевой образ юношей в оценке девушками более маскулинный, чем в оценке себя мальчиками («Девочки считают, что я...»). Если оценка референтной группой девочек важна для мальчиков, то они могут быть не удовлетворены своими качествами, поскольку девочки хотели бы видеть их другими, более мужественными. У девушек же «Я-реальное» совпадает и близко расположено с их полоролевым образом в оценке мальчиками («Мальчики считают, что я...»). Поскольку мнение мальчиков является для девочек важным, то его соответствие имеющимся качествам способствует более позитивной оценке себя. Однако выявленные различия в эмоционально-оценочном компоненте гендерной идентичности могут быть связаны и с иными причинами, например, если в референтной группе критикуются какие-либо качества мальчиков, считающиеся мужскими. В частности, упорство и эмоциональная уравновешенность, традиционно относимые к мужским качествам, членами семьи или другими людьми могут расцениваться как упрямство и равнодушие.

Выявлено, что у девочек старшего подросткового возраста сфера психосексуальности в целом и сравнение себя с представителями своего пола в частности являются более важной и более принимаемой внутренне стороной самосознания, чем у мальчиков.

Соотношение социальной и личностной составляющих гендерной идентичности показывает, что у мальчиков социальная идентичность преобладает над личностной. Они чаще описывают себя с позиции принадлежности к социальной или референтной группе, чем в эмоциональных характеристиках, отличающих их от других. У девочек же преобладает личностная идентификация над социальной. Поведенческий компонент гендерной идентичности у мальчиков и девочек в большей степени представлен социальными и семейными ролями, тогда как профессиональные роли указываются значительно реже. При этом структура социальных ролей у подростков мужского и женского пола имеет свои отличия: у мальчиков преобладают социальные роли, у девочек — семей-

ные. Низкая представленность профессиональных ролей может быть связана с возрастом испытуемых, в котором профессиональные роли еще не сформированы, а их оценка не так актуальна и относится только к будущему.

Сравнительный анализ особенностей ролевых позиций в межличностных отношениях у старших подростков мужского и женского пола показал, что у мальчиков соотношение ролевых позиций соответствует формуле «Взрослый — Родитель — Ребенок», а у девочек «Родитель — Взрослый — Ребенок», причем позиции «Ребенка» и «Взрослого» у девочек практически равны (32,8 и 31,2 балла). Мальчикам в большей степени, чем девочкам, свойственна позиция «Взрослого» в межличностных отношениях, тогда как для девочек, в сравнении с мальчиками, больше характерна позиция «Родителя», что подтверждено статистическим анализом.

Можно сказать, что полоролевое поведение в межличностном взаимодействии у старших подростков мужского пола в большей степени, чем у подростков женского пола, характеризуются чувством ответственности, меньшей импульсивностью и несклонностью к поучениям. Полоролевое поведение девочек отличается большей склонностью к категоричности в суждениях без заботы о последствиях сказанного, большей самоуверенностью в своей правоте, чем у подростков-мальчиков.

Согласно полученным данным, средние показатели установок о распределении ролей в семье в обеих группах указывают на неопределенность гендерных семейных установок у старших подростков. Однако мальчики, в сравнении с девочками, более склонны к традиционным полоролевым установкам. Среди мальчиков значительно больше, чем среди девочек, выражена склонность к традиционным гендерным установкам на полоролевое поведение в семье, тогда как подростков с выраженными эгалитарными установками значимо больше в женской выборке, чем в мужской. Тем не менее, подростков с ярко выраженными гендерными установками на распределение семейных ролей меньше половины (44%), тогда как у остальных подростков полоролевые семейные установки не сформированы (56%).

Анализ взаимосвязи полоролевых образов и гендерной идентичности у старших подростков показал, что чем выше у мальчиков уровень маскулинности, а у девочек — уровень фемининности, тем в большей степени они затрудняются в эмоциональной оценке образа «Я». Возможно, это связано с полоролевыми предпочтениями, которые у подростков, независимо от пола, имеют тенденцию к андрогении, что указывает на недостаточную удовлетворенность «Я-реальным». Однако прямая связь типа гендерной идентичности, соответствующей полу, с количеством прямых указаний на пол говорит о важности идентификации себя мальчиками и девочками в соответствии с биологическим полом.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что чем в большей степени у мальчиков выражены маскулинные качества и чем в меньшей степени фемининные, тем больше они склонны к принятию позиции «Взрослого» в межличностных отношениях, характеризующейся ответственностью и эмоциональной устойчивостью. У девочек и маскулинные, и фемининные качества имеют прямую связь с эго-состоянием «Взрослого», но связь с маскулинными качествами сильнее, чем с фемининными.

Чем в большей степени у мальчиков выражены мужские качества и чем в меньшей женские, тем они более склонны к позиции «Родителя» в отношениях

с другими. При этом чем в большей степени у девушек представлены женские качества, тем более они склонны к принятию роли «Родителя» в межличностном взаимодействии. Чем в большей степени у подростков выражены мужские качества, тем они менее склонны к позиции «Ребенка» при взаимодействии с другими людьми.

Выводы

1. Гендерная идентификация у старших подростков как мужского, так и женского пола, соответствует полу подростков, но гендерные предпочтения и полоролевые стереотипы независимо от их пола имеют тенденцию к андрогении.
2. Полоролевое поведение девочек в оценке их женской референтной группой характеризуется стремлением к андрогении, а в оценке мужской референтной группой — фемининностью. Полоролевое поведение мальчиков соответствует их полу. Полоролевые эталоны женщины у мальчиков и девочек имеют тенденцию к андрогении, а полоролевые эталоны мужчины имеют выраженные маскулинные качества.
3. Большинство старших подростков характеризуются недостаточно сформированной гендерной идентичностью (средний уровень). Независимо от пола преобладает эмоционально-полярный тип гендерной идентичности, характеризующийся положительным отношением к себе, но у девочек оценка себя более позитивная, чем у мальчиков. Поведенческий компонент гендерной идентичности у мальчиков характеризуется более выраженным полоролевым поведением, связанным с социальными ролями, а у девочек — с семейными.
4. Особенностью полоролевого поведения в межличностном взаимодействии у старших подростков мужского пола является более выраженное чувство ответственности, меньшая импульсивность и склонность к поучениям, чем у старших подростков женского пола. Особенностью полоролевого поведения в межличностных отношениях девочек является более выраженная склонность к категоричности в суждениях без заботы о последствиях сказанного и самоуверенности в своей правоте по сравнению со сверстниками-мальчиками.
5. Особенностью полоролевого поведения в семье у мальчиков являются выраженные установки на распределение семейных ролей, традиционно приписываемых мужчине и женщине, тогда как девочки в большей степени, чем мальчики, склонны к эгалитарным установкам, предполагающим равноправие в распределении и выполнении семейных обязанностей между мужчиной и женщиной.
6. Существует взаимосвязь гендерной идентичности и ее содержательных характеристик, причем теснота и характер связи у мальчиков и девочек имеют свои особенности. А именно: чем выше у мальчиков уровень маскулинности, а у девочек уровень фемининности, тем в большей степени они затрудняются в эмоциональной оценке образа «Я». Возможно, это связано с полоролевыми предпочтениями, которые у подростков независимо от пола имеют тенденцию к андрогении, что указывает на недостаточную удовлетворенность «Я-реальным». Однако прямая связь типа

гендерной идентичности, соответствующей полу, с количеством прямых указаний на пол говорит о важности идентификации себя мальчиками и девочками в соответствии с биологическим полом.

7. Существует взаимосвязь между типом гендерной идентификации и ролевыми позициями в межличностных отношениях, характер и теснота которой у мальчиков и девочек отличаются. Независимо от пола, маскулинность прямо связана с позициями «Взрослого» и «Родителя» и отрицательно связана с позицией «Ребенка», но у девушек эта связь менее выражена, чем у мальчиков. У мальчиков фемининность имеет значимую прямую связь с позицией «Ребенка» и отрицательную связь с позициями «Взрослого» и «Родителя», а у девушек выделена прямая связь фемининности с позициями «Взрослого» и «Родителя».

Список литературы

1. *Алексеев Б.Е.* Полорольное поведение и его акцентуации. — СПб: Речь, 2006. — 144 с.
2. *Бем С.Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. — М.: РОССПЭН, 2004. — 336 с.
3. *Воронцов Д.В.* Гендерная психология общения. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. — 208 с.
4. *Гаврилова Т.П.* Нарушение половой идентичности женщин как объект психотерапии // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. — 2005. — № 2005. — С. 229–248.
5. Гендерная психология / под ред. И.С. Клециной. — СПб.: Питер, 2009. — 496 с.
6. *Ильин Е.П.* Пол и гендер. — СПб.: Питер, 2010. — 688 с.
7. *Кириллова И.А.* Формирование гендерной идентичности старшеклассников: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — Волгоград, 2005. — 19 с.
8. *Кон И.С.* Мальчик — отец мужчины. — М.: Время, 2009. — 704 с.
9. *Курочкина И.А.* Проблема гендерно-половой идентичности. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. — 206 с.
10. *Медведев А.Н.* Психологическая работа с девиантными подростками: проблемы и возможности. — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2009. — 316 с.
11. *Ожигова Л.Н.* Психология гендерной идентичности личности. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. — 275 с.
12. *Плотницкая М.Р.* Стратегии самореализации личности при различных типах гендерной идентичности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. — Хабаровск, 2008. — 24 с.
13. *Романов И.В.* Развитие половой идентичности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. — М., 1996. — 19 с.
14. *Рымарев Н.Ю.* Личностные особенности подростков с различной гендерной идентичностью: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. — Краснодар, 2006. — 139 с.
15. *Рябова Т.Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. — 246 с.
16. *Столлер Р.Дж.* Влияние биологических фактов на гендерную идентичность // Сексология / под науч. ред. Д.Н. Исаева. — СПб: Питер, 2001. — С. 133–144.

17. Флотская Н.Ю. Развитие половой идентичности в онтогенезе: дис. ... доктора психол. наук: 19.00.13. — СПб., 2006. — 459 с.
18. Фрейд З. Введение в психоанализ. — М.: АСТ, 2016. — 544 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. — 342 с.

Э.Р. Хасанов

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ИНВАЛИДОВ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ
РЕАБИЛИТАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**LEGAL REGULATION ON TECHNICAL MEANS
OF REHABILITATION FOR THE HANDICAPPED
IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS FOR MEDICAL
AND SOCIAL EXAMINATION: THEORY AND PRACTICE**

ХАСАНОВ Эльнур Расимович — преподаватель кафедры теории и истории государства и права МГГЭУ (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru)

KHASANOV Elnur Rasimovich — Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, MGGEU (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru)

Аннотация. Важнейшим содержанием государственной социальной политики в отношении инвалидов считается их реабилитация. Закон о социальной поддержке инвалидов предусматривает такой вид реабилитации инвалидов, как снабжение их техническими средствами реабилитации (ТСР). Цель данной статьи — изучение законодательства в области обеспечения инвалидов ТСР. Результаты изучения позволяют сформулировать основные положения, на которые необходимо обратить внимание при выработке мероприятий, направленных на реорганизацию действующей системы обеспечения инвалидов ТСР. Эмпирической базой исследования послужило законодательство в области защиты прав инвалидов, а также правоприменительная практика.

Ключевые слова: инвалиды, технические средства реабилитации, инвалидность, медико-социальная экспертиза, реабилитация, протезно-ортопедические изделия.

Abstract. Rehabilitation is considered the key component of the State Social Policy for people with disabilities. The Law on Social Support for persons with disabilities provides rehabilitation of the disabled people as their maintenance with the assistive technologies. The purpose of this article is to study the legislation in the field of providing disabled people with TCP. The examination of this legislation makes it possible to formulate the main points that should be taken into account when developing measures aimed at reorganizing the existing system for disabled people providing with TCP. The empirical foundations of the study are based on the legislation on the protection of the rights of persons with disabilities, as well as law enforcement practice.

Keywords: *disabled people, rehabilitation equipment, disability, medical and social assessment, rehabilitation, prosthetic and orthotic products.*

Актуальность данного исследования заключается в том, что растущее понимание уникальности жизни человека в современном обществе заставляет переосмысливать выработанные принципы и направления формирования системы социального обслуживания граждан в контексте ориентации на социальное положение групп, которые традиционно определяются как уязвимые, незащищенные, подвергаемые дискриминации категории, к которой причисляют лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности.

Лица, имеющие инвалидность, составляют практически самую многочисленную в мире группу, которая находится в наиболее неблагоприятном положении. По оценкам экспертов эта группа насчитывает более миллиарда человек, что составляет практически 15% населения мира. Нынешняя демографическая ситуация, которая выражается в росте доли пожилых людей в структуре всего мирового населения, напрямую воздействует на данные по инвалидности. У более чем 250 млн. людей старшего возраста зафиксирована средняя или тяжелая форма инвалидности [10, с. 12]. Государственные пособия по инвалидности составляют существенную долю общих расходов на социальное обеспечение данной категории лиц. Общие произведенные затраты на данные программы в государствах ОЭСР в среднем составляют практически 2% ВВП, достигнув в некоторых странах почти 5% ВВП, что нередко превосходит объем расходов на предоставление государственных пособий по безработице [13, с. 6].

Задачи формирования и соблюдения международных принципов оказания социальной поддержки инвалидов предполагают активизацию личностных ресурсов этих лиц в ходе их социальной адаптации, а также реабилитации. В связи с этим проблема адаптации, реабилитации лиц, имеющих ограниченные возможностями здоровья, выступает в качестве основополагающей деятельности в области социального обслуживания. Лица, имеющие инвалидность — одна из многочисленных социальных групп, участники которой ввиду ограниченности физических, умственных и других возможностей нуждаются в организации разного рода специфических процессов и внедрении социальных технологий для полноценного существования [11, с. 24].

Конституция РФ провозглашает Россию социальным государством. В ч. 2 ст. 7 отмечаются разного рода гарантии, которые предоставляются гражданам, обобщенные общим термином «социальная защита» [1]. Социальная защита инвалидам предоставляется на основании федерального законодательства. Основным законодательным актом в данной сфере является Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2]. Регионы имеют собственное законодательство, которое регулирует данную сферу. Так, в Москве действуют законы местного уровня, которые направлены на поддержку лиц, имеющих инвалидность:

- Закон «О дополнительных мерах социальной поддержки инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности в городе Москве» [7];
- Закон «О внесении изменений в Закон города Москвы от 17 января 2001 года № 3 “Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур города Москвы”» [8].

Указанные законодательные акты регулируют отношения, которые связаны с предоставлением лицам, имеющих инвалидность и иным лицам с ограничениями жизнедеятельности, проживающим в городе Москве, дополнительных мер по осуществлению социальной поддержки в сфере медицинской и профессиональной помощи, проведению социальной реабилитации и абилитации, по обеспечению лиц, имеющих инвалидность техническими средствами реабилитации, по воспитанию и образованию, по оказанию содействия занятости данных лиц. Они регулируют отношения, которые связаны с созданием для лиц, имеющих инвалидность, условий для их беспрепятственного передвижения, доступа и пользования различными объектами социальной, транспортной, а также инженерной инфраструктур региона; предусматривают тенденции к интеграции лиц, имеющих инвалидность в общество, к устранению дискриминационного влияния архитектурных, разного рода транспортных и коммуникационных барьеров, которые ущемляют права и свободы лиц, имеющих инвалидность.

Изучение социальной политики в отношении инвалидов невозможно без рассмотрения самого понятия «инвалид». В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалидом считается лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством различных функций организма, которое обусловлено заболеваниями, различными последствиями травм или дефектами, которые ведут к ограничению жизнедеятельности, а также вызывают необходимость проведения его социальной защиты. С правовой позиции инвалидом считается человек, который прошел освидетельствование в ходе медико-социальной экспертизы и который имеет установленный документ — справку, доказывающую факт установления инвалидности [3]. Правовое установление факта инвалидности дает возможность для предоставления социальной помощи человеку и его включения в разного рода социальные программы, которые реализуются для указанной категории граждан. В связи с этим человек наблюдается специалистами лишь после юридического оформления правового статуса.

Вместе с привычным понятием «инвалид» в научный обиход вводится термин «человек с ограниченными возможностями здоровья», которое представляется некоторым исследователя менее дискриминационным и значительно расширяющим сферу лиц, которые подпадают под указанное понятие. Введение данной категории позволило бы оценить подлинный масштаб инвалидности в стране, так как в настоящее время статистика инвалидности основывается на подсчете выплачиваемых пенсий по инвалидности и статистических данных бюро медико-социальной экспертизы, что не всегда отвечает действительности и создает необходимость в дополнительных подсчетах для оценивания уровня инвалидности в РФ. Тогда как введение в научный оборот термина ограничения возможностей дает возможность вести учет как лиц, которые имеют юридический статус «инвалид», так и лиц, которые официальным статусом не обладают, но в действительности имеют ограниченные возможности.

В частности, согласно постановлению Правительства РФ «О порядке и условиях признания лица инвалидом», а также положениям приказа Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы физических лиц государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» для присвоения группы инвалидности должно иметь место нарушение здоровья со стойким расстрой-

ством функций всего организма, которое обусловлено заболеваниями, последствиями допущенных травм или дефектами, ведущее к ограничению одной из определенных категорий жизнедеятельности либо их сочетанию и вызывающее важность его социальной защиты [5].

В качестве основного документа, регламентирующего действующую отечественную систему обеспечения инвалидов разного рода техническими средствами реабилитации, выступают «Правила обеспечения за счет средств федерального бюджета инвалидов техническими средствами реабилитации и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 07.04.2008 № 240 [4] (далее — Правила).

Статьей 11.1 «Закона о социальной поддержке инвалидов» предусмотрен такой вид реабилитации инвалидов, как снабжение их техническими средствами реабилитации, под которыми понимаются устройства, имеющие технические решения, включая специальные, применяемые для компенсации либо для устранения стойких ограничений жизнедеятельности конкретного инвалида. Важнейшим содержанием государственной социальной политики в отношении инвалидов считается их реабилитация.

Для инвалидов осуществляются следующие реабилитационные мероприятия:

- медицинская реабилитация;
- помощь, необходимая в профессиональной деятельности (получение рабочего места или возможности продолжать свою профессиональную деятельность с учетом нынешнего состояния; квалифицированная профессиональная ориентация, профессиональная адаптация, обучение, повышение квалификации или переподготовка, а также возможность завершения школьного образования для последующей переподготовки и другие виды помощи в трудовой деятельности).

В качестве технических средств реабилитации инвалидов данным Законом предусмотрены:

- специальные средства реабилитации для самообслуживания инвалидов;
- специальные средства реабилитации для ухода за инвалидом;
- специальные средства реабилитации для ориентирования (снабжение собаками-проводниками с комплектом снаряжения), для общения и обмена информацией инвалида;
- специальные средства реабилитации для обучения, получения образования и занятий трудовой деятельностью инвалидом;
- протезные изделия (различные протезно-ортопедические изделия, предусмотренная ортопедическая обувь и специальная одежда, глазные протезы и слуховые аппараты для инвалидов);
- специальное тренажерное, различное спортивное оборудование, разного рода спортивный инвентарь для инвалидов;
- специальные средства реабилитации для передвижения (кресла-коляски) инвалидов.

Решение в отношении обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации должно приниматься при определении медицинских показаний и противопоказаний, устанавливаемых в соответствии с оценкой стойких расстройств функций организма, которые обусловлены заболеваниями, последствиями перенесенных травм и физиологическими дефектами.

В соответствии с медицинскими показаниями и противопоказаниями определяется необходимость предоставления инвалиду технических средств реабилитации, обеспечивающих компенсацию или устранение определенных стойких ограничений жизнедеятельности инвалида. Указанные медицинские показания и противопоказания определяются в соответствии с решением медико-социальной экспертизы (далее — МСЭ).

МСЭ проводит группа экспертов, устанавливающая в предусмотренном порядке потребности освидетельствуемого лица в определенных мерах социальной защиты (включая степень ограничения способности к трудовой деятельности), а также реабилитации на основании оценки ограничений жизнедеятельности, которые вызваны стойким расстройством функций организма.

Таким образом, МСЭ определяет работоспособность гражданина, а также его потребность в предоставлении социальной защиты. При установлении потребности в социальной защите должна быть определена группа инвалидности, а также меры реабилитации, которые необходимы гражданину. В связи с чем МСЭ проводит правовое закрепление факта установления отдельного лица инвалидом, определение степени повреждения его здоровья. Медико-социальная экспертиза производится в соответствии с комплексной оценкой состояния человеческого организма на основании анализа клинико-функциональных, определенных социально-бытовых, различных профессионально-трудовых, имеющих психологических данных освидетельствуемого субъекта при помощи классификаций и критериев [6], которые разрабатываются и утверждаются в порядке, предусмотренном федеральным государственным органом, реализующим функции по выработке и исполнению государственной политики, а также правовому регулированию в области социальной защиты населения.

Медико-социальную экспертизу осуществляют федеральные учреждения медико-социальной экспертизы, которые подведомственны уполномоченному органу, устанавливаемому Правительством РФ. По итогам медико-социальной экспертизы гражданина должен быть составлен акт, подписываемый руководителем соответствующего бюро (главного бюро или Федерального бюро) и специалистами, которые принимали решение, а затем может быть заверено печатью. Решение экспертов может быть обжаловано в суде, в связи с чем имеется определенная судебная практика обжалований решений медико-социальных экспертиз разного характера.

Так, по требованию о признании результатов медико-социальной экспертизы недействительными в связи с тем, что истице была выдана справка об итогах проведения медико-социальной экспертизы, в соответствии с которой ее дочери инвалидность не была установлена, с чем истица не согласна, суд в своем определении вынес решение о том, что в удовлетворении заявленных требований необходимо отказать, поскольку нарушений предусмотренных прав истицы при освидетельствовании в определенном учреждении медико-социальной экспертизы не допускалось, определенный действующим законодательством порядок освидетельствования был соблюден [9].

В качестве основного правоустанавливающего документа для бесплатного получения необходимых инвалиду технических изделий выступает индивидуальная программа реабилитации инвалида, которая оформляется в Бюро медико-социальной экспертизы по направлению конкретной медицинской организации, предоставляющей инвалиду первичную медико-санитарную помощь. По-

сле получения данной индивидуальной программы инвалид может определить для себя любой из вариантов технического обеспечения.

В правовой литературе относительно судебной практики по обжалованию решений бюро медико-социальной экспертизы замечено, что во множестве случаев из-за правовой неграмотности отсутствует достаточная доказательная база, а также необходимая аргументация, выстраиваемая вокруг определенных обстоятельств:

- подтверждение наличия симптоматики определенной болезни или увечья;
- подтверждение наблюдающихся синдромов и факта болезни или увечья;
- подтверждение наличия и определенной выраженности инвалидизирующих синдромов;
- обнаружение расстройств определенных функций организма и их уровня выраженности, а также связи данных расстройств с определенными инвалидизирующими синдромами;
- обнаружение связи между расстройствами определенных функций организма и некоторыми видами ограничений жизнедеятельности, подтверждение факта инвалидности, а также причины;
- подтверждение нужды в реабилитации, ее объем, а также виды [14, с. 6].

Предусмотренные индивидуальными программами реабилитации, абилитации инвалидов технические средства реабилитации, предоставленные им за счет средств государственного бюджета и Фонда социального страхования РФ, передаются инвалидам в безвозмездное пользование.

Исследователи указывают на устойчивую тенденцию нарастания претензий к качеству предоставляемых технических средств реабилитации инвалидов. Также отмечается, что бесплатное предоставление изделий на основании выданных уполномоченным органом направлений затрудняет возможность индивидуального подбора изделий, не способствует повышению качества предоставляемых ТСР, ограничивает инвалидов в возможности выбора ТСР [15, с. 273]. Очевидным достоинством данного вида обеспечения можно признать отсутствие необходимости привлекать к обеспечению собственные средства инвалида.

Для проведения оценки эффективности обеспечения инвалидов разных групп ТСР, специалисты ФКУ «ГБ МСЭ по Свердловской области» Минтруда России провели выборочное анкетирование лиц, которые явились на переосвидетельствование в филиалы ФКУ «ГБ МСЭ по Свердловской области». В данном исследовании участвовали 985 инвалидов из числа совершеннолетних лиц. Из них инвалидами I группы являлось 114 человек (11,6%), инвалидами II группы являлись 371 человек (37,7%), инвалидами III группы являлось 500 человек (50,7%) [12, с. 37].

Респонденты приобрели из различных источников 1556 разного рода ТСР. Из них большая часть (80,5%) была получена через Фонд социального страхования. В качестве иного бесплатного источника указывались социальные пункты проката ТСР (1,8%), сформированные при центрах социального обслуживания населения.

Необходимо заметить, что довольно большое количество респондентов самостоятельно приобретают ТСР (15,7%). Кроме того, респондентами было указано, что они получили ТСР в дар от родственников, друзей, различных общественных организаций (2,1%). Большая часть (89,4%) респондентов были удовлетворены полученным ТСР, а 10,6% — не удовлетворены данными средства-

ми. Причем из инвалидов I группы не были удовлетворены полученными ТСР практически 12,3%, из инвалидов II группы не были удовлетворены полученными ТСР 7,3%, из инвалидов III группы не были удовлетворены полученными ТСР 12,6%.

Основными трудностями, с которыми инвалиды столкнулись в ходе получения ТСР, было указано продолжительное время ожидания получения ТСР, так как их не было в наличии; необходимость частого посещения филиалов Фонда социального страхования. Были высказаны пожелания по компенсированию полной стоимости ТСР, которые приобретались самостоятельно. Инвалиды, приобретшие ТСР в пунктах проката, предлагали увеличить срок пользования ТСР.

Изучение действующего порядка обеспечения инвалидов ТСР предоставил возможность сформулировать основные положения, на которые необходимо обратить внимание при выработке мероприятий, направленных на реорганизацию действующей системы обеспечения инвалидов ТСР:

- важность сокращения количества и длительности административных процедур, связанных с приобретением ТСР или компенсирования расходов, которые были понесены при их самостоятельном приобретении;
- важность обеспечения ТСР согласно индивидуальных показаний и потребности;
- важность уменьшения доли собственных финансовых затрат инвалида на приобретение ТСР.

Для роста доступности технических средств реабилитации целесообразно уменьшить число процедур, которые требуются для получения изделий, и количество административных барьеров.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398. — Ст. 7.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 48. — Ст. 4563.
3. Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 (ред. от 29.03.2018) «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 9. — Ст. 1018.
4. Постановление Правительства РФ от 07.04.2008 № 240 (ред. от 30.01.2018) «О порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 15 апреля 2008 г. — № 4638. Режим доступа: <https://rg.ru/2008/04/15/invalid-doc.html> (дата обращения: 10.07.2018).
5. Приказ Минтруда России от 17.12.2015 № 1024н (ред. от 05.07.2016) «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждения-

ми медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/71309914/> (дата обращения: 08.06.2018).

6. Приказ Минтруда России от 29.09.2014 № 664н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» // Российская газета. — 2014. — № 284.

7. Закон города Москвы от 26 октября 2005 г. № 55 «О дополнительных мерах социальной поддержки инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности в городе Москве» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/3662645> (дата обращения: 20.06.2018).

8. Закон города Москвы от 16 декабря 2015 г. № 70 «О внесении изменений в Закон города Москвы от 17 января 2001 года № 3 «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур города Москвы» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/537985891> (дата обращения: 25.07.2018).

9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 27.07.2015 по делу № 33-11074/2015 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=202891#0059067458786099536> (дата обращения: 04.08.2018).

10. Всемирный доклад об инвалидности. — Всемирная организация здравоохранения, 2016. — С. 12.

11. Жаворонков Р.Н. Международно-правовое регулирование социального обслуживания инвалидов // Социальное и пенсионное право. — 2012. — № 3. — С. 24.

12. Кузнецова И.И., Парпура И.Б., Смушкина Н.Е., Кожевникова Н.К. Оценка эффективности обеспечения инвалидов Свердловской области техническими средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями на основании проведенного анкетирования инвалидов // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2016. — № 31. — С. 37–39.

13. Международная ассоциация социального обеспечения // Бюллетень социальной политики. — 2012. — № 4. — С. 6.

14. Романовский Г.Б. Модернизация правового регулирования проведения медико-социальной экспертизы в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. — 2014. — № 2. — С. 6.

15. Севастьянов М.А., Божков И.А., Бронников В.А. Современная Российская модель обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и перспективы ее совершенствования // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 2. — С. 273–283.

В.П. Агафонова

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

CONDITIONS OF PROFESSIONAL CAREER OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS

АГАФОНОВА Валерия Павловна — старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Института внешнеэкономических связей, экономики и права, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (e-mail: valeria.mihalevskaya@mail.ru)

AGAFONOVA Valeriya Pavlovna — Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines, Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, Post-graduate Student of the Department of Political Science and Sociology, Buryat State University (e-mail: valeria.mihalevskaya@mail.ru)

Аннотация. Актуальность работы обусловлена реформой правоохранительной системы, которая создала условия существования, функционирования и развития профессиональной карьеры сотрудников органов внутренних дел. В статье представлены содержание понятия данных условий и их сущностная характеристика. Автор обращает внимание на текущий уровень состояния изучения данной проблемы. В исследовании были использованы методы структурного анализа правовых документов, сравнительный анализ научной литературы, конкретно-социологический метод опроса в форме полуструктурированного интервью, а также анкетный опрос.

Исследование позволило разработать собственное определение термина «условие», провести сравнение понятиями «условие» и «фактор», в качестве основных выделить базовые условия, среди которых применение правовых норм, реализация процесса поступления на службу, бытовые условия и др.

Ключевые слова: карьера, профессиональная карьера, органы внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, служба в органах внутренних дел, условия профессиональной карьеры.

Abstract. The relevance of the work is due to the reform of the law enforcement system, which created the conditions for the existence, functioning and development of the professional career of employees of the internal affairs bodies. Accordingly, it is necessary to present the content of the concept of these conditions and their essential characteristics in the article. The author draws attention to the status of these issues in the current researches. The methods of structural analysis of legal documents, a comparative analysis of scientific literature, a specific sociological survey method in the form of a semi-structured interview, as well as a questionnaire survey were used.

The study allowed us to develop our own definition of the term «condition», to compare the concepts «state» and «factor». Such terms as basic conditions are pointed out including the application of legal norms, the implementation of the process of admission to service, living conditions, etc. The study allowed us to develop our own definition of the term «condition», to compare the concepts «state» and «factor». As the main, highlight the basic conditions, among which the application of legal norms, the implementation of the process of admission to service, living conditions, etc.

Key words: *career, professional career, internal affairs agency, employee of internal affairs agency, conditions of professional career.*

Реформа МВД РФ, начатая еще в 2009 г., одной из основополагающих целей ставит улучшение качественного уровня прохождения службы в органах внутренних дел (далее ОВД), что порождает создание благоприятных условий для развития профессиональной карьеры их сотрудников.

Изучение такого феномена, как условия профессиональной карьеры сотрудников ОВД невозможно без определения основных понятий, выявляющих сущностные характеристики исследуемого явления. Так, анализ научной литературы позволил обнаружить широкое употребление термина «условие» как в социологии, так и в других научных сферах. Данный термин, как правило, употребляется без конкретного смыслового объяснения.

В терминологическом словаре понятие «условия» определяется как «то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие вещи, состояния, процесса, в отличие от причины, которая с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо (действие, результат действия), и от основания, которое является логическим условием следствия» [2, с. 417]. Условия, таким образом, это то, что делает существование чего-либо возможным. Мы в данном исследовании предлагаем воспринимать указанную категорию как определенную системную среду существования каких-либо объектов или явлений, определяющую как внутренние, так и внешние факторы становления, развития и функционирования различных категорий данного явления.

Разграничивая такие понятия, как «факторы» и «условия», предлагается авторское сущностное видение последнего. Под факторами мы понимаем определенную движущую силу, способную изменять различные социальные явления. Условия же, при данном подходе, это среда, созданная для осуществления этих факторов. Иными словами, фактор — это отражение идеалистического представления о том, что именно должно влиять на процесс изменения того или иного явления, а условие — это реальная картина того, как эти представления реализуются на практике.

Отметим, что данная статья опирается на материалы, полученные при помощи социологических исследований: анкетного опроса, участниками которого стали 2500 сотрудников ОВД Иркутской области различных подразделений и должностей, а также экспертного опроса в форме интервью. В качестве экспертов выступили наиболее компетентные представители правоохранительной системы: 12 человек, обладающих стажем работы не менее 10 лет и занимающих значимые должности в правоохранительных органах.

Переходя к условиям профессионального роста в ОВД, представим процесс реального осуществления и применения изначально предполагаемых законодателем в процессе реформирования факторов функционирования и развития про-

фессиональной карьеры сотрудников. При этом нельзя не отметить давление модернизации на условия прохождения службы в ОВД и процесс реализации «рычагов» развития карьерного роста.

Основываясь на результатах социологических исследований, проведенных нами для выявления мнения сотрудников ОВД о вопросах прохождения службы и построения объективной характеристики условий службы, разделим условия становления профессиональной карьеры сотрудников ОВД на несколько блоков. Блок первый — применение норм, установленных в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [2] и определяющих правовой статус сотрудника ОВД. Бесспорно, законодательное установление (впервые) комплекса прав свидетельствует о понимании законодателем необходимости в принципе закрепить данный статус и, соответственно, обеспечить уровень повышенной защищенности сотрудника ОВД. Но стоит отметить, что не всегда закрепление прав означает возможность их полноценной реализации. Проиллюстрируем данный вывод конкретными примерами.

- 1) Право на получение профессионального образования и продвижение по службе с учетом уровня квалификации. Фиксация данной возможности отражает необходимость соответствия требованиям, предъявляемым к сотрудникам ОВД, а также возможность продвижения по карьерной лестнице.

В системе структурного реформирования МВД России в связи со штатной оптимизацией (сокращение сотрудников), служебная нагрузка каждого элемента системы выросла в несколько раз. Численность штата сокращается, общий объем работы остается прежним, соответственно, происходит распределение обязанностей по «оставшимся» сотрудникам. «Модернизация, несомненно, имеет свои плюсы, но из-за сокращения штата работы стало в два, а то и в три раза больше. Население не уменьшается, а штат сокращен. Зоны ответственности каждого участка увеличиваются и, естественно, возникают переработки». *(Из интервью эксперта И.И. Ломаш, подполковника полиции).*

Соответственно, сотрудник ОВД, желающий осуществить свое право на профессиональное образование, скорее всего, не будет иметь полноценной возможности для его реализации из-за недостатка времени и физических сил. К тому же непосредственный руководитель откровенно не заинтересован, чтобы сотрудник, получив учебный отпуск, передал свои дела коллегам или отложил их исполнение до окончания учебной сессии.

Можно сделать вывод, что для процесса профессиональной карьеры сотрудника ОВД недостаточно лишь закрепления правового положения, система должна создавать необходимые условия для осуществления и применения тех возможностей, которые предоставляет законодатель.

- 2) Социальные гарантии, например, предоставление жилья или единовременной выплаты на покупку жилья.

Закрепление таких гарантий является серьезным мотиватором осуществления профессиональной деятельности в ОВД, так как для получения жилья установлен временной ценз — стаж работы не менее 10 лет. Соответственно, у сотрудника появляется дополнительный фактор развития профессиональной карьеры. Но законодатель при этом определяет условие, что «выплаты производятся в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных федеральному

органу исполнительной власти в сфере внутренних дел» (ст. 4 ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ») [1]. При этом система реформирования оптимизирует бюджет, ограничивая финансирование государственной и муниципальной службы, в том числе и исполнительной системы. Исходя из этого, можно предположить, что реализация социальных гарантий становится затруднительной.

Диаметрально противоположная оценка указанной ситуации у представителей экспертной группы: «Несмотря на наличие недостатков структурных изменений, остается материальная стимуляция — предоставление жилья или, как минимум, общежития. И некоторые сотрудники успешно используют это право». (Из интервью эксперта В.Г. Матвеева, подполковника полиции).

При этом член экспертной группы Т.Л. Гайербегов в своем интервью подчеркивал: «Существует достаточно обширная проблема — отсутствие общежития. Нет жилья для сотрудников. Я имею в виду иногородних граждан. Сотрудники из других городов снимают жилье за свой счет. И, конечно, самая главная проблема — это отсутствие финансов не только в нашей структуре, но прежде всего в государстве».

Таким образом, мы видим неоднозначные показатели реализации социальных гарантий сотрудников ОВД, в первую очередь касающиеся решения жилищного вопроса.

3) Судебная защита. Каждый сотрудник ОВД имеет право защищать и отстаивать свои нарушенные права и свободы.

К сожалению, модернизация органов власти не всегда оказывает положительное влияние на этот процесс, поскольку обладает двусторонним свойством воздействия на субъект. Так, для некоторых сотрудников ОВД структурные изменения обернулись сокращением, а значит, прекращением карьерного процесса. Оказавшиеся в такой ситуации служащие на основании указанного права могут обратиться в судебные органы за защитой своих законных интересов, что повышает возможность восстановления своего правового и социального статуса.

Анализ судебной практики, в том числе конституционной, за период от начала реформы до сегодняшнего времени показал, что сотрудники ОВД в 90% случаев обращаются в суд с исками о признании приказа об увольнении незаконным, требуя, как правило, восстановления на службе и в звании, аннулировании записи об увольнении в трудовой книжке, выплаты денежного довольствия за время вынужденного прогула и моральной компенсации. Также выявлено обращение в Конституционный суд РФ с просьбой о признании п. 9 ч. 3 ст. 82 ФЗ № 342 неконституционным на основании того, что оспариваемая норма не содержит четких критериев определения проступка, включает в себя оценочные понятия, что свидетельствует о неопределенности ее содержания и возможности произвольного применения [6].

Такие негативные правоотношения между конкретным государственным органом и его сотрудником возникают в основном, когда сокращение связано с совершением, по мнению руководства, проступка, порочащего честь сотрудника ОВД. Это, как правило, и вызывает протест со стороны большинства сотрудников, не прошедших аттестацию по данному основанию. Соответственно, именно в данном случае необходима четкая правовая характеристика оценочных понятий.

Изучение ряда решений районных, областных, апелляционных судов, Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ [3; 4; 5; 7; 8] позволяет выявить определенную тенденцию: иски, направленные, например, на удовлетворение требований о признании приказа об увольнении недействительным, удовлетворяются на уровне районных и апелляционных судов в большинстве случаев, но на стадии кассации суд отменяет решения (определения) нижестоящего или апелляционного суда.

Рассматриваемая правовая ситуация показывает определенную двойственность применения норм закона, в частности, положения о сокращении и оптимизации, действенность и эффективность судебной системы, а также реальную реализацию прав сотрудников органов внутренних дел (судебная защита).

Второй блок — процесс поступления на службу в ОВД и условия осуществления профессиональной карьеры.

Одним из начальных этапов карьерного процесса является поступление кандидатов на службу в ОВД, где будущие сотрудники правоохранительной системы сталкиваются с первыми трудностями в карьерном росте.

Социологический опрос сотрудников ОВД различных подразделений Иркутской области показал, что 70% опрошенных оценили уровень сложности поступления на службу в ОВД как сложный (от 6 до 8 по 10-балльной шкале), и лишь 30% — как легкий (от 3 до 5 по 10-балльной шкале). Но после дополнительного анализа результатов было выявлено, что из 30% сотрудников, считающих процесс поступления на службу легким, 89% оказались сотрудниками главного управления, а не городских и районных подразделений.

Что же касается продвижения по карьерной лестнице, уровень сложности сотрудники оценили примерно одинаково. Общий результат показал, что 67% оценивают процесс карьерного продвижения на 6-8 баллов по 10-балльной шкале. Это высокий уровень сложности. При этом 54% данного рода опрошенных — сотрудники главного управления МВД, 46% — городских и районных подразделений. Считают процесс очень сложным (9-10 баллов из 10 возможных) 33% респондентов. Из них 49% — сотрудники главного управления, 51% — иных подразделений.

По мнению ряда экспертов процесс поступления на службу в ОВД — это крайне не простой этап профессиональной карьеры, так как система очень требовательна к кандидатам. Соответственно, восприятие сотрудниками правоохранительной системы возможностей своего профессионального роста в первую очередь связано с их статусом, должностью и местом службы в ОВД. Если сравнивать этот вывод с данными, полученными нами при оценочном опросе населения о восприятии деятельности правоохранительных органов и их сотрудников, то они отличаются. Анализ социологического опроса граждан показал первичность территориального признака. При этом понимание сущности профессионального роста сотрудником, находящимся внутри системы, не зависит от места нахождения органа, но зависит от места его собственного нахождения внутри системы ОВД. Следовательно, карьера сотрудника ОВД будет отличаться в зависимости от подразделения, в котором он проходит службу.

Так, после дополнительного анализа проведенных опросов нами сделан вывод, что прохождение службы в сфере уголовного розыска является наиболее сложным по сравнению с другими направлениями. По результатам анкетиро-

вания, в большинстве случаев именно сотрудники уголовного розыска отметили самые высокие показатели сложности продвижения по карьерной лестнице (на 8–9 баллов из 10).

Расхождение в восприятии происходит вследствие того, что опрашиваемое население — это неорганизованная масса граждан разного состава, уровня образования, возраста и места жительства. А сотрудник ОВД — элемент системы, и его понимание работы ОВД, карьерного процесса и т.д., является более углубленным и осознанным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие сотрудниками правоохранительной системы возможностей своего профессионального роста в первую очередь связаны не с территориальным признаком, а с тем статусом, должностью и местом службы в ОВД, в котором конкретный субъект в данный момент находится.

Третий блок — бытовые условия. Говоря о реализации предъявляемых требований к условиям труда в ОВД, следует отметить их неудовлетворительное в большинстве случаев состояние. Результаты опроса сотрудников ОВД показали, что 92% отметили условия как плохие (отметки от 0 до 5 баллов), всего 6% респондентов ответили, что условия труда хорошие (от 6 до 10 баллов) и 2% не ответили на заданный вопрос (рис. 1).

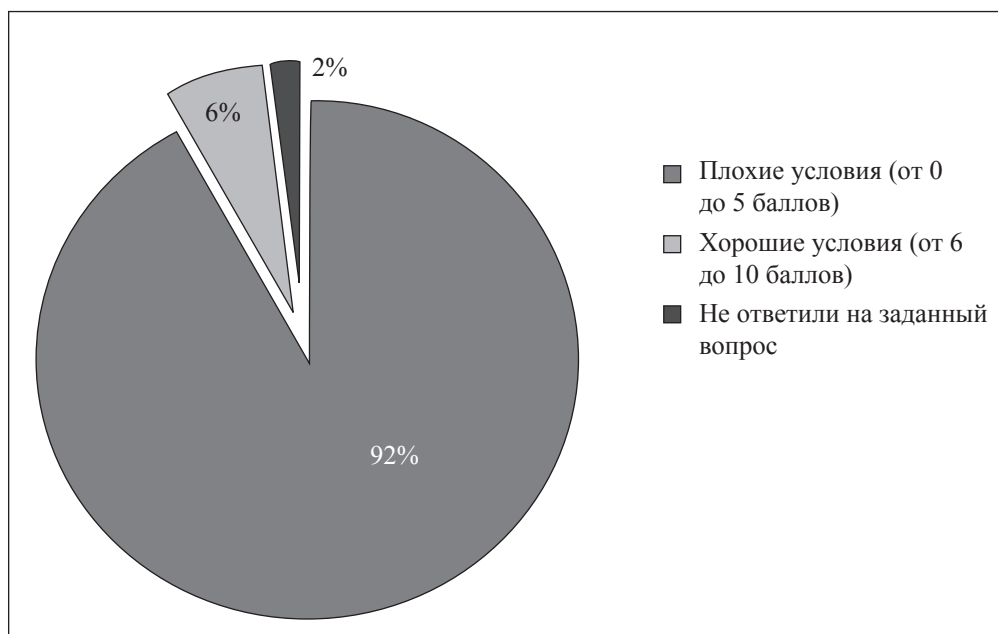

Рис. 1. Результаты опроса сотрудников ОВД о состоянии условий труда

Отдельно хотелось бы уточнить, что ни один участник социологического опроса не поставил оценку выше семи баллов. Это позволяет утверждать, что существуют неудовлетворительные условия труда в системе ОВД. Наш вывод подтверждают и материалы из интервью членов экспертной группы.

«Самая главная проблема — здания, в которых мы работаем. Советская застройка, требующая капитального ремонта, а во многих случаях вообще сноса. При этом Уполномоченный по правам человека закрывает изоляторы в связи с тем, что не соблюдаются условия нахождения преступников в таких помещени-

ях. А сотрудники ОВД работают в условиях намного хуже, чем в изоляторах. На данный момент 18 000 территориальных ОВД. В год строится 8–9 новых зданий. Конечно, для области важнее построить здание под школу или детский сад. В год система ОВД приносит доход около 2 млрд, а требует 19 млрд на то, чтобы восстановить минимальные условия работы». (М.Д. Шалагина, подполковник внутренней службы).

«Изначальная проблема в том, что на первом этапе специалисту придется поступить именно в территориальный орган, где социально-бытовые условия не выдерживают никакой критики. Бытовая неустроенность и ненормированный рабочий день. В целом, адаптация — довольно сложный процесс. Трудно свести к минимуму профессиональную деформацию, сотрудники быстро выгорают и становятся безразличными ко всему происходящему». (В.Г. Матвеев, полковник полиции).

Подводя итог рассмотрения вопроса о проблемах реализации достойных условий труда, отметим, что, как и во многих других процессах, система МВД не имеет достаточно возможностей для создания благоприятной среды в осуществлении предписанных буквой закона факторов карьерного роста.

Четвертый блок — условия реализации института наставничества.

Наличие специфических характеристик в деятельности органов внутренних дел формирует особую среду для работы: повышенная ответственность, объемы работы, переработки и сложная психологическая обстановка. Для молодых специалистов, поступивших на службу в ОВД, такая служебная обстановка является определенным барьером для профессиональной карьеры. Молодые специалисты, поступающие на службу, далеки от реальности. Они не подготовлены к условиям работы» (из интервью эксперта А.С. Васина, полковника полиции). «На данный момент многие не согласны с комплектованием из-за плохой подготовки кадров» (из интервью эксперта В.Г. Матвеева, полковника полиции).

Неудовлетворительный уровень кадровой подготовленности в совокупности со сложной для адаптации служебной среды указывают на необходимость развития института наставничества в процессе профессиональной карьеры сотрудников ОВД.

«На данный момент наставничество обладает лишь формальными характеристиками» (из интервью эксперта Р.В. Секлетина, капитана юстиции). «Исчезло наставничество. Некому передавать опыт и знания, а если и есть, то у них недостаток времени из-за повышенной нагрузки» (М.Д. Шалагина, подполковник внутренней службы).

Следует отметить формальный характер наставничества на данный момент. Система МВД России создает такие условия прохождения службы, которые практически уничтожают данный институт. Из-за повышенной нагрузки и недостатка времени сотрудники, обладающие высокой квалификацией, профессионализмом и опытом работы, не имеют практической возможности передать полезные навыки и умения молодым специалистам. Это усложняет не только процесс адаптации сотрудников, но и карьерный путь в целом.

Мы видим острую необходимость в развитии данного института в ОВД и предлагаем обратить на него особое внимание, поскольку в связи со спецификой служебной деятельности в ОВД молодые специалисты нуждаются в «наставнике», который сможет в ходе осуществления ими своих обязанностей корректировать действия и оказывать содействие подопечному в совершенствовании

его профессиональных навыков и качеств. По нашему мнению, наставничество может явиться основополагающим двигателем профессиональной карьеры сотрудников ОВД.

Итак, мы определили некоторую систему условий профессиональной карьеры сотрудников ОВД, построенной на изначально «продуманных» факторах (рис. 2).

Рис. 2. Система условий профессиональной карьеры сотрудников ОВД

Обобщая вышесказанное, отметим, что в условиях реформирования системы МВД России преобладает нестабильный характер. Сама специфика работы в ОВД подразумевает сложные условия профессиональной трудовой деятельности для ее сотрудников. Это связано с тем, что изначальные представления законодателя о факторах развития профессиональной карьеры в рамках модернизации, доходя до «места назначения» в значительной степени искажаются, так как условия осуществления этих факторов неотрегулированы должным образом.

Список литературы

1. Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 23.04.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 25. 07. 2011 г. — № 3 (Ч. 1). — Ст. 4595.

2. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.2011. — № 49 (Ч. 1). — Ст. 7020.

3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24 марта 2016 г. по делу № 33–5716/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=233277#07849526255670546> (дата обращения: 06.08.2018).

4. Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 24 января 2014 г. № 44–АПГ13–16 [Электронный ресурс] // Правосудие. Судебная практика России. Режим доступа: <http://www.pravosudie.biz/101758> (дата обращения: 06.08.2018).

5. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18 февраля 2016 г. по делу № 33–1416/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=183024214405873004202282807&cacheid=5E90C55966A8BF0C7D8B16A6C5945F17&mode=splus&base=SOSK&n=38492&rnd=0.9693398448501371#033902402-585242575> (дата обращения: 06.08.2018).

6. Определение Конституционного суда РФ от 17.02.15 № 278 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демина Павла Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 ФЗ “О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ”» [Электронный ресурс] // Кодификация РФ. Режим доступа: <http://rulaws.ru/acts/Opredelenie-Konstitutsionnogo-Suda-RF-ot-17.02.2015-N-278-O/> (дата обращения: 06.08.2018).

7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 18 января 2016 г. № 74–КГ15–145 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Режим доступа: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012016-n-74-kg15-145/> (дата обращения: 06.08.2018).

8. Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2015 г. № 45–КГ14–13 [Электронный ресурс] // Правосудие. Судебная практика России. Режим доступа: <http://pravosudie.biz/060509> (дата обращения: 06.08.2018).

9. Философский энциклопедический словарь / ред. Е.Ф. Губский [и др.]. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 574 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ЛЬВА ТОЛСТОГО КАК МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE IMAGE OF LEO TOLSTOY AS A CONCILIATOR IN A HISTORICAL CONTEXT

ЮНГУС Галина Андреевна — аспирант кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск (e-mail: galina_vyazova_@mail.ru)

YUNGUS Galina Andreevna — Postgraduate Student, Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University, Khabarovsk (e-mail: galina_vyazova_@mail.ru)

Аннотация. Посредничество имеет социокультурные традиции в жизни России, в русской философской мысли XIX–XX вв. В статье представлен социально-философский анализ сущности социального посредничества в историческом контексте. Рассмотрен социально-философский аспект деятельности Толстого как мирового посредника. Рассматриваются принципы примирения в конфликте, исходя из моральной философии в творчестве Л.Н. Толстого. Предложена мировоззренческая и общеполитическая оценка принципов посредничества.

Ключевые слова: социальная философия, моральная философия, солидарность, конфликт, посредничество, мировое посредничество, моральная философия, общество, проблема, писатель, свобода, самовоспитание, принципы, концепция, нравственность, социокультурные традиции

Abstract. Conciliation has socio-cultural traditions in Russian philosophical thought of the XIX–XX centuries. The article presents a socio-philosophical analysis of the nature of social mediation in the historical context. The socio-philosophical aspect of Tolstoy's activity as a conciliator in the conflict, based on his moral philosophy is considered in the given paper. A philosophical and worldview assessment of the principles of reconciliation is proposed as well.

Keyword: philosophy, conciliation, mediation, social philosophy, moral philosophy, solidarity, conflict, mediation, attitude to the other, socio-cultural traditions, morality, freedom, sociocultural traditions.

Учение Льва Толстого о нравственности через сто лет после его появления вновь обретает актуальность. Прошедший век ничего не изменил в жизни людей: все так же конфликты, все так же в сознание человека сильны эгоистичные мотивации. Тем не менее, идеи мира и примирения через диалог делают актуальными утопические представления Толстого о моральной философии. Совершенно новые глобальные проблемы, вставшие перед человечеством в нынешних условиях, вызывают настоятельную потребность разобраться в проблеме ненасильственного устройства жизни людей и социальных механизмов разрешения конфликтов в обществе.

Цель исследования в том, чтобы рассмотреть образ Толстого как мирового посредника в рамках крестьянской реформы XIX в. и проанализировать деятельность в социальных конфликтах в историческом контексте крестьянской реформы 1861 года. В исследовании был применен метод сравнительного анализа.

Толстой в должности мирового посредника предстает как принципиальный и справедливый служитель, однако с учетом исторических реалий его образ как мирового посредника оказывается нетипичным, поскольку принципы, которыми он руководствовался, лежат не в традиционном укладе деятельности мирового посредника, но в личном философском представлении о деятельности примирителя. Формально Толстой действовал в рамках своих полномочий, но идейно выходил за рамки традиционных стереотипных шаблонов поведения, чем вызывал в сословном обществе симпатию у одних и неприятие у других. В своей деятельности в качестве мирового посредника Толстой исходил из позиции социальной справедливости и пытался совмещать, несмотря ни на какие трудности и противоречия, идеальные принципы и реальную жизнь, считая это делом совести. Лев Толстой отличался тем, что ставил принципы справедливости и независимости в работе мирового посредника выше интересов дворянского сословия, чем вызывал доверие у крестьян и враждебное отношение со стороны отдельных представителей дворянства. Неравенство людей из разных сословий накладывало отпечаток на отношение крестьянства к мировому посредничеству. Таким образом, в деле разрешения социальных конфликтов представляет интерес моральная философия Льва Толстого.

Образ Толстого как общественного деятеля «многоличен»; масштаб и новизна сфер применения его социальной активности поражали даже его современников. Так, Тургенев в 1857 г. в одном из писем, адресованном Толстому, пишет, что тот сделался не только литератором. Но он затрудняется квалифицировать приоритетную сферу его социальной деятельности: «Никак не могу придумать, что же вы такое, если не литератор: офицер? помещик? философ? основатель нового религиозного учения? чиновник? делец? Пожалуйста, выведите меня из затруднения и скажите, какое из этих предположений справедливо» [10, с. 195].

Обратимся к личности Льва Толстого как философа и общественного деятеля, и рассмотрим его деятельность в должности мирового посредника. Моральная философия, разработанная Толстым, отражает социально-философские взгляды, сформированные с активной жизненной позиции. Толстой известен как философ, писатель, общественный деятель, учитель, но примечательна и его деятельность в должности мирового посредника. Если сравнивать институт мировых посредников XIX в. и правовой институт медиаторов в современном обществе, то мировой посредник в период проведения крестьянской реформы 1861 г. по статусу значительно отличался от независимого посредника, медиатора в современном обществе. Медиатор в современном обществе — всего лишь привлекаемый независимый посредник, не имеющий властных полномочий. Мировой посредник в XIX в. утверждался на должность Сенатом и обладал судебно-административной властью [7, с. 370]. Будучи должностным лицом, мировой посредник выбирался из дворян для составления и утверждения уставных грамот и разбора споров между крестьянами и помещиками [7, с.370]. Принцип сословного разделения общества в XIX в. отражался в кадровом отборе мировых посредников: «Мировой посредник назначался из числа авторитет-

ных дворян для утверждения уставных грамот, особых актов, фиксировавших границы крестьянских наделов, и разбора спорных вопросов между крестьянами и помещиками, т.е. выступал в роли третейского судьи в течение трех лет» [4, с. 234–235]. Мировой посредник разбирал именно социальные споры, связанные с проведением крестьянской реформы, содействовал поддержанию социального мира и нейтрализации социальной напряженности.

Следует отметить, что деятельность Толстого в должности мирового посредника была непродолжительна. Толстой ушел в отставку с должности по собственному желанию. Разрешение социальных конфликтов путем посредничества — социальный механизм. Мировой посредник отвечал за мирное разрешение конфликтов, без насилия и противостояния. Толстой был утвержден Сенатом в должности мирового посредника 23 июня 1861 г. [1, с. 98]. Как отмечается в биографии Толстого, «в 1861–1862 гг. Толстой “энергично” и “добросовестно” занимался посреднической деятельностью в Крапивинском уезде Тульской губернии», причем акцентируется, что, руководствуясь гражданским долгом, а главное, ответственностью «перед своей совестью», он самым честным образом исполнял свои посреднические функции на протяжении 11 месяцев и в этот период «чувствовал себя довольным счастливым, как никогда» [4, с. 234–235].

Социальное посредничество как социально-активная позиция, а не должность отмечается в биографии Толстого, здесь и педагогическое направление обучение крестьян, и участие в создании книжного издательства «Посредник». Данное издательство (1884–1935) выпускало дешевые книги для народа самого широкого содержания: от хозяйственных изданий до учебных книжек для детей и календарей на каждый день. «Посредник» создавался при непосредственном участии Толстого и пропагандировал жизненный уклад и мировоззренческую позицию, созвучные его взглядам [4, с. 632]. Несомненно, посредничество в поддержании социального мира в понимании общественно полезной позиции было близко Толстому по мировоззрению. Очевидно, тема посредничества во время работы посредником становилась для писателя предметом рефлексии и философского рассуждения, дискурса. Так, в своем письме к А.А. Толстой (конец июля 1862 г.) он пишет: «...неожиданно получил назначение в посредники. У меня был журнал, была школа, я не посмел отказаться перед совестью и ввиду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, которое обещалось меня съесть, ежели я пойду в посредники. Вопли против моего посредничества дошли и до вас, но я просил два раза суда, и оба раза суд объявил, что я не только прав, но и судится не в чем; но не только перед их судом, перед своей совестью я знаю, особенно последнее время, что я смягчал, слишком смягчал закон в пользу дворян» [1, с. 105–106].

Толстовская моральная философия имеет комплексную природу. В ней можно выделить предпосылки онтологических истоков, методологические и моральные аспекты. Рассматривать теорию только с точки зрения методологии, способа изменения общественной жизни, было бы не только однобоко, но и ошибочно. Главный смысл моральной философии лежит, скорее, в конечной цели достижения общественного блага, причем такими средствами, которые ему не противоречат, хотя тезисы теории можно рассматривать и как простодушную утопию.

Толстой поднимал в своих работах тему социального мира и условий поддержания социального спокойствия. Посредничество — сложный процесс, содей-

ствующий межличностным, межгрупповым и межгосударственным переговорам. Философия Толстого основывается на принципах общественного единства и солидарности. Посредничество применяется в тех случаях, когда стороны не могут самостоятельно справиться с социальным конфликтом и требуется внешняя помощь в лице посредника, который организует процесс коммуникативного взаимодействия и поиск взаимоприемлемого соглашения. Философия Льва Николаевича рассматривается в различных научных и литературных источниках, в частности в исследованиях Г.И. Щетининой [12], в книгах, посвященных педагогическому направлению творчества Л.Н. Толстого [11]. Она отражена в произведении «Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей» [5].

Как известно, он всю жизнь вел дневник. Так, в его биографии отмечается: «С 19 лет и до конца жизни Толстой вел дневник, куда он заносил не только свои размышления, но и свои самонаблюдения» [2, с. 705]. Неукоснительное соблюдение принципа справедливости в деятельности Толстого скорее характеризует его как личность, чем дает характеристику той эпохи. Как отмечал сам Толстой, «...говорят, деятельность одного человека есть капля в море. Капля в море!» [2, с. 712].

Среди мировых посредников в XIX в. было немало известных дворян, в частности можно выделить Юрия Федоровича Самарина, философа, историка, знакомого Толстого. В определенных направлениях взгляды философов совпадали: «Оба они хорошо знали деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Оба мечтали об освобождении крестьян от крепостного гнета» [8, с. 34–35]. Самарин придерживался славянофильства, в 1844–1846 гг. он написал критическую статью «О мнениях “Современника”, исторических и литературных», в которой впервые сформулировал главные положения славянофильского учения» [6, с. 446]. Среди мировых посредников также был Николай Иванович Пирогов, хирург, академик, участник обороны Севастополя, о котором в биографических дневниках Маковецкий записал слова Толстого: «Пирогов много доброго сделал» [6, с. 390], причем отмечается, что «Л.Н. говорил о Пирогове с симпатией и уважением» [6, с. 390].

Следует отметить, что идеи и мировоззренческие взгляды Толстого на посредничество как социальный феномен едва ли находили поддержку у других мировых посредников во время проведения крестьянской реформы. В биографических заметках о писателе современник, бывавший в гостях у Толстых, свидетельствует следующее: «После отъезда мировых посредников Лев Николаевич всегда был недоволен и очень нелестно отзывался о своих сотоварищах по съезду, из которых я ни одного не видел в Ясной Поляне. Впрочем, Лев Николаевич недолго оставался мировым посредником. В апреле или мае 1862 г. он подал в отставку» [1, с. 121].

Неприятие Толстым насилия основано на его концепции прогресса. Общественный прогресс бессмыслен без прогресса нравственного, последний должен опережать технический прогресс. В противном случае, по Толстому, он обернется губительными для людей последствиями, созданием совершеннейшей эксплуатации людей и природы. Толстой видел в насилии одну из основных причин всех зол и считал, что спасение состоит в замене насилия любовью, а не в изменении внешних порядков. Возражая Толстому, современники указывали на утопичность призыва к всеобщему отказу от насилия.

Одно из жизненных правил Толстого могло бы быть полезным советом всем занимающимся посреднической деятельностью: «Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое — делать самому то, что он советует другим, второе — никогда не поступать против справедливости и третье — терпеливо переносить слабости людей, окружающих его» [9, с. 708].

Для специалиста в области общения с людьми в любую историческую эпоху остро стоял вопрос критерия мотивации. Так, Толстой замечал: «Пусть одобрение людей будет последствием твоего поступка, а не целью»; «Не верьте словам ни своим, ни чужим, верьте только делам и своим, и чужим», «Кто самый главный человек? — Самый главный человек тот, с которым ты в данную минуту общаешься» [9, с. 708].

Говоря о готовности к примирению, надо рассматривать культурную изначальность менталитета. Русская сказка о том, как журавль и цапля ходили мириться, и каждый боялся первым обратиться с предложением идти на мировую, показывает трудности в примирении без посредника.

В отдельные периоды истории отечественная философская мысль находилась под влиянием немецкоязычных авторов: И. Канта, Л. Фейербаха, К. Маркса, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и других. Вместе с тем, были утрачены определенные традиции культуры, поскольку господствовал материализм и западничество, которое оставило глубокий след в сознании наших философов. По существу ничего плохого в общей ориентации современных философов на западную культуру нет. С одной стороны, ориентация на западный опыт позволяет развивать и пополнять научные знания, с другой — зарубежные методики социального поведения, даже написанные на русском, поймет далеко не всякий русский читатель.

В русской философии по вопросу миротворчества и примирения, насколько об этом можно судить за полтора века ее развития, существуют некоторые своеобразные особенности, которые вообще отодвигают теорию познания на второстепенное место. Как отмечал Толстой, «Знание — орудие, а не цель» [9, с. 708]. Представляется, что писатель склонен к так называемому онтологизму при разрешении вопросов примирения и миротворчества.

Другой русский писатель Алексей Толстой очень верно заметил: «Сегодняшний день — в его законченной характеристике, понятен только тогда, когда он становится звеном сложного исторического процесса» [9, с. 451]. При комплексном анализе факторов принятия решения о примирении, где чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическая перцепция, нравственный опыт и созерцание играют огромную роль, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает путь к примирению в спорах, конфликтах и противостояниях. Именно этот цельный опыт является основой творческой деятельности многих русских мыслителей; мысли о миротворчестве и примирении можно встретить в работах Л. Толстого, А. Толстого, В. Соловьева, С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка и других. Опираясь на цельный опыт, возникают умозаключения на основе синтеза идей и представлений. Философии в России свойственна реальность, и даже некая приземленность, чужда идеализация при рассмотрении содержания внешних перцепций.

Можно отметить, что поиски способов преодоления насилия и враждебности людей остаются актуальными во все времена. Размышления по этому поводу обращают нас к позиции Толстого, известного автора моральной фило-

софии. Основной ее принцип: «Злом нельзя пресечь зла». Толстой придавал ключевой смысл нравственности, считал ее важнейшим законом межличностного общения.

В рамках моральной философии можно выделить некоторые принципы посредничества, детерминирующие эффективность разрешения конфликтов и формирование социального примирения.

Принцип солидарности и общественного единства. Воздержание от осуждения других и от претензий на интересы другого. Речь идет о том, чтобы не оценивать людей, не покушаться на их свободу, нравственное достоинство, их право самим определять свою жизнь. В романе «Война и мир» один из героев говорит, что то, что справедливо и несправедливо — не дано судить людям, поскольку люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чем больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым. Таким образом, человек должен относиться к другим людям с позиции общественной солидарности.

Принцип терпимости. Философские основы толерантности сложно рассматривать как производные от зарубежных идей, поскольку по существу смысловые представления о терпении к инаковости другого присутствуют в русской философии. Как писал Толстой: «Когда тебя раздражают люди, а социум тяготит, остается один путь — уединение [2, с. 795]. Однако толкование толерантности в разных культурах различно. Если стороны социального конфликта равны в правах, то это предполагает деятельность, взаимодействие на основе равенства социальных партнеров, открытость социальному опыту собеседника, сохранение индивидуального своеобразия каждого из них и достижение согласия без ущемления индивидуальных интересов на основе диалога, преимущественно методами разъяснения и убеждения.

Принцип практической целесообразности. Целью примирения в социальном конфликте является восстановление социального доверия между членами общества и, тем самым, достижение общего блага, поскольку все члены общества, так или иначе, взаимосвязаны. Примирение нацелено на снижение социальной напряженности и противостояния между людьми и социальными группами. Обращает на себя внимание то, что принцип практической целесообразности обосновывается достижением общего блага. Нравственность выступает при этом как средство, а не самоцель. Вывод этот казался Толстому бесспорным. Примирение через мировое соглашение, без противостояния и насилия могло бы нейтрализовать социальное зло.

Принцип нравственности. Для достижения примирения необходимо нравственное руководство над собственными эгоистическими устремлениями. Нравственность выступает при этом как средство, а не самоцель. Здесь принцип выступает не в качестве правила, а в качестве жизненного кредо для каждого отдельного человека и для социальных групп. Философия Толстого дает представление о нравственном совершенствовании, о том, что человек должен воздерживаться от озлобленности, которая подчас проявляется в социальной жизни.

Вместе с тем Лев Николаевич всегда с готовностью отзывался на примеры гуманности, проявления человеческого достоинства, предполагал высокую нравственность участников конфликта, которая позволяет идти на уступки другой стороне. Вообще же бесправие и социальная униженность были для Толсто-

го свидетельством нерешенности не социально-экономических, а нравственных проблем. В соответствии с данной философией социальные конфликты следует преодолевать нравственными средствами. Согласно моральной философии Толстого, бороться с насилием его же средствами — значит еще более усилить уровень социальной агрессии.

Принцип гуманности. Одной из главных является мысль о том, что наиболее слабые на первый взгляд черты личности: мягкость, слабость, уступчивость в историческом масштабе оказываются более существенными. Наиболее существенной в теории Толстого является мысль об «обратной» логике насилия, приводящей к бумерангу зла. Суть этой логики в том, что насилие над злом не уничтожает его, но умножает, и что это умноженное зло обрушивается на голову тех, кто пытается искоренить зло силой, а высшая победа — это победа над собой, собственное совершенствование.

Принцип неконфликтности поведения. Все многообразное художественное творчество Толстого насыщено критикой агрессии и насилия, попытками анализа направлений построения социального мира и поиска путей искоренения детерминант социальных конфликтов и утверждения идеала мира. Причинение ответного зла рассматривается здесь как признак бессилия и безрассудства, тогда как непротivление и воздаяние добром за зло — свидетельство силы и здравого ума. Толстой очень любил и часто повторял мысль о том, что злоба происходит от бессилия. Критике агрессии и социальных конфликтов посвящены различные произведения Толстого. Однако известно, что идеи социальных утопий не дают, как правило, ожидаемых результатов.

Задача совмещения идеального принципа и жизни — дело совести каждого человека. Лишь при восприятии принципа непротivления злу насилием и гибком осуществлении ее посредством совести в собственной жизни можно надеяться на то, что в мире уменьшится доля насилия.

Список литературы

1. Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. — СПб.: Лениздат, 1995. — 686 с.
2. Великие мысли великих людей / Сост. А.П. Кондрашов, И.И. Комарова. — М.: РИПОЛ Классик, 2008. — 1216 с.
3. Л.Н. Толстой в русской критике. — М., 1952.
4. Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н.И. Бурнашёвой. — М.: Просвещение, 2009. — 848 с.
5. Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. — СПб., 2000.
6. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия: изд. 2-е, испр. и доп. / под общ. ред. Н.И. Бурнешевой. — М.: Падад, 2010. — 656 с.
7. Отечество. История, люди, регионы России: энциклопедический словарь / сост. А.П. Горкин, В.М. Карев. — М.: Большая советская энциклопедия, 1999. — 799 с.
8. Поддубная Р.П. Л.Н. Толстой и Ю.Ф. Самарин. — Самара, 2005. — С. 34–35.
9. Таранов П.С. Философский библиографический словарь, иллюстрированный мыслями. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 896 с.

10. Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 376 .

11. *Шаталов А.А.* Л.Н. Толстой о воспитании человека. — М.; Воронеж, 1999.

12. *Щетинина Г.И.* Л.Н. Толстой как социальный реформатор. Основные идеи и последователи, конец XIX — нач. XX в. — М., 1995.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

2(34) 2018

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антоноов
Дизайн обложки:	О.В. Кузнецова

Подписано в печать 03.10.18. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 9. Тираж 500 экз. Заказ № 30.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.